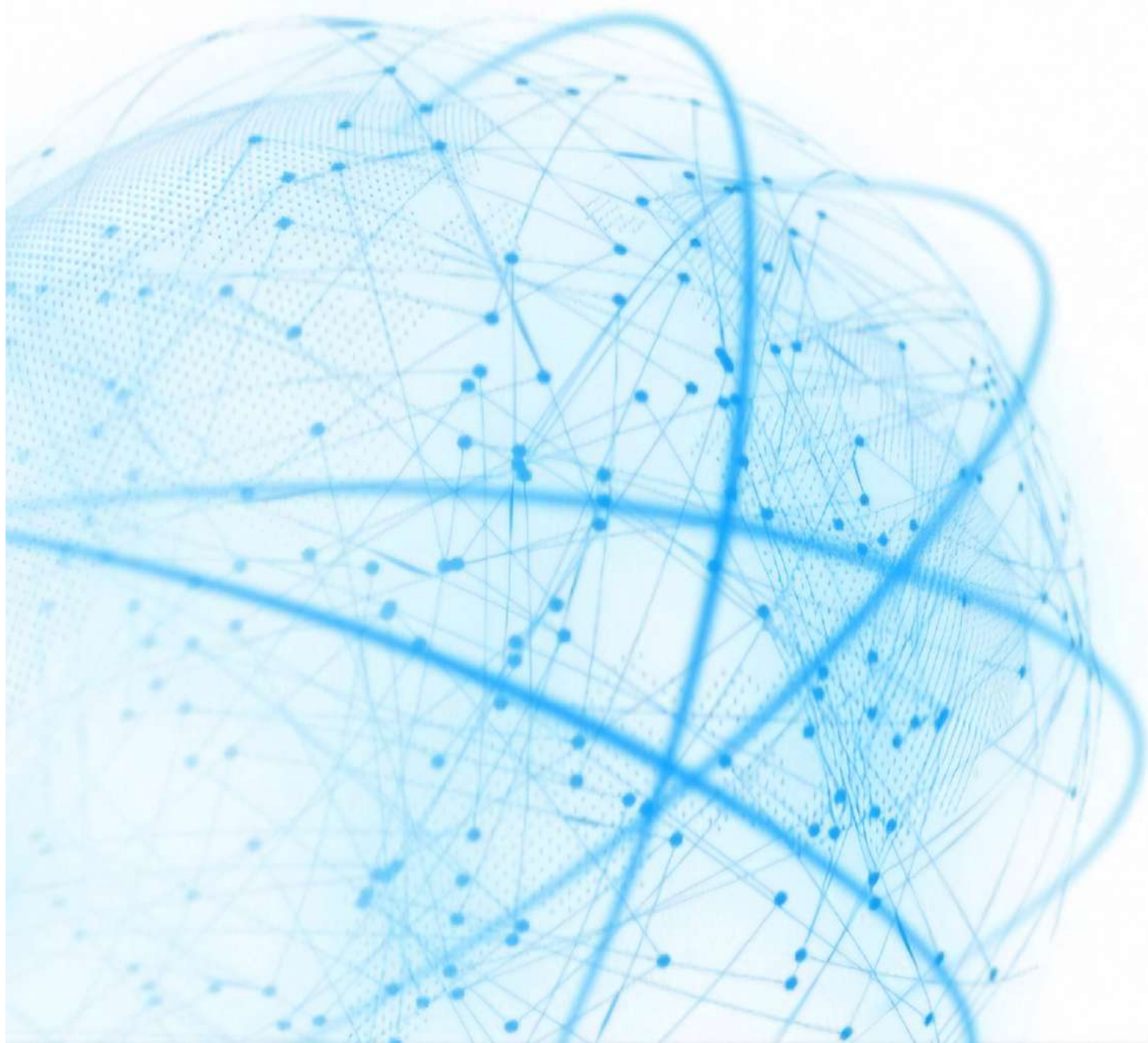

Научный электронный журнал «Сфера науки»

**Выпуск №2
(май)**

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№2

Май 2025 г.

Краснодар, 2025

Содержание

Гражданское право	6
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	6
Абакаров Руслан Мурадович Кадыров Сайхан Асвадович	
 ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ	 12
Баранова Алена Анатольевна Утегулова Амина Гафуровна	
 К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЛОЖНЫХ ЗАВЕРЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	 17
Бондарчук Мария Алексеевна	
 УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ	 28
Лохман Елизавета Владимировна Деньгоф Аделина Викторовна	
 НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР И ДОГОВОР ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	 34
Мясникова Мария Викторовна	
 Гражданско-процессуальное право	 39
К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	39
Вознюк Светлана Владимировна	
 УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	 46
Ганжа Анастасия Евгеньевна	
 ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	 54
Дерябина Анастасия Максимовна Мерешко Арина Владимировна	

ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	61
Ковалева Полина Евгеньевна	
ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ ДОКУМЕНТА К РЕШЕНИЮ	65
Подъячева Анна Андреевна	
Трошкина Александра Сергеевна	
К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ ИЗВЕЩЕНИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	72
Трошкина Александра Сергеевна	
ПРАВО НА ПОДАЧУ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	78
Флянтикова Екатерина Викторовна	
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	84
Щукина Дарья Олеговна	
История политических и правовых учений	89
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ МЫСЛИТЕЛЕЙ О РАННЕМ ИСЛАМЕ	89
Абакаров Руслан Мурадович	
Кадыров Сайхан Асвадович	
Конституционное право	96
ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ОБРАЩЕНИЯ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АКТУАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	96
Сименцова Полина Юрьевна	
Предпринимательское право	103
ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	103
Елисеева Анастасия Александровна	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАСГРАНИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	108
Чепрасов Дмитрий Алексеевич	

Семейное право	114
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ УСЫНОВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ	114
Игнатъева Анна Александровна	
Трудовое право	121
РАБОТА ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ	121
Демидова Лидия Викторовна	
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ТРУДОВОГО РАСПОРЯДКА	130
Тарасова Диана Давидовна	
Уголовное право	136
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ СВОЕГО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ	136
Абакаров Руслан Мурадович	
Магомедов Шамиль Магомедсаидович	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	142
Бушина Елена Романовна	
ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	151
Журавлева Анастасия Сергеевна	
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА ОТ ИНЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ	159
Захарова Алина Антоновна	
Кадыров Сайхан Асвадович	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА АВТОРИТЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ (207.3)	163
Фейзуллаева Фатима Рамисовна	
Уголовно-процессуальное право	173
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ПРЕНИЯХ И ПОСЛЕДНЕМ СЛОВЕ ПОДСУДИМОГО	173
Баранова Алена Анатольевна	
Утегулова Амина Гафуровна	

О ПРИЗНАКЕ НЕОТЛОЖНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ 179

Денисова Анастасия Андреевна

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ПРЯМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ 187

Северьянова Виктория Сергеевна

Алексеев Федор Антонович

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА И СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК
ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ ИЛИ ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА 193

Тажиева Сабина Назимовна

Савенко Варвара Андреевна

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Кадыров Сайхан Асвадович,

Студент,

Саратовская юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

kadyrovsaihan@mail.ru

Абакаров Руслан Мурадович,

Студент,

Саратовская юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

ruslanabakarov04@mail.ru

Аннотация: В данной статье анализируются теоретические положения правового регулирования цифровых объектов гражданских прав. Раскрыто определение цифрового права как объекта гражданских прав. Выявлены основные проблемы юридического определения цифровых прав относительно науки гражданского права. Сделан вывод о важности появления в отечественном гражданском законодательстве норм о цифровых правах, свидетельствующих о стремлении законодателя своевременно реагировать на вызовы трансформирующейся цифровой реальности, что послужит необходимой предпосылкой для дальнейшего регулирования гражданско-правовых отношений, которые стремительно меняются под его влиянием.

Ключевые слова: цифровые права; утилитарные цифровые права; персональные данные; гражданское право; цифровые объекты.

На сегодняшний день во всем мире прогрессирует создание цифровых технологий, которые внедряются в повседневную жизнь. Данный прогресс способствует изменению общественных отношений, постепенному переходу от традиционных институтов к институтам в цифровой форме.

Все активнее развивается и расширяется цифровая экономика, вслед за которой следуют и био-, нейро-технологии, платформенные решения, непосредственно затрагивающие гражданское законодательство и науку гражданского права в принципе.

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве одной из приоритетных задач выделяет цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [2].

В связи с цифровизацией актуальным является анализ необходимости выделения категории цифровых объектов как самостоятельного вида объектов гражданских прав, а также исследование эффективности их правового регулирования.

Легальное определение понятия «цифровые права» содержится в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) и звучит оно следующим образом: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Если мы обратимся к ст. 128 ГК РФ, то можем увидеть некую параллель со ст. 141.1 ГК РФ. С одной стороны цифровые права отражены как самостоятельный вид имущественных прав, а с другой – как обязательственные права, закрепленные в цифровой системе.

Как считает автор Л.Ю. Василевская, «цифровизация прав — это не возникновение нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а лишь их цифровой способ фиксации» [4, с. 113].

Также мы разделяем мнение, согласно которому «цифровое право можно рассматривать в качестве тождественного права на объект, зарегистрированный в децентрализованном реестре, то есть фиксация прав в цифровой форме не порождает новый объект» [3].

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») разграничивает цифровые права на 2 подвида: утилитарные и инвестиционные [1].

В соответствии со ст. 8 вышеупомянутого закона утилитарные цифровые права представляют собой:

- право требовать передачи вещи (вещей);
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Однако самого определения понятия «утилитарные права» законодатель не дает.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы предпочли раскрыть сущность утилитарных цифровых прав через сравнительную характеристику с утилитарными токенами, которая «раскрывается путем указания на их основную функцию - обеспечение доступа к блокчейн-платформе, а соответственно, и к ее продуктам» [10, с. 169].

Правовое регулирование утилитарных цифровых прав характеризуется особой формой осуществления традиционных объектов гражданских прав – вещей, работ, услуг, исключительных прав, результатов интеллектуальной деятельности. Данное обстоятельство не ведет к возникновению новых объектов гражданских прав, а является следствием цифровой трансформации гражданских правоотношений.

Одним из отрицательных тенденций является то, что в ГК РФ содержится очень мало информации про цифровые объекты, но несмотря на это другие непоименованные цифровые объекты также могут быть признаны объектами гражданских прав.

По одному из дел судом апелляционной инстанции с учетом законопроекта, предусматривающего законодательное закрепление понятия «цифровое право», криптовалюта была отнесена применительно к ст. 128 ГК РФ к иному имуществу [8].

Нельзя согласиться с позицией Л.А. Новоселовой о том, что «биткоин – это особый вид обязательно-правового регулирования, при котором обязательства всех остальных участников соответствующей расчетной системы, закрепленные правилами ее функционирования, соответствуют праву каждого владельца биткоина» [6, с. 4]. Биткоин - это пиринговая платежная система, которая использует одноименную единицу для учета транзакций. В данном случае речь идет о специальных алгоритмах - bitcoin algorithms. Обработка любой информации основана на алгоритмах, предназначенных для ее (информации) формирования, хранения, поиска, представления и контроля. Алгоритмы, разработанные ИТ-специалистом, позволяют создать цифровую среду в виде исполняемого кода и данных. Так создаются идеальные объекты, выраженные в материальной форме с помощью знаков, цифр и программного кода и существующие на специальных материальных носителях - современных методах и средствах хранения информации. Следовательно, суждения авторов о цифровой среде,

воспринимаемой материальными носителями как идеальная среда, представляются ошибочными [5, с. 125].

Цифровые права также существуют в виде баланса мобильного счета. Исходя из этого вывода и положений ГК РФ, можно сделать вывод, что цифровые права включают в себя бонусы и баллы, которые накапливаются и регистрируются в информационной системе (бонус «Спасибо» от Сбербанка). Более того, эти примеры - далеко не исчерпывающий перечень тех прав, которые можно отнести к цифровым правам. Очевидно также, что развитие новых технологий повлечет за собой появление все большего количества примеров цифровых прав [9, с. 14].

Как считает А.И. Гончарова, «в пользу принятых изменений можно отметить, что те объекты, которые сегодня мы можем отнести к цифровым правам, уже давно требовали законодательного регулирования» [7, с. 484].

Таким образом, цифровые объекты гражданских прав требуют решения проблемы определения их правового режима. Думается, цифровые объекты в целом не являются на сегодняшний день новыми самостоятельными объектами гражданских прав. Их можно объективировать в качестве уже поименованных объектов с учетом особенностей их фиксации в цифровой среде.

Библиографический список использованных источников

1. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 7 авг.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

3. Будылин С. Цифровые права – это что еще за зверь? // URL: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovye_prava_eto_chno_escho_za_zver (дата обращения: 14.03.2025).
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111-119.
5. Мефодьева К.М. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.
6. Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3-16.
7. Объекты гражданских прав: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под редакцией А.И. Гончарова, А.О. Иншаковой. М.: Изд-во Юрайт; Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2019. 566 с.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40–124668/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukkz7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf.
9. Рыженков А.Я., Трофимов Я.В. Нанотехнологии и наноматериалы как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2012. № 5. С. 14-16.
10. Цифровые активы: правовой анализ: монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна. М.: Издательство «4 Принт», 2020. 304 с.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

Баранова Алена Анатольевна,

студент 3 курса

ФГБОУ «ВО СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

b.alena.tab@gmail.com

Утегулова Амина Гафуровна,

студент 3 курса

ФГБОУ «ВО СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

amiiissha@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема гражданско-правовых аспектов регулирования косметологических услуг. Рассматриваются мнения ученых-правоведов, по поводу термина «косметологических услуг», так как в действующем законодательстве он не отражен. Авторами проанализированы понятие и основные виды косметологических услуг. Сделан вывод, что стоит детально урегулировать данную область медицины.

Ключевые слова: косметологические услуги; косметология; пациент; медицинские услуги; медицина; здоровье; договор оказания косметологических услуг.

На сегодняшний день косметологические услуги занимают значительное место в сфере услуг, предлагаемых населению. В связи с тем, что растет спрос на данные услуги, возникает необходимость в исследовании

гражданско-правовых аспектов, регулирующих данную сферу. Как правило, такие отношения оформляются договором возмездного оказания медицинских услуг, регулируемых главой 39 ГК РФ [2]. Договор оказания косметологических услуг представляет собой соглашение между исполнителем (лицо, оказывающее косметологическую помощь) и пациентом (заказчиком), которому за определенную в договоре плату на основе его задания и в соответствии с требованием законодательства об охране здоровья будет оказана медицинская помощь по улучшению его внешнего облика, а также лечению или маскированию дефектов внешности, явившихся следствием болезни либо возрастных или врожденных изменений, в целях изменения физического и психического состояния пациента, а также для удовлетворения его эстетических потребностей.

Заключение договора при оказании косметологической услуги обязательно в цивилизованном мире. В отечественной практике заключение договора – редкость, либо договор содержит «абстрактные» условия, а ответственность исполнителя в случае неудачного вмешательства в нем не зафиксирована [1, с. 25–28]. Следствием этого является огромное количество судебных исков пациентов из-за неудачных косметологических операций. Так, например, по иску актрисы О. Спиркиной, ставшей жертвой неудачной пластической операции, судом взыскан причиненный ей ущерб в размере 150 тыс. руб. с клиники [4]. Это лишь один из многочисленных подобных случаев. Вместе с тем следует отметить, что денежная компенсация не способна возместить пережитые все страдания и мучения.

Здоровье и безопасность – это важнейшие аспекты, которые должны быть защищены на всех уровнях. Вопрос безопасности и качества косметологических услуг приобретает огромную значимость. В связи с этим, услугодатели стремятся к увеличению прибыли, что приводит к конфликту интересов сторон договора, навязыванию косметологических услуг, в том числе сопряженных с риском для здоровья граждан. Одним из главных требований выступает качество. Качество медицинской услуги в

косметологии – это совокупность ее характеристик, способных удовлетворить потребности человека.

С. А. Баринов считает, что косметологические услуги не относятся к числу медицинских, поскольку не имеют целью улучшение здоровья пациента, и не являются значимыми для общества и государства в целом с точки зрения профилактики заболеваний и повышения процента здорового, трудоспособного населения. Мы считаем иначе, что косметологические услуги являются разновидностью медицинских услуг несмотря на то, что их цель – не всегда улучшение и восстановление здоровья пациента, вместе с тем во время вмешательств в косметологической деятельности зачастую возникает необходимость в реабилитации, восстановлении здоровья, недопущении его ухудшения в связи с вмешательством.

Таким образом, косметологические услуги – это вид медицинских услуг, основной целью которых является улучшение внешности человека, а вспомогательной – восстановление здоровья после медицинского вмешательства [3]. Это подтверждается в ряде нормативных актов в области здравоохранения, которые также указывают на то, что косметологические услуги входят в состав медицинских.

Общие основания гражданской ответственности за оказание некачественных услуг сформулированы в статье 1064 ГК РФ: вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [2].

При рассмотрении исков о некачественном оказании услуг (в том числе косметологических) суды используют следующие статьи: 4, 10, 14 Закона о защите прав потребителей, руководствуются разъяснениями, изложенными в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 года N 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина", в пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28

июня 2012 года N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей".

Но насколько же эффективен механизм защиты прав пациентов? В пункте 14 «Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» предусмотрена обязанность медицинской организации предоставлять информацию о рисках, возможных последствиях и результатах, ожидаемых вследствие оказания медицинской помощи. Однако данная информация предоставляется лишь по требованию потребителя. Пациент, подписавший договор, в котором согласованы лишь сами процедуры или косметологические манипуляции, без привязки к результату, по сути, добровольно лишает себя права требовать результат от предоставляющей косметологическую услугу стороны.

Таким образом, приходится констатировать факт отсутствия детально разработанной нормативной базы в косметологической отрасли. Учитывая массу рассмотренных особенностей обозначенного вида услуг, стоит отметить, что применение родовых норм вызывает ряд затруднений в правоприменительной практике. Необходимо разработать понятие «косметологических услуг».

Библиографический список использованных источников

1. Вирченко Ю.А. Правовая характеристика содержания договора оказания платных косметологических услуг и порядок урегулирования споров по его исполнению // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 1. С. 25-28.
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022)
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 01.11.2011: одобр. Советом Федерации Федер. Собр.

Рос.Федерации09.11.2011.URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

4. Ольга Спиркина отсудила 150 000 рублей за испорченное лицо // Комсомольская правда: сетевое издание. 2007. 24 мая. URL: <http://kp.ru/> (дата обращения: 13 мая 2025 г.).

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ
ЛОЖНЫХ ЗАВЕРЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: НАУЧНАЯ
ДИСКУССИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА**

Бондарчук Мария Алексеевна,

студентка 4 курса

ФГАОУ ВО ПГНИУ,

г. Пермь, Россия,

m_bondarchuk92@mail.ru

Аннотация: статья посвящена анализу правовых аспектов ответственности за предоставление ложных заверений об обстоятельствах в гражданском праве. Особое внимание уделяется критическому осмыслению научных дискуссий о границах допустимой достоверности заверений и мерах ответственности, а также анализу судебных решений, иллюстрирующих применение соответствующих норм.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, договорная ответственность, деликтная ответственность, добросовестность контрагента, правовая природа, проблемы правоприменения, договорное право.

В современном гражданском обороте заверения об обстоятельствах играют важную роль, обеспечивая доверие между сторонами сделок и иными правоотношениями. Однако предоставление ложных заверений подрывает основы правового порядка и ведет к необходимости применения мер ответственности. Вопросы квалификации таких действий и определения объема ответственности вызывают активную научную дискуссию и неоднозначную судебную практику.

Институт заверений об обстоятельствах, закрепленный в статье 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] в 2015 году, представляет собой один из наиболее дискуссионных элементов современного российского гражданского права [6]. Введенный в ходе масштабной реформы гражданского законодательства как заимствование из англо-американской правовой традиции (где аналогичные конструкции *representations* и *warranties* имеют многовековую историю развития), этот институт изначально столкнулся с проблемой «правового трансплантата» [11, с. 112]. Его интеграция в континентальную систему, основанную на принципиально иных подходах к деликтной и договорной ответственности, вине, исчислению убытков, породила значительные теоретические и правоприменительные сложности, не разрешенные до конца и сегодня. Суть института заключается в том, что сторона, предоставившая контрагенту недостоверную информацию об обстоятельствах, имеющих значение для заключения, исполнения или прекращения договора (до, во время или после его заключения), обязана возместить вызванные этим убытки или уплатить договорную неустойку. Целью введения нормы декларировалось снижение транзакционных издержек, улучшение инвестиционного климата и защита добросовестных участников оборота от недобросовестных действий контрагентов, в частности, путем перераспределения рисков, связанных с недостоверностью информации. Однако отсутствие четкой законодательной проработки целей, юридической природы, содержания института, форм вины и критериев классификации заверений привело к оживленной научной дискуссии и формированию противоречивой судебной практики, требующей глубокого осмысления.

Научная дискуссия развернулась вокруг нескольких ключевых аспектов. Первый и наиболее фундаментальный вопрос – природа ответственности за недостоверные заверения. Является ли она договорной, деликтной или представляет собой некий гибрид? Законодатель в ст. 431.2 ГК РФ прямо не ответил на этот вопрос, что породило множество интерпретаций. А. Г.

Карапетов, один из разработчиков нормы, изначально называл игнорирование законодателем квалификации характера ответственности «достаточно мудрым» решением, допуская три возможные модели:

- 1) деликтную (если заверения не стали частью договора);
- 2) особую форму договорной ответственности (как гарантию достоверности информации);
- 3) смешанную (зависящую от факта включения утверждений в договор) [5, с. 951].

Однако такая неопределенность критикуется многими учеными. С. Л. Будылин, М. И. Лухманов и другие настаивают на необходимости четкого доктринального и, возможно, законодательного разграничения заверений (representations), как внедоговорных утверждений, влекущих деликтную ответственность (аннулирование договора и взыскание «негативных» убытков – расходов потерпевшей стороны, понесенных в связи с заключением договора), и гарантий (warranties) [2, с. 210], так договорных условий, нарушение которых влечет классическую договорную ответственность (взыскание убытков, включая упущенную выгоду – «позитивный» интерес, и отказ от договора при существенности нарушения) [1, с. 50]. В российской же норме произошло смешение этих двух институтов, что, по мнению критиков, и порождает основные правоприменительные проблемы, особенно в части методики исчисления убытков. Сторонники «монолитного» подхода (А. В. Томсинов, Е. М. Воронин) считают более продуктивным не искать искусственные границы, а решать конкретные проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ, учитывая, что в мировой практике (особенно в США) наблюдается тенденция к объединению этих понятий в договорах [21].

Второй острый вопрос – методика исчисления убытков. Деликтная модель («негативный» интерес) предполагает возмещение расходов потерпевшей стороны, понесенных в результате заключения договора на основе ложных заверений, с целью вернуть ее в положение, существовавшее до нарушения (например, расходы на проверку информации, понесенные

убытки, не связанные с исполнением аннулированной сделки). Договорная модель («позитивный» интерес) ставит целью поставить кредитора в положение, в котором он находился бы, если бы заверения были достоверны и договор исполнен надлежащим образом (включая упущенную выгоду). Анализ англо-американской практики (работы Дж. Битсона, А. Барроуза, Дж. Картрайта, Л.К.Х. Хояно, Г. П. Роуча) показывает отсутствие единых строгих правил [22, с. 650], [23, 25]. В Англии исторически преобладал «негативный» подход для заверений, но в последнее время суды все чаще взыскивают «позитивные» убытки, особенно при умышленном обмане, сближаясь с американской концепцией *benefit-of-the-bargain* (восстановление ожидаемой выгоды от сделки) [24, с. 231]. В США же при умышленном введении в заблуждение (*fraudulent misrepresentation*) истец часто может выбирать между «негативными» (*out-of-pocket*) и «позитивными» убытками [26]. В России отсутствие законодательной регламентации методики (ст. 431.2 ГК РФ молчит об этом) и указание в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ № 49 от 25.12.2018 лишь на субсидиарное применение норм гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств (применимых и к договорам, и к деликтам) не внесло ясности [12]. Большинство ученых (А. В. Томсинов и др.) склоняются к предпочтительности защиты «позитивного» интереса для стабильности оборота, аргументируя это тем, что институт заверений встроен в ГК РФ в раздел о договорах, а Верховный Суд не квалифицирует его как деликт [21]. Другие (М.И. Лухманов), ссылаясь на внедоговорную природу многих заверений и недопустимость договорной неустойки для деликта, отстаивают «негативную» модель. Практика же, как будет показано ниже, не выработала единообразия.

Третий спорный момент – место неустойки в системе ответственности. Включение возможности взыскания неустойки за недостоверные заверения произошло в ходе чтений законопроекта в Госдуме и не было изначально заложено разработчиками [7]. Ряд авторов (М. И. Лухманов) считают ее применение при деликтной природе заверений недопустимым, настаивая, что

единственным средством защиты должны быть убытки [8]. Однако судебная практика (например, Постановление АС Московского округа от 11.04.2018 по делу № А40-83049/2017) демонстрирует случаи успешного взыскания неустойки даже при расторжении договора, что соответствует широкому диспозитивному смыслу ст. 431.2 ГК РФ. Представляется, что сохранение неустойки как инструмента защиты оправдано, так как она способствует предсказуемости последствий для сторон и оперативности разрешения споров [17].

Четвертый аспект дискуссии – классификация заверений. Ученые предлагают различные основания: по времени предоставления (преддоговорные, договорные, постдоговорные – У. А. Малеев) [9, с. 45]; по цели (важные для заключения, исполнения, прекращения договора – Е. М. Воронин) [3, с. 193]; по отношению к сделке (о предмете, сторонах, сделке в целом); по роли (юридические, коммерческие); по наличию оговорок (безусловные, квалифицированные). Е. А. Сегалова предлагает деление по степени вины (умысел, неосторожность, невиновное предоставление), подчеркивая особую опасность обмана и необходимость заимствования специальной терминологии («репрезентор» – предоставляющий заверения, «репрезенти» – получающий) [19, с. 210]. Однако законодательной конкретизации эти классификации не получили, что усложняет унификацию подхода в правоприменении.

Формирующаяся судебная практика Верховного Суда РФ (ВС РФ) за последние годы, особенно в 2023-2024 гг., играет ключевую роль в толковании и применении ст. 431.2 ГК РФ, постепенно выкристаллизовывая важные правовые позиции, несмотря на сохраняющиеся спорные моменты. Анализ определений ВС РФ позволяет выделить несколько устойчивых тенденций.

Во-первых, ВС РФ последовательно развивает и применяет концепцию вмененного знания (*imputed knowledge*) получателя заверений. Согласно этой позиции, если получатель заверений знал или должен был знать об их недостоверности на момент получения, он не может добросовестно полагаться

на них, и, следовательно, заверитель не несет ответственности [20]. Эта презумпция основана на требовании разумности, добросовестности и проявления должной осмотрительности от участников оборота (п. 3, 4 ст. 1, п. 3 ст. 10 ГК РФ). В Определении ВС РФ от 16.10.2024 № 289-ПЭК24 по делу № А40-79027/2022 покупатель доли в ООО, являвшийся равноправным (50/50) участником этого общества несколько лет, потребовал возмещения убытков из-за недостоверного заверения продавца об отсутствии неотраженной задолженности [16]. Экономическая коллегия ВС РФ (ЭК ВС) отказала, указав, что покупатель, как участник, не мог не знать о его финансовом состоянии и отношениях с контрагентами, имея полный доступ к информации и возможность запросить документы [10, с. 36]. Его незнание не освобождало от обязанности проявить осмотрительность. Аналогично, в Определении ВС РФ от 27.08.2024 № 310-ЭС24-15041 по делу № А08-5662/2022 (поставка подсолнечного масла) истец-покупатель (крупный трейдер) требовал убытки из-за недостоверного заверения поставщика о наличии одобрения крупной сделки. Суды, включая ВС РФ, отказали, подчеркнув, что истец должен был знать о необходимости одобрения, так как предоставленный ему бухгалтерский баланс поставщика явно показывал, что цена договора более чем в 2 раза превышает балансовую стоимость активов поставщика. Ожидалось, что профессиональный участник рынка запросит подтверждение одобрения [13]. Эту же линию подтверждает более раннее Определение ВС РФ от 23.08.2023 № 302-ЭС23-14836, где подчеркивалась обязанность покупателя доли проверить финансовое положение общества и оценить риски [14]. Таким образом, ВС РФ возлагает на получателя заверений, особенно профессионального участника рынка, активную обязанность по проверке информации, доступной ему с разумной осмотрительностью. Игнорирование этой обязанности лишает его права на защиту по ст. 431.2 ГК РФ.

Во-вторых, ВС РФ признал допустимым и юридически значимым уточнение заверений, содержащихся в договоре купли-продажи, посредством письма о раскрытии информации (disclosure letter). В Определении ВС РФ от

10.01.2022 № 309-ЭС21-25865 по делу № А50-29581/2020 покупатель требовал взыскать убытки, возникшие из-за недостоверности заверения продавца о положительном чистом оборотном капитале (ЧОК) приобретаемого ООО (фактически ЧОК был отрицательным). Суды отказали, так как в дату договора купли-продажи стороны подписали disclosure letter, в котором уточнили понятие «кредиторская задолженность» в формуле расчета ЧОК [18]. С учетом этого уточнения заверение соответствовало действительности. ВС РФ поддержал выводы, указав, что письмо о раскрытии является выражением воли сторон в рамках действующего договора купли-продажи, подлежит совместному толкованию с договором и ограничивает ответственность заверителя в части раскрытой информации. Суды также учли, что покупатель проводил комплексные проверки (due diligence) и должен был знать об отрицательном ЧОК, который наблюдался годами, и что ЧОК не был ключевым фактором ценообразования. Эта практика легализует важный инструмент сделкоконструирования, позволяющий заверителю формально дать заверение, но оговорить исключения и раскрыть риски в отдельном документе, снижая вероятность успешного иска.

В-третьих, ВС РФ сформулировал важную позицию относительно возможности заверений, касающихся будущих последствий. Формально ст. 431.2 ГК РФ требует заверений об обстоятельствах, существующих в прошлом или настоящем. Прямые заверения о будущих событиях невозможны. Однако ВС РФ в Определении от 08.04.2024 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 допустил косвенные заверения о фактах прошлого или настоящего, которые являются основаниями (причинами) для возникновения определенных последствий в будущем. В деле о покупке долей форекс-дилера продавцы заверили, что на дату договора купли-продажи и до перехода прав ООО будет иметь лицензию и соответствовать требованиям, и к нему не будут предъявлены претензии по прошлой деятельности. После сделки лицензия была отозвана из-за нарушений, допущенных до договора купли-продажи. Суды удовлетворили требование покупателя о взыскании неустойки,

квалифицировав отзыв лицензии как следствие недостоверности заверений о фактическом состоянии дел общества на момент сделки (наличии нарушений), которое и стало причиной будущего негативного события (отзыва лицензии) [15]. Таким образом, ВС РФ признал правомерным заверять не о самом будущем событии, а о существующих на момент заверения фактах (причинах), которые с высокой вероятностью повлекут это событие. Это расширяет сферу применения института, но требует крайне осторожного формулирования заверений, чтобы не превратить их в гарантии будущего.

В заключение следует отметить, что институт заверений об обстоятельствах, несмотря на почти десятилетнее присутствие в ГК РФ, остается в стадии активного формирования доктрины и практики. Его англо-американское происхождение обуславливает постоянное напряжение при интеграции в континентальную правовую систему. Научная дискуссия о природе ответственности (договорная vs деликтная), методике исчисления убытков («позитивный» vs «негативный» интерес), допустимости неустойки и классификации заверений продолжается, не находя однозначного законодательного разрешения. Судебная практика ВС РФ, особенно решения 2023-2024 гг., играет ключевую роль в наполнении института конкретным содержанием. Сформулированные ВС РФ правовые позиции – о значении вмененного знания получателя заверений, юридической силе писем о раскрытии информации для уточнения договорных заверений и допустимости заверений о прошлых/настоящих фактах, влекущих будущие последствия – представляют собой важные ориентиры для участников оборота и правоприменителей. Они подчеркивают необходимость проявления разумной осмотрительности при получении информации, важность тщательного документирования условий сделки (включая механизмы раскрытия рисков) и осторожность при формулировании утверждений о фактах, имеющих долгосрочные последствия. Однако многие вопросы, особенно касающиеся единообразной методики исчисления убытков и окончательного определения природы ответственности, остаются открытыми. Дальнейшее развитие

института видится в углублении научного анализа, обобщении накапливающейся судебной практики и, возможно, в точечных законодательных уточнениях, направленных на повышение предсказуемости и эффективности этого важного инструмента распределения рисков в гражданском обороте. Стабилизации оборота, вопреки изначальным сложностям имплементации, скорее будет способствовать признание приоритета «позитивной» методики исчисления убытков и сохранение неустойки как санкции, что подтверждается общей направленностью последних решений ВС РФ.

Библиографический список использованных источников

1. Будылин С. Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия. 2016. № 3. С. 50–65.
2. Будылин С. Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Статут, 2017. 210 с.
3. Воронин Е. М. Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 6. С. 193–208.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2017. 1100 с.
6. Карапетов А. Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь по новому ГК РФ [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/06/18/zavereniya_ob_obstoyatelstvax_i_usloviya_o_vo_zmeshhenii_poter_po_novomu_gk_rf (дата обращения: 30.05.2025).

7. Кучер А. Н. Заверения об обстоятельствах в российском праве: прижился ли результат заимствования? [Электронный ресурс] // MGIMO. 2018. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/09/prog-29-08-18.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
8. Лухманов М. И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2025).
9. Малеев У. А. О многообразии заверений об обстоятельствах // Право и экономика. 2018. № 11. С. 45–52.
10. Матюшов С. Заверения контрагента оказались недостоверными. Как доказать убытки // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 4. С. 36–41.
11. Морозов А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 112–125.
12. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
13. По делу № А08-5662/2022: Определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2024 г. № 310-ЭС24-15041. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
14. По делу № А33-31660/2020: Определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2023 г. № 302-ЭС23-14836. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
15. По делу № А40-167835/2021: Определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2024 г. № 305-ЭС22-17862. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
16. По делу № А40-79027/2022: Определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2024 г. № 289-ПЭК24. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

17. По делу № А40-83049/2017: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 апреля 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».
18. По делу № А50-29581/2020: Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2022 г. № 309-ЭС21-25865. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
19. Сегалова Е. А. Введение в заблуждение, предоставление недостоверных заверений и гарантий в английском и российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.
20. Соскиева А.А. К вопросу об ответственности за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №2.
21. Томсинов А. В. Мера убытков за недостоверные заверения в праве Англии и США // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 100–114.
22. Beatson J., Burrows A., Cartwright J. Anson's Law of Contract. 30th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. 650 p.
23. Hoyano L. C. H. The Profit Paradox: Protecting Legitimate Expectations in Tort // Canadian Bar Review (Can. Bar Rev.). 1999. Vol. 78. P. 363–415.
24. Lens J. W. Honest Confusion: The Purpose of Compensatory Damages in Tort and Fraudulent Misrepresentation // Kansas Law Review (Kan. L. Rev.). 2011. Vol. 59. P. 231–283.
25. Roach G. P. Measuring Business Damages in Fraudulent Inducement Cases // Houston Business and Tax Law Journal (Hous. Bus. & Tax L.J.). 2011. Vol. 11. P. 1–73.
26. Schwarcz S. L. Representations & Warranties, Fraud, and Risk Shifting: An Analytical Framework // Duke Law School Public Law & Legal Theory Series. 2022. No. 56. P. 1–45.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ

Лохман Елизавета Владимировна,

Студентка 2 курса юридического факультета

Центрального филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Воронеж, Россия,

elizaveta.lokhman@mail.ru

Деньгоф Аделина Викторовна,

Студентка 2 курса юридического факультета

Центрального филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Воронеж, Россия,

adelina.dengoff.05@bk.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу правовых аспектов признания права собственности на самовольные постройки. В работе рассматриваются основные условия, необходимые для признания права собственности на здания и сооружения, возведенные без законного на то основания, а также последовательность процедур, предусмотренных законодательством.

Ключевые слова: самовольная постройка, самовольное строительство, недвижимость, право собственности, признание права собственности.

Правоотношения, возникающие вследствие осуществления самовольного строительства, носят комплексный характер и регулируются положениями Гражданского, Земельного, Градостроительного, Жилищного кодексов Российской Федерации и других федеральных законов.

Борьба с самовольно возводимыми строениями, представляет собой комплекс мероприятий судебного либо административного характера, основой которого является как федеральное законодательство, так и нормативная база субъектов Российской Федерации.

Статья 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет, что такое самовольная постройка, каковы последствия ее создания и при каких условиях можно получить на нее право [2].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке», содержащему толкование пункта 1 статьи 222 ГК РФ самовольной признается постройка при наличии хотя бы одного из следующих признаков:

- возведена на участке, не предоставленном в установленном порядке;
- нарушено разрешенное использование земли;
- отсутствуют необходимые разрешения или согласования;
- имеются нарушения градостроительных, строительных, экологических или противопожарных норм (актуальных на момент строительства и выявления объекта) [5].

Суд обязан принять решение о сносе или приведении постройки в соответствие с нормативными требованиями, если:

- сохранение объекта нарушает права и интересы третьих лиц;
- создается угроза жизни, здоровью или безопасности граждан;
- нарушения носят неустранимый характер.

В иных случаях суд может сохранить постройку, обязав устранить нарушения.

Административный порядок сноса заключается в возможности внесудебного сноса по решению местных органов власти, если:

- постройка возведена на земле, не отведенной для строительства;
- отсутствуют права на земельный участок;

- объект препятствует использованию инфраструктуры (например, инженерных сетей).

Решение о сносе принимается комиссией по градостроительному контролю с уведомлением собственника.

Незаконное строительство характеризуется двойственной юридической природой. С одной стороны, оно может квалифицироваться как нарушение закона, поскольку часто сопряжено с несоблюдением земельного или градостроительного законодательства. С другой стороны, самовольная постройка может являться способом получения права собственности.

Государство, выступая гарантом баланса между общественными и частными интересами, устанавливает правила признания права собственности на самовольные постройки при соблюдении определенных условий.

Изначально предполагалось, что большинство самовольных построек подлежат сносу. Однако, на практике ситуация сложилась иначе, и возможность легализации самовольной постройки, предусмотренная п. 3 ст. 222 ГК РФ, используется судами чаще, чем правило о ее сносе (п. 2 той же статьи) [6, с. 23].

В России узаконить самовольную постройку можно через суд или в административном порядке, обратившись в Градостроительную земельную комиссию (ГЗК). Выбор пути определяется следующими факторами.

Административный порядок (через ГЗК) применим, если: объект соответствует градостроительным и земельным требованиям; находится на участке с разрешенным использованием (ст. 222 ГК РФ); соответствует параметрам застройки (ПЗЗ, ГПЗУ и т. д.); не нарушает прав других лиц (отсутствуют споры о границах и т. д.); земельный участок оформлен в собственность или аренду; регион допускает внесудебную легализацию (например, Москва, согласно Постановлению Правительства Москвы № 828-ПП); отсутствуют серьезные нарушения, требующие судебного разбирательства.

Административный порядок подходит для случаев, когда постройка соответствует нормам, а земля оформлена должным образом. Судебный порядок необходим при наличии нарушений, споров или отсутствии внесудебной легализации в регионе. В Москве обращение в ГЗК позволяет избежать суда, но только при соблюдении всех требований. В большинстве регионов суд остается основным способом легализации [3, с. 245].

Судебный порядок (ст. 222 ГК РФ) применяется, если: имеются нарушения градостроительных норм (отступы, высота и т. д.), которые можно устранить или они незначительны; земельный участок не оформлен или его статус вызывает сомнения; необходимо установить добросовестность владельца (не знал о нарушениях при строительстве); есть возражения со стороны государственных органов или третьих лиц; регион не предусматривает административный порядок [1, с. 324].

В судебном порядке право собственности на незаконно возведенное строение может быть признано при соблюдении ряда условий (согласно пункту 3 статьи 222 Гражданского кодекса РФ):

во-первых, лицо, осуществившее строительство, должно обладать законными основаниями для возведения постройки на данном земельном участке;

во-вторых, на момент обращения в судебные органы, строение должно отвечать всем действующим нормативным требованиям и стандартам;

в-третьих, сохранение данной постройки не должно ущемлять законные права и интересы третьих лиц, а также не должно представлять опасности для жизни и здоровья граждан.

Важно отметить, что если суд установит факт недобросовестных действий со стороны застройщика, осуществившего самовольное строительство (например, если обращение за разрешением на строительство было формальным, с целью обойти закон), суд имеет право отказать в удовлетворении иска о признании права собственности на данное строение.

Данное положение подтверждается судебной практикой. Так, Апелляционный суд рассмотрел дело о признании права собственности на построенный объект. Собственник земельного участка в общественно-деловой зоне без разрешения на строительство возвел двухэтажное кафе. Уполномоченный орган местного самоуправления оспорил это, ссылаясь на отсутствие проектной документации и нарушения правил пожарной безопасности. Суд первой инстанции признал право на постройку, так как участок в собственности и соответствует требованиям.

Однако апелляционный суд отменил решение, указав, что строительство начато до получения разрешения и без проектной документации, что нарушает закон. Суд также учел заключение экспертизы о том, что строение не соответствует градостроительным нормам и представляет угрозу жизни и здоровью граждан. Таким образом, истец не доказал наличие всех условий для признания права собственности на самовольную постройку, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 222 ГК РФ [4].

Таким образом, судебное признание права собственности на самовольную постройку может рассматриваться как исключительный способ защиты права, применяемый, когда лицо не может получить необходимые документы по независящим от него причинам. Важно отметить, что судебный порядок применяется чаще альтернативного способа. Это связано с тем, что законодатель, закрепив в ст. 222 ГК РФ иной порядок, не указал закон, регулирующий эту процедуру, и не предусмотрел механизм ее реализации. Таким образом, у лиц, осуществивших постройку, фактически отсутствует альтернатива судебному способу.

Библиографический список используемых источников

1. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт - 435 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
3. Зенин И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт. - 526 с.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2022 г.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Фомина Н.Е. Признание права собственности на самовольную постройку // Жилищное право. - 2015. - № 3. - С. 21-25.

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР И ДОГОВОР ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Мясникова Мария Викторовна,

студентка 4 курса юридического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия,

masnikovamas@gmail.com

Аннотация: в статье анализируются отличительные особенности наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением, выявляются преимущества конструкции наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением.

Ключевые слова: анализ, сравнение, наследственный договор, договор пожизненного содержания с иждивением, отличительные признаки.

С развитием гражданского оборота и усложнением наследственных отношений в российском праве появились новые механизмы распоряжения имуществом на случай смерти. Среди них особый интерес представляют наследственный договор и договор пожизненного содержания с иждивением. Оба института позволяют обеспечить интересы наследодателя при жизни, но имеют разную правовую природу и последствия. В данной статье проводится их сравнительный анализ с учётом доктринальных позиций.

В соответствии с Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» в российское законодательство было введено новое основание для наследования – наследственный договор, в соответствии

с которым наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (статья 1116), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор)[5].

В связи с новеллой в гражданском законодательстве есть необходимость провести анализ наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением, существующим в отечественном правовом порядке уже более 30 лет.

В соответствии со ст. 601 ГК РФ договор пожизненного содержания с иждивением – договор, по которому получатель ренты – гражданин передает принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц) [1].

Согласно законопроекту, который был внесен в Государственную Думу РФ в 2013 году субъектами законодательной инициативы, предлагающими ввести новый институт в ГК РФ – наследственный договор, целями введения норм, регулирующих наследственный договор, были расширение свободы распоряжения имуществом на случай смерти, то есть предоставить гражданам больше гибкости в определении судьбы наследства, помимо завещания и наследственного фонда, а также учет интересов наследников при жизни наследодателя, поскольку договор позволял закрепить обязательства сторон. Данный законопроект не получил дальнейшего движения в связи с отзывом его инициаторов своих идей.

Законопроектом, внесенным в 2018 году, круг целей введения наследственного договора был расширен. Помимо целей, предусмотренных в пояснительной записке к законопроекту 2013 года, в 2018 году данный перечень был дополнен следующими обстоятельствами: защита интересов

пожилых людей и инвалидов – наследственный договор позволял обеспечить содержание наследодателя в обмен на наследство, что особенно важно при отсутствии алиментных обязательств; предотвращение злоупотреблений – в отличие от договора дарения наследственный договор можно было отменить, если наследник не выполнит условия.

Наследственный договор был введён как альтернатива завещанию. Его ключевая особенность – двусторонний характер: наследодатель и потенциальный наследник согласовывают условия перехода имущества после смерти, причём наследник может быть обязан выполнить определённые действия при жизни наследодателя (уход, выплаты и т. д.). Договор пожизненного содержания с иждивением относится к рентным обязательствам и предполагает передачу имущества в обмен на пожизненное содержание (уход, денежные выплаты и др.). В отличие от наследственного договора, он вступает в силу сразу и не связан напрямую с наследственным правом. Е. А. Суханов подчёркивает, что данный договор носит возмездный характер и направлен в первую очередь на обеспечение интересов пожилых и нетрудоспособных лиц [3, с. 179]. Но как уже было отмечено выше, наследственный договор также был введен для защиты пожилых лиц. Возникает вопрос: какую правовую конструкцию лучше использовать и какие отличия в них?

Проведем сравнительный анализ наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением.

Во-первых, данные институты можно разграничить по основаниям возникновения и их правовой природе. Наследственный договор представляет собой правовую конструкцию, которая состоит одновременно из элементов наследственного и обязательственного права. Как отмечает А.П. Сергеев, данный договор формирует обязательственные отношения при жизни наследодателя, однако правовые последствия в виде перехода имущества наступают исключительно после смерти, что сближает его с завещанием, но отличает от классических прижизненных сделок [2, с. 792]. В свою очередь,

договор пожизненного содержания с иждивением относится к рентным обязательствам и порождает непрерывное обременение переданного имущества с момента заключения договора.

В-вторых, данные правовые конструкции отличаются по субъектному составу. В наследственном договоре допускается множественность лиц на стороне наследников. И как отмечает О.Ю. Шиловский такие участники, не будучи связанными взаимными обязательствами, преследуют единый правовой интерес в получении наследства [6, с. 45]. В свою очередь, в договоре пожизненного содержания с иждивением не допускается множественность лиц, и этот факт объясняется фидуциарным характером данной сделки.

В-третьих, еще одним основанием для сравнения данных категорий является предмет и момент перехода прав. Заключая наследственный договор, потенциальный наследодатель не скован в действиях в отношении имущества, являющегося предметом наследственного договора, то есть он может распорядиться им по своей воле при жизни, оставив контрагентов без наследства. Переход прав по наследственному договору осуществляется после смерти наследодателя, что сближает его с завещательным распоряжением. Заключение же договора пожизненного содержания с иждивением порождает непосредственно обременение на недвижимое имущество, являющееся предметом договора. Такой договор подлежит государственной регистрации. Переход прав на имущество по договору пожизненного содержания с иждивением происходит также после смерти получателя ренты, но в данном случае, как было указано выше, обременение в виде права на это имущество зарегистрировано заранее.

В-четвертых, необходимо проанализировать риски для сторон в обоих договорах. В наследственном договоре для наследника риски высоки и обуславливаются возможностью наследодателя распоряжаться имуществом. В договоре пожизненного содержания с иждивением плательщик ренты вправе отчуждать, сдавать в залог или иным способом обременять недвижимое имущество, переданное ему в обеспечение пожизненного

содержания, только с предварительного согласия получателя ренты [4, с. 39]. Таким образом, в договоре пожизненного содержания с иждивением получатель имущества считается наиболее защищенным путем установления законом обязанности получателя ренты получения согласия плательщика ренты на распоряжение имуществом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы после приведенного анализа правовых конструкций наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением. Наследственный договор направлен развитие института наследственного правопреемства и связан с необходимостью передачи имущества определенному лицу при выполнении конкретных условий, установленных потенциальным наследодателем. Договор пожизненного содержания с иждивением является обязательством, направленным на передачу имущества в собственность. На данный институт стоит обращать внимание тем лицам, которым нужна прижизненная помощь и поддержка (лечение, домашний уход, оплата жилищно-коммунальных услуг, питание).

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс РФ. Часть III: Федеральный закон РФ от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 49 Ст. 4552.
2. Сергеев А.П. Гражданское право. М: Проспект, 2019. – 1040 с.
3. Суханов Е. А. Гражданское право. М: Статут, 2021. 320 с.
4. Тужилова-Орданская Е. М., Атнабаева Ю. В. Наследственный договор и договор пожизненного содержания с иждивением: соотношение понятий //Наследственное право. – 2018. – №. 4. – С. 38-40.
5. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Шиловост О. Ю. Наследственный договор: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 45.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вознюк Светлана Владимировна,

студентка 3 курса, 3.201-1 группы

Юридического института

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,

г. Барнаул, Россия,

voznyuk.lana.04@mail.ru

Аннотация: в работе рассматривается применимость коллективных исков в гражданском судопроизводстве, перспективы их внедрения, а также проблемы, возникающие в связи с использованием. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что следует более детально проработать нормы, касающиеся коллективных исков.

Ключевые слова: коллективный иск, истец, ответчик, цифровизация, суд, гражданский процесс, электронное правосудие.

В настоящее время широкое распространение получают процессы цифровизации в юридической деятельности. Проведенная в 2019 году процессуальная реформа стала катализатором для дальнейшего развития гражданского судопроизводства, в этой связи рассматривается вопрос об оптимизации цивилистического процесса посредством интеграции технологий искусственного интеллекта.

В российской правовой доктрине для обозначения рассматриваемого процессуального института используются различные термины: «классовые

иски» [8, с. 268], «групповые иски» [10, с. 102], «коллективные иски» [1, с. 44]. Понятие «коллективный иск» не является общепринятым в науке гражданского судопроизводства, а служит лишь большим обозначением требований различного содержания, общим основанием которого является нарушение прав большого числа лиц – поэтому считаем целесообразным использовать данную дефиницию в настоящей работе.

Коллективный иск обладает рядом признаков, обеспечивающих его уникальность. Во-первых, общность правовой природы требований — основания и фактические обстоятельства, лежащие в основе иска, едины для всех членов группы, что исключает возможность разрозненного рассмотрения дел. Во-вторых, множественность истцов: иск может подаваться как одним участником группы, так и группой лиц либо их представителем — физическим, юридическим лицом или уполномоченным органом. Кроме того, данный институт защищает интересы неопределённого круга лиц, распространяя решение суда не только на заявителей, но и на тех, кто не участвовал в разбирательстве, но входит в группу. Важным аспектом является и процессуальная эффективность: представитель группы обязан адекватно выражать её интересы, обеспечивая равенство и экономию процессуальных ресурсов. Наконец, объединяющим звеном выступает единый предмет спора — требования, направленные на восстановление оспариваемых или нарушенных прав, независимо от состава участников.

Коллективный иск понимается как письменное обращение в суд от имени всего заинтересованного коллектива. Критерии заинтересованности в подаче коллективного иска сводятся к общему предмету спора в виде нарушенных ответчиком прав и законных интересов и к схожим фактическим обстоятельствам в основе прав членов группы. Сторонники введения в гражданский оборот коллективного иска уверены, что такой иск является более выгодным с позиции судебных издержек, а также напрямую отвечает принципу доступности правосудия.

По общему правилу иск подается в суд по местонахождению ответчика – и не всегда истец находится в том же населенном пункте и даже регионе, что и противная сторона. Невозможность участия в процессе, несмотря на представительство, умаляет право граждан на доступ к правосудию. Объединение этих двух институтов, на наш взгляд, может решить проблему местонахождения истцов в коллективных исках.

Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что спор зачастую происходит между крупными компаниями с очевидно сильной правовой защитой и гражданами, которые в одиночку имеют малый шанс на успех ввиду дорогостоящего процесса. Но при развитии института коллективных исков крупные компании несут больший репутационный риск из-за массовости истца, что можно считать очевидным плюсом данного института.

Коллективный иск базируется на принципах доступности правосудия и процессуальной экономии [9] – им должно находиться в балансе и сдерживать друг друга, поэтому подача иска по местонахождению ответчика (п. 4 ст. 30 ГПК РФ) следует принципу эффективного использования судебного ресурса, но умаляет доступность правосудия для одной из сторон: «истец вправе», но не в силах свое право реализовать, находясь в другой части Российской Федерации.

Федеральный закон от 26.04.13 № 66-ФЗ установил особенности и порядок применения систем видео-конференц-связи в гражданском процессе [3]. Законодатель руководствовался, в первую очередь, принципом процессуальной экономии, содержание которого было в свое время раскрыто Конституционным Судом Российской Федерации: это «осуществление процессуальных прав, должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения» [5].

Один из способов реализации этого принципа – формирование системы «электронного правосудия». Главное достоинство видео-конференц-связи –

это возможность осуществления процессуальных правомочий в судебном разбирательстве дистанционно, если по объективным причинам невозможно личное присутствие; тем самым обеспечивается гласность, открытость и доступность правосудия. В контексте коллективных исков это «упрощает жизнь» лицам, участвующим в деле: ускоряются темпы судопроизводства, укрепляется механизм «обратной связи», существенно снижается нагрузка на суды [2, с. 64-68].

В то же время, основной недостаток видео-конференц-связи, в том числе и при рассмотрении коллективных исков, – необходимость личного присутствия в обеспечивающем суде. Этот суд проверяет явку лиц, устанавливает их личность, разъясняет их права и обязанности, направляет подписку в суд, рассматривающий дело (ст. 155.1 ГПК РФ), – и удаляется. Согласование между судами назначенного времени разбирательства, задействование сопровождающего аппарата суда отнимает время, особенно в контексте коллективных исков, где может задействоваться и несколько судов (группа, напомним, насчитывает собой не менее 20 лиц) [6]. Безусловно, иски, насчитывающие 100 и более лиц, не обязывают участвовать в каждом из заседаний, однако и суд, нуждаясь в показаниях, либо тратит время на истребование письменных объяснений, либо использует видео-конференц-связи – все это затягивает процесс. Это лишь одна из многих проблем, возникающих при цифровизации коллективных исков.

В России была опробована система онлайн-заседаний: было проведено свыше 8 тыс. судебных заседаний с помощью видео-конференц-связи за период март-апреля 2020 г.: участники выступали в процессе, находясь дома или в офисе, перед этим направив в суд заявления и документы, подтверждающие их полномочия и авторизовавшись через портал «Госуслуги». Приведем следующий пример с официального сайта Верховного Суда Российской Федерации: «один из участников судебного заседания заявил ходатайство об участии за 5 минут до начала судебного заседания. Участник

находился в Калифорнии (США), организационная работа с подключением осуществилась за 10 минут, судебное заседание прошло успешно».

Впоследствии Верховный Суд Российской Федерации выпустил Обзор судебной практики, в котором рекомендовалось использовать систему видео-конференц-связи и веб-видео-конференц-связи в период локдауна [7]. Инициативу поддержали нижестоящие инстанции. Так, пандемия показала реальные возможности электронного правосудия и уверенную адаптацию российских судов к изменяющимся условиям. На смену видео-конференц-связи действительно может прийти упрощенное участие онлайн-заседаний. Система онлайн-заседаний реализует принцип доступности и главного базиса коллективных исков, процессуальной экономии правосудия гораздо эффективнее, чем видео-конференц-связи.

Руководствуясь уже имеющейся законодательной инициативой, нами предлагается внедрение системы онлайн-заседаний в коллективные споры. Принцип работы подобной платформы можно описать на примере системы «Картотека судебных дел». Суд размещает ссылку в конкретном деле, доступ к которому имеют только участники. Они в назначенное время подключаются к заседанию с помощью личных средств связи из любого места, проходят аутентификацию на портале Госуслуг, их полномочия проверяются судом, после чего начинается судебное заседание.

Разработка платформы должна предусматривать разумные меры безопасности для своих серверов: шифрование, уникальные пароли, антивирусное программное обеспечение, четко ограниченный список пользователей, допускаемых только после авторизации через государственные и муниципальные интернет-порталы. По мнению А. Б. Козырева, риски вмешательства третьих лиц легко устраняются при помощи аутентификации через Госуслуги, визуальной проверки документов, использования квалифицированной электронной подписи, а также «общедоступных средств криптографии» [4]. Аккумулировать все только на государственной платформе видится нам невозможным, поскольку для развития современной

цифровой инфраструктуры для групповых исков требуется серьезное вовлечение юридических фирм и адвокатского сообщества; поэтому вполне возможно, что государственная и частные платформы могут сосуществовать и быть частично интегрированными.

Представляется, что главной целью коллективных исков должно стать упрощение процесса разбирательства по одинаковым искам и формирование уважительного отношения к закону и суду у представителей крупного и среднего бизнеса, в том числе подразделений транснациональных компаний. Такой подход будет способствовать формированию справедливого общества, укреплению законности и правопорядка путем закрепления дополнительного инструмента защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Библиографический список использованных источников

1. Аболонин Г. О. Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве - перспективы развития / Г. О. Аболонин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 3. – С. 43-47. – EDN NTSTJV.
2. Василькова С. В. О некоторых доктринальных и практических проблемах электронного правосудия в государственных судах и направлениях их решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. - 2017. - №07.
3. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 26.04.2013 № 66-ФЗ // Российская газета. - 30.04.2013 г. - № 94.
4. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / Кашанин А.В., Козырева А.Б., Курносова Н.А., Малов Д.В., Под ред. Кашанина А.В. - М.: Центр развития современного права, 2020. – 89 с.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1389-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы...» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Павлова Н. В. Проблемы и перспективы дистанционного судопроизводства / Н. В. Павлова // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. – 2013. — № 2.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 №822 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Рожкова М. А. Совершенствование порядка рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций // Корпорации и учреждения. Сборник статей. Сер. «Анализ современного права». 2007. – 348 с.
9. Сироткина А. А. Коллективные иски: регулирование через частную литигацию // М.Логос URL: https://mlogos.ru/img/Tezicy_Sirotkina_25.11.13.pdf.
10. Ярков В. В. Групповой иск в проекте единого ГПК России / В. В. Ярков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 100-111. – EDN UHVHVN.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ганжа Анастасия Евгеньевна,
Студент 3 курса Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии,
г. Саратов, Россия
a.ganzha04@mail.ru

Научный руководитель:
Вершинина Г.И.,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса

Аннотация: Исследование исторического пути, пройденного адвокатурой в гражданском судопроизводстве, от первых форм представительства до современной системы оказания квалифицированной юридической помощи необходимо для того, чтобы лучше понять его текущее состояние и наметить возможные пути совершенствования. Данная статья посвящена основным этапам становления и развития адвокатуры, анализируется законодательное регулирование и судебная практика, а также рассматриваются ключевые проблемы и перспективы совершенствования института участия адвоката в гражданском процессе.

Ключевые слова: Адвокат, история, гражданское судопроизводство, представительство, защита нарушенных прав.

В системе современного гражданского судопроизводства адвокат выступает представителем интересов сторон, поскольку только при наличии профессиональной юридической поддержки возможно обеспечить

действенную и справедливую защиту нарушенных прав граждан. Важно подчеркнуть, что современный статус адвоката сформировался благодаря многолетнему процессу эволюции института адвокатуры, который развивался под влиянием различных политических и социально-экономических условий. Осознание исторических корней и этапов формирования института адвокатуры в контексте гражданского процесса представляет собой фундаментальную основу для анализа его текущего положения, выявления существующих проблем и определения стратегических направлений развития всей системы гражданского судопроизводства.

До XV века на территории Древней Руси отсутствовали какие-либо формы адвокатуры и судебного представительства. В отличие от современного гражданского процесса, где участие профессионального представителя является практически обязательным условием для успешного ведения дела, в те времена действовал строгий принцип личной явки сторон в суд. Согласно этому правилу, все участники судебного разбирательства обязаны были присутствовать на процессе лично. Единственным исключением являлись земли Пскова и Новгорода, где местное законодательство предусматривало возможность иметь представителя в гражданском судопроизводстве, но только для определенных категорий граждан: женщин, монахов, людей с нарушениями слуха, пожилых людей и несовершеннолетних. Так, статья 58 Псковской судной грамоты устанавливает это право: «Не допускается явка на суд с пособниками; в судебную горницу могут входить [только] двое тяжущихся, а помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика. Исключение составляют: женщина, или малолетний, или монах, или монахиня, или человек очень престарелый, или глухой, за которых разрешается выступать на суде пособнику» [7]. Для поверенных было установлено правило – вести не более одного дела в день.

Дальнейшее развитие адвокатуры в Российском государстве началось с Судебника Ивана III 1497 года и Судебника Ивана IV 1550 года. В статье 36

Судебника 1497 года указывается: «...Если кто-либо (из тяжущихся) истец или ответчик сам не поедет к ответу, а пришлет вместо себя (другое лицо) перенести срок явки в суд...». Михайлов Ф. Н. и Васильченко А. Л. в своей работе указывают: «Судебник 1497 года [9] закрепил право участника судебного процесса направлять вместо себя представителя, а в 1550 [10] появилось разделение представителей на «стряпчих» - подобие современного прокурора и «поручников» - подобие сегодняшнего адвоката» [5, с. 4]. Таким образом, в середине XV века уже на законодательном уровне на территории государства было закреплено право на представителя в гражданском процессе. Это укрепило позиции адвокатуры и дало ему возможности для дальнейшего развития.

XVIII век ознаменовался расширенными полномочиями суда. Так, А. В. Ястребов, размышляя о судебной системе петровского времени, указывает: «Произвол судейский был так велик, что без ограничения его силой доказательств, утратилось бы само понятие суда» [15, с. 44]. Вследствие этого адвокат допускался для участия только в гражданском процессе и только из-за болезни истца. Судопроизводство в данный период характеризовалось отсутствием равноправия сторон в процессе. Некоторые положения Воинского устава Петра I 1716 [11] года негативно оценивали деятельность адвокатов, указывая, что затягивает судебный процесс [8, с. 105].

Его преемники на российском престоле вообще относились к адвокатуře с презрением. Например, Екатерина II и Николай I, по мнению Матвеева О. В. и Сидорчука К. А. [4, с. 35], обвиняли адвокатов в развязывании французской революции 1789 г. Аргументировали они свои взгляды тем, что большинство деятелей революции были адвокатами.

Важно отметить, что до Судебной реформы 1864 года несмотря на наличие в России судебного представительства в гражданском процессе, как таковой адвокатуры ещё не существовало. На протяжении нескольких веков роль адвокатов выполняли частные лица — стряпчие, поверенные или ходатаи по делам.

Судебная реформа 1864 года, проведённая Александром II, закрепила роль адвокатуры именно в гражданском процессе несколькими способами, которые создали условия для более справедливого и состязательного процесса [13].

Ключевым преобразованием в истории российского судопроизводства стало появление института присяжных поверенных, представляющих собой особую корпорацию профессиональных юристов, которые осуществляли правозащитную деятельность и представляли интересы сторон в гражданском судопроизводстве, при этом сохраняя полную независимость от государственных структур. Для получения статуса присяжного поверенного необходимо было соответствовать строго определенным квалификационным требованиям, установленным законодательством того времени. Шакк С. Н. отмечает: «Присяжные поверенные обладали теми же процессуальными правами и обязанностями, как и представляемые стороны, за исключением распорядительных процессуальных прав, требовавших специальных полномочий по доверенности» [14, с. 84]. Присяжные поверенные находились в особом процессуальном положении, так как в гражданском процессе они выступали именно как правозаступники, а не как дореформенные представители, деятельность которых заключалась в представительстве в случае неявки сторон. Вследствие создания института поверенных повысился уровень доверия населения к судам и судопроизводству в целом.

Адвокаты получили большую группу полномочий в гражданском производстве: имели право, являясь представителями истца или ответчика, на основании доверенности: собирать доказательства и представлять их в ходе судебного заседания, заявлять ходатайства, участвовать в исследовании доказательств, выступать в прениях, обжаловать решения суда.

Впервые документально была закреплена адвокатская тайна. Так, в «Учреждениях судебных установлений» [12] в статье 403 закреплялось: «Присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не

только во время производства его дела, но и в случае устранения от оно и даже после окончания дела».

Таким образом, Судебная реформа 1864 года создала именно тот облик адвокатуры, который мы наблюдаем в современном гражданском процессе. Адвокат стал не просто представителем интересов клиента, а активным участником процесса, который обязан был компетентно и добросовестно отстаивать его права.

До революции 1917 года действовали указы Александра II, но Декретом «О Суде» [1] от 22 ноября (5 декабря) 1917 года, принятым СНК РСФСР, упразднялись все существующие институты присяжной и частной адвокатуры. Вместо них начали формироваться коллегии защитников. В качестве защитников допускались «все непороченные лица обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». В гражданском процессе могли выступать только люди, с «правильным» правосознанием (в данном случае – поддерживающие советскую власть). Сами коллегии защитников находились под строгим контролем органов государственной власти.

В 1922 году издается Положение об адвокатуре [6], согласно которому адвокаты находись под контролем государства, но имеют свою структуру и функции, хотя их независимость была существенно ограничена. Н. В. Палибин писал: «Защитники являлись такими же чиновниками, как и судьи, они равнодушно взирали на события, происходящие в суде» [2, с. 10]. Также адвокатура была подвержена политической цензуре. День принятия данного Положения – 26 мая 1922 года – считается днем рождения советской адвокатуры [3].

С 1922 года по 1991 г. законодательство об адвокатуре было подвержено незначительным изменениям. Все также сохранялась цензура и сильный контроль государства за деятельностью адвокатов. Роль адвокатов в гражданском процессе была ограничена необходимостью следовать «советскому праву» и «интересам государства». Адвокаты не могли свободно отстаивать права своих клиентов, если это противоречило «социалистической

законности». С 1977 года контроль начинает снижаться, расширяется перечень прав адвокатов, законодательно закреплялось право на защиту.

С 1991 года в Российской Федерации устанавливается независимая и профессиональная адвокатура. В гражданском судопроизводстве адвокатская деятельность регулируется Гражданским процессуальным кодексом, где ей посвящена глава 5.

В рамках российского гражданского судопроизводства адвокаты, выступающие в роли представителей сторон, наделены обширным спектром процессуальных прав и обязанностей. Они уполномочены осуществлять сбор и представление доказательств в суд, подавать различные ходатайства, принимать активное участие в процессе исследования представленных материалов, участвовать в судебных прениях, а также иметь возможность обжаловать принятые судом решения.

Эволюция российской адвокатуры в гражданском судопроизводстве представляет собой длительный путь трансформации от простых судебных стряпчих до высокопрофессиональных независимых адвокатов. Поворотным моментом в становлении современного института адвокатуры стала судебная реформа 1864 года, заложившая фундамент для его дальнейшего развития. С течением времени и на каждом новом этапе государственного развития роль адвокатуры неизменно усиливалась, приобретая всё большее значение для правовой системы страны. Сегодня, несмотря на существующие сложности и вызовы, российская адвокатура выступает неотъемлемым компонентом гражданского судопроизводства, эффективно защищая права и законные интересы как физических, так и юридических лиц. Профессиональная юридическая помощь, оказываемая адвокатами, значительно повышает результативность судебной защиты прав граждан и играет ключевую роль в обеспечении справедливого правосудия, способствуя тем самым укреплению законности и правопорядка в государстве.

Библиографический список использованных источников

1. Декрет «О суде» № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 04.05.2025)
2. Захаренков Д. Н. Основные начала организации и деятельности адвокатуры советского периода // Евразийская адвокатура № 5 (17). 2017. С. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nachala-organizatsii-i-deyatelnosti-advokatury-sovetskogo-perioda/viewer>
3. История Советской адвокатуры. URL: <https://fparf.ru/on-bar/history/sovetskaya-advokatura/> (дата обращения 04.05.2025)
4. Матвеев О. В., Сидорчуков К. А. История возникновения адвокатуры в России. // 2022. №51 (96). С. 35 URL: <https://scilead.ru/article/3588-istoriya-vozniknoveniya-advokaturi-v-rossi>
5. Михайлов Ф. Н., Васильченко А. Л. Историко-правовой анализ статуса адвоката в России // E-scio. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-statusa-advokata-v-rossii/viewer> (дата обращения 07.05.2025)
6. Положение об адвокатуре. Утверждено III сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва 26 мая 1922 года. С. 130. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00060590_13003/
7. Псковская судная грамота. 1397 год. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1460-1480/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения 12.04.2025)
8. Родионова А. А. Эволюция адвокатуры как вида юридической деятельности с Древней Руси до реформы 1864 года. Краткий анализ // Международный научный журнал «Символ науки». 2021. №4. С. 103-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-advokatury-kak-vida-yuridicheskoy-deyatelnosti-s-drevney-rusi-do-reformy-1864-goda-kratkiy-analiz/viewer> (дата обращения 12.04.2025)
9. Судебник Ивана III. 1497 год. URL: <https://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения 12.04.2025)
10. Судебник Ивана IV. 1550 год. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения 12.04.2025)

11. Устав воинский Петра I. 1716 год. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения 12.04.2025)
12. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения 13.04.2025)
13. Халилов И. В. Адвокатура России в период судебной реформы 1864 г.: историко-правовой аспект // Социология и право. 2019. № 2(44). С. 91-95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokatura-rossii-v-period-sudebnoy-reformy-1864-g-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения 13.04.2025)
14. Шакк С. Н. Правозаступная форма процессуальной деятельности присяжных поверенных по судебной реформе 1864 г. // Общество: политика, экономика, право. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravozastupnaya-forma-protssesualnoy-deyatelnosti-prisyazhnyh-poverennyh-po-sudebnoy-reforme-1864-g> (дата обращения 07.05.2025)
15. Ястребов А. В. Эволюция судебной системы и судопроизводства в России в XI – XVIII вв. // Омский научный вестник. 2009. С. 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sudebnoy-sistemy-i-sudoproizvodstva-v-rossii-v-hi-xviii-vv/viewer> (дата обращения 07.05.2025)

УДК 347.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дерябина Анастасия Максимовна,

студентка Института прокуратуры

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

deryyabina.nastyaa@mail.ru

Мерешко Арина Владимировна,

студентка Института прокуратуры

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

arina.mereshko2004@mail.ru

Научный руководитель:

Климова Светлана Николаевна,

старший преподаватель

кафедры гражданского процесса

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия

klimova.sn.26.04@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу перспектив законодательного закрепления обязательных переговоров в гражданском процессе РФ. Рассматриваются преимущества переговоров как досудебной процедуры, их экономичность, конфиденциальность и способность снижать конфликтность. Предлагается разработать федеральный закон и внести изменения в ГПК РФ для системного регулирования переговорного процесса.

Ключевые слова: переговоры, порядок, примирительные процедуры, Гражданский процессуальный кодекс РФ, правосудие, альтернативное разрешение споров, компромисс.

Гражданское процессуальное законодательство РФ стремится к усовершенствованию процедур, направленных на повышение эффективности, доступности и гуманизации правосудия. Появление новых правовых конструкций и норм права в Гражданском процессуальном кодексе РФ позволяет утверждать о создании новой модели судопроизводства в условиях модернизации и процессов конвергенции [3, с. 2]. Особое внимание уделяется альтернативным способам разрешения споров, в том числе примирительным процедурам. В этом контексте идея законодательного закрепления обязательного порядка проведения переговоров перед обращением в суд становится всё более актуальной.

Переговоры — это процесс взаимодействия сторон с целью достижения согласованного и устраивающего их решения [1, с. 35]. С позиции гражданского процессуального права переговоры могут выступать элементом обязательного досудебного порядка, аналогично претензионному порядку. Переговоры предполагают не просто направление формальных уведомлений, требований или отказов, а именно наличие реального диалога, обмена аргументами и стремления к компромиссу.

Нормативное закрепление процедуры переговоров реализовано в статье 153.4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), введенной Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ [7]. В соответствии с этой нормой:

1. Стороны вправе урегулировать спор путем проведения переговоров в целях примирения;
2. Переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами;
3. В случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, переговоры проводятся в обязательном порядке.

Таким образом, статья 153.4 ГПК РФ придаёт переговорам не только рекомендательный, но и в отдельных случаях обязательный характер, что усиливает их правовую значимость и делает необходимым учёт данной процедуры как полноценной стадии до обращения в суд.

Судебная практика свидетельствует о том, что в судах общей юрисдикции преобладают дела, связанные с типовыми ситуациями — такими как споры о взыскании задолженности, жилищные и семейные разногласия, а также конфликты в сфере защиты прав потребителей. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023) подчеркивается, что подобные дела, как правило, не требуют глубокой правовой оценки и разрешаются в рамках устоявшихся подходов [6]. Это подчёркивает потенциал урегулирования многих споров во внесудебном порядке. Введение обязательной стадии переговоров поможет снизить нагрузку на суды и ускорить достижение взаимоприемлемых решений, особенно в семейных и трудовых спорах, где важны не только правовые, но и личные аспекты конфликта.

Одним из ключевых преимуществ переговоров является их экономичность по сравнению с судебным разбирательством. Последнее требует значительных затрат времени и средств на подготовку и подачу иска, оплату госпошлины и услуг представителей. Как отмечает Н.В. Лебедева, судопроизводство связано с высокими организационными и финансовыми издержками, тогда как переговоры позволяют сторонам быстро и без посредников урегулировать конфликт [5, с. 18]. По мнению С.Ю. Казанцева, развитие досудебных процедур снижает нагрузку на суды и способствует более рациональному использованию ресурсов правосудия [4, с. 45].

По оценкам Федеральной палаты адвокатов РФ, средняя стоимость судебных расходов по делам о взыскании задолженности составляет около 114 тысяч рублей, включая государственную пошлину и представительские услуги, которые могут достигать 9% от суммы иска [10]. Переговорный формат позволит сторонам достичь взаимоприемлемого решения, избежать

дополнительных затрат и временных издержек, особенно при использовании цифровых платформ и типовых моделей соглашений.

Переговоры как форма внесудебного урегулирования споров способствуют снижению конфронтации между сторонами и сохранению конструктивных взаимоотношений. В отличие от судебного разбирательства, предполагающего состязательность и порой углубляющего конфликт, переговорный процесс ориентирован на достижение компромисса. Как отмечают Хатыпова Ч.И. и Хисамов А.Х., переговоры-сотрудничество направлены на достижение мирного разрешения конфликта посредством взаимных уступок, что в итоге укрепляет взаимодействие между участниками и снижает накал противостояния [8, с. 19]. Кроме того, участие в переговорах способствует формированию у сторон навыков аргументированного обоснования своих позиций и восприятия альтернативных точек зрения, что повышает эффективность правового диалога [9].

Не менее значимой характеристикой переговоров является их конфиденциальность. Закрытый характер процедуры позволяет избежать огласки, что особенно важно для компаний, заинтересованных в сохранении деловой репутации. Согласно мнению Д.Л. Давыденко, принцип конфиденциальности играет ключевую роль в переговорном процессе, способствуя установлению доверительных отношений и большей готовности сторон идти на компромисс [2, с. 92]. Такая правовая конструкция делает переговоры не только инструментом снижения нагрузки на суды, но и эффективным способом минимизации репутационных и финансовых потерь.

В отличие от судебного решения, соглашение, достигнутое в ходе переговоров, предполагает добровольное исполнение сторонами. Это будет связано с тем, что участники сами сформируют условия урегулирования, учитывая взаимные интересы. Подобные договорённости будут восприниматься как взаимовыгодные интересы обеих сторон, в то время как судебное решение, принятое без согласия одной из сторон, может вызвать сопротивление и потребовать принудительного исполнения. В

результате переговоры будут способствовать более устойчивому и мирному разрешению споров.

В связи с этим, предлагается разработать и принять отдельный федеральный закон, который системно регламентировал бы порядок проведения досудебных переговоров как обязательной стадии разрешения гражданских споров. В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкий механизм реализации данной процедуры.

В предлагаемом законе необходимо предусмотреть: определение переговоров как формы досудебного урегулирования, основанной на прямом взаимодействии сторон без посредника; установление сроков переговоров (30 календарных дней с момента направления уведомления о намерении урегулировать спор); описание минимальных требований к процедуре, а именно обязанность добросовестного обмена позициями, документальное подтверждение диалога, возможность использования электронных коммуникаций; введение стандартных форм фиксации переговоров, включая протоколы, переписку, проекты соглашений; закрепление последствий уклонения от переговоров, таких как оставление иска без движения; формулирование исключений, когда переговоры не обязательны (например, в случае угрозы причинения существенного вреда или злоупотребления правом со стороны).

В целях повышения эффективности досудебного урегулирования споров наряду с принятием специального закона, предлагается внести изменения в ГПК РФ, чтобы обеспечить процессуальную реализуемость переговорной процедуры. Следует внести изменения в статью 153.4 ГПК РФ. Редакция статьи может быть дополнена следующим положением:

«Стороны обязаны урегулировать спор путём проведения переговоров до обращения в суд, в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором. Отсутствие подтверждения проведения процедуры переговоров является основанием для оставления искового заявления без движения до устранения указанного нарушения».

Дополнительно целесообразно отредактировать статью 132 ГПК РФ, включив в перечень прилагаемых к исковому заявлению документов: «документы, подтверждающие факт проведения переговоров между сторонами в целях соблюдения досудебного урегулирования спора, либо иной документ, указывающий на причину, по которой такая процедура не проводилась».

Такая нормативная конструкция обеспечит юридическую определённую переговорной процедуры, повысит её значимость в правоприменительной практике и позволит снизить количество исков по спорам, которые могли быть разрешены без обращения в суд. Законодательно закреплённый механизм переговоров будет способствовать развитию культуры правового диалога, повышению правовой грамотности граждан и снижению конфликтности в обществе.

Библиографический список использованных источников

1. Брыжинская Г.В., Волкова М.А. Понятие переговорного процесса // Вестник науки и образования. — 2015. — № 8 (10). — С. 35–37.
2. Давыденко Д.Л. Принципы и особенности переговоров в рамках альтернативного разрешения споров // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2021. — № 3. — С. 92–96.
3. Джур В.В., Солобута С.Г. Модернизация гражданского процессуального права в Российской Федерации // Глаголь правосудия. — 2018. — № 4. — С. 2–12.
4. Казанцев С.Ю. Альтернативные способы разрешения споров: правовые и экономические аспекты // Право и экономика. — 2020. — № 10. — С. 45–49.
5. Лебедева Н.В. Альтернативные способы разрешения гражданско-правовых споров: правовая природа и перспективы развития // Российская юстиция. — 2019. — № 5. — С. 18–22.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452382/, свободный (Дата обращения: 24.05.2025).

7. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/, свободный (Дата обращения: 24.05.2025).

8. Хатыпова Ч.И., Хисамов А.Х. Переговоры как одна из альтернативных форм примирительных процедур // Научный лидер. — 2021. — № 7 (63). — С. 19–22.

9. Шарафутдинова А.А. Психология переговоров как способа разрешения конфликтов [Электронный ресурс] // Научные работы. Психология. — 2020. — Режим доступа: <https://ronl.org/nauchnyye-raboty/psikhologiya/187928/>, свободный (Дата обращения: 18.05.2025).

10. Экспертное обоснование разумности судебных расходов [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ. — Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/ekspertnoe-obosnovanie-razumnosti-sudebnykh-raskhodov/>, свободный (Дата обращения: 24.05.2025).

ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Ковалева Полина Евгеньевна,

студентка 3 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет)

Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,

г. Санкт-Петербург, Россия,

polina220529@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению института законного представительства в гражданском процессе. Определяются виды, компетенция и основания прекращения полномочий представителя.

Ключевые слова: гражданский процесс, представительство, законный представитель, недееспособный, ограниченно дееспособный гражданин.

В настоящее время представительству в гражданском процессе уделяется большое внимание как со стороны ученых-правоведов, так и со стороны практикующих в судах специалистов. В целом, представительство в рамках судебного разбирательства определяется как процессуальная деятельность лица от имени и в интересах той или иной стороны, участвующей в деле. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - ГПК РФ) выделяет несколько видов такой деятельности, одним из которых является представительство на основе предписания закона, иначе говоря - законное представительство. Такая форма процессуальной активности имеет место быть в случаях, когда лицо не может представлять интересы в суде самостоятельно, по причине своей недееспособности или ее ограниченности. Потенциально, такие участники судебного разбирательства являются слабой стороной процесса, так как по той или иной причине они не могут полноценно

осознавать и нести ответственность за свои действия. Таким образом, изучение вопроса законного представительства в судебном процессе имеет большое значение для защиты интересов, прав и свобод человека и гражданина, что подтверждает актуальность рассматриваемой темы.

Статья 52 ГПК РФ не дает правового определения законного представителя, однако прямо указывает на круг лиц, которые являются таковыми. Так, ч.1 ст.52 ГПК РФ закрепляет, что: права, свободы и законные интересы недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан защищают в суде их родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом [1].

Исходя из смысла закона можно выделить некоторые виды законных представителей в зависимости от характера лица, подлежащего представлению. Так, законными представителями являются:

- 1) в отношении лиц, не достигших возраста 14 лет - их родители, усыновители или опекуны;
- 2) для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет - родители, усыновители, попечители;
- 3) для детей, оставшихся без попечения родителей до момента их усыновления / удочерения или помещения в приёмную или патронажную семью, а равно детей-сирот, воспитывающихся в организациях - органы опеки и попечительства;
- 4) в отношении несовершеннолетних и недееспособных граждан, находящиеся под опекой или попечительством, если действия опекунов или попечителей по представлению законных интересов подопечных противоречат законодательству РФ и (или) законодательству субъектов РФ или интересам подопечных либо, если опекуны или попечители не осуществляют защиту законных интересов подопечных, а равно в отношении граждан, нуждающихся в установлении над ними опекуна или попечителя - органы опеки и попечительства;
- 5) в отношении граждан, признанных судом недееспособными - опекуны;

- 6) для лиц, признанных судом ограниченно дееспособными - попечитель;
- 7) для недееспособных или ограниченно дееспособных граждан, помещенных под надзор в организации медицинского или социального обслуживания, а также при условии, что у них отсутствуют ранее перечисленные категории законных представителей - их интересы в суде могут представлять организации, в которых они находятся под надзором и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о разнообразии видов законных представителей в зависимости от характеристик представляемого лица.

Отмечается, что законный представитель обладает всеми возможными полномочиями по защите, которые предусмотрены законом. И, наверное, он даже имеет некие преимущества перед другими представителями, к примеру, законному представителю (родитель, усыновитель, опекун и т. д.) не требуется высшее юридическое образование либо ученая степень по юридической специальности. В остальном же лица, которые обладают таким статусом (статусом законного представителя), должны предъявить суду документы, которые действительно подтверждают факт того, что представитель является родителем, опекуном и т. д. [2, с. 244]. Не исключается также поручение ведения дела в суде другому лицу, избранному ими в качестве представителя, отвечающему требованиям, установленным законом.

Деятельность законного представителя может быть ограничена содержанием представляемых интересов. Для осуществления некоторых процессуальных действий может потребоваться согласие (разрешение) представляемого лица, а в отдельных случаях - органа опеки и попечительства. Например, законные представители не в праве совершать действия, противоречащие интересам представляемого лица или самостоятельно решать вопросы, направленные на уменьшение имущественной массы подопечного.

Законное представительство прекращается: в результате наступления смерти представителя или лица, чьи интересы подлежали представлению; в случаях признания судом лица, чьи интересы ранее подлежали защите, дееспособным, а равно при признании недееспособным представителя такого

лица; в результате наступления дееспособности ранее несовершеннолетних граждан; в случаях законного прекращения полномочий представителя, например, при лишении его родительских прав и другое. Помимо этого, говоря об основаниях прекращения законного представительства необходимо обратиться к ст.29 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», которая устанавливает, что опека и попечительство также могут прекращаться в случаях отстранения лиц, назначенных опекунами или попечителями и в случаях истечения сроков действия их управомочивающих актов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что институт законного представительства достаточно широк в своем применении. Такой вид обеспечения законных прав и свобод граждан имеет большое значение для полной и всесторонней реализации прав недееспособного и ограниченно дееспособного населения, которое, в силу ряда причин, не могут осуществлять процессуальные действия самостоятельно. Законный представитель - одна из гарантий защиты интересов недееспособного и ограниченно дееспособного гражданина.

Библиографический список использованных источников

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // СПС КонсультантПлюс - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/2f7db28fd1d90c3ea1c5b2aa15af9f61878d3547/ (дата обращения: 26.03.2025).
2. Мальченко А. А. Виды представительства в гражданском и арбитражном процессе / А. А. Мальченко. // Молодой ученый. — 2021. — № 47 (389). — С. 243–245.

УДК 347.94

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ ДОКУМЕНТА К РЕШЕНИЮ

Подъячева Анна Андреевна,

Студентка бакалавриата
3 курса направления «Юриспруденция»,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия,
Podyacheva2005@mail.ru

Трошкина Александра Сергеевна,

Студентка бакалавриата
3 курса направления «Юриспруденция»,
Тульский государственный университет
г. Тула, Россия,
luciennnnnn@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется роль электронной переписки как доказательства в гражданском процессе и её влияние на судебные решения. Рассматриваются правовые основания использования электронной корреспонденции (включая электронную почту и мессенджеры) в контексте современных процессуальных норм. Анализируются критерии допустимости, относимости и достоверности таких доказательств, а также проблемы их оценки судом. Особое внимание уделяется идентификации отправителя, обеспечению целостности данных и соблюдению законодательства о электронном документообороте и обзора существующих методов удостоверения электронных переписок. На основе анализа судебной практики предлагаются рекомендации по совершенствованию механизмов работы с электронной перепиской.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронная переписка, электронные доказательства, допустимость доказательств, судебное решение, цифровая коммуникация, цифровизация.

Реклама и деловая переписка, а также заключение договоров через мессенджеры или социальные сети стали привычным делом. Электронная переписка значительно изменила коммуникационные процессы в современном обществе, включая юридическую сферу. В век цифровизации права электронная переписка начинает играть важную роль в судебных разбирательствах, предоставляя возможность использовать электронные документы и сообщения в качестве доказательств, о чём свидетельствует участвовавшее их использование в судебной практике. Это открывает новые горизонты для эффективного ведения дел и упрощает процесс взаимодействия между участниками гражданских процессов. В условиях последующей цифровизации многие аспекты делового общения и заключения договоров переключились на использование электронных писем, мессенджеров и других цифровых платформ. В гражданском процессе такие средства коммуникации становятся важным инструментом, позволяя сторонам обмениваться информацией и заключать соглашения в удобном формате. В федеральном законодательстве отсутствует четкое определение термина «электронное письмо», однако существует понятие «электронное сообщение», которое трактуется как информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети.

Современные достижения в области технологий позволяют говорить о наличии «электронных элементов» в гражданском процессе. Но при их наличии встаёт существенный вопрос – корректного применения и предъявления электронных писем в качестве доказательств в суде. Преткновение возникает в правовой неопределенности и сложности в подтверждении аутентичности таких документов. С помощью электронной переписки участники процессов могут подтвердить отправку юридически значимых сообщений, а также зафиксировать конкретные обстоятельства дела. Судебная практика показывает, что все больше судов признают электронные письма допустимыми средствами доказательства [7, с. 4]. Однако каждая ситуация требует индивидуального анализа, основанного на

фактических обстоятельствах дела. Практика по делам о защите прав потребителей, например, иллюстрирует, как электронные письма могут служить основанием для подтверждения факта приобретения товара и согласования условий сделки.

Несмотря на то, что электронная переписка часто выступает в качестве ключевого доказательства, суды, хотя и принимают ее во внимание, не всегда упоминают о ней в обосновании своих решений. Существует риск возникновения проблемы правильности установления условий договора, заключенного данным способом, поскольку в большинстве случаев стороны используют в своих сообщениях неформальный язык. Чтобы суд принял переписку в качестве доказательства, она должна быть максимально содержательной.

С момента внесения изменений в часть 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся возможности заключения договора через составление единого документа (в том числе электронного), подписанного сторонами или посредством обмена электронными документами, в правоприменительной практике возникло четкое понимание того, как необходимо формировать электронную переписку.

Коммуникация в электронной форме может повлечь ряд правовых проблем. Во-первых, существует риск подделки и недостоверности электронных писем. Во-вторых, судебная практика все еще активно формируется в этой области, поэтому решение по конкретному делу может быть неоднозначным. В-третьих, необходимость в технической грамотности участников процесса создает барьеры для использования электронной переписки как инструмента защиты прав, что может негативно сказаться на доступности правосудия.

Одним из наиболее распространенных видов доказательств в гражданском процессе являются письменные доказательства [3, с. 31]. С 1 января 2017 года вступили в силу изменения в статье 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые выделяют в

качестве письменных доказательств документы, подписанные электронной подписью [1].

Однако помимо электронных документов с электронной подписью, существует также множество электронных писем и сообщений, не имеющих такой подписи, которые часто применяются в рамках электронной переписки.

Применительно к электронному письму этот признак не всегда может быть чётко установлен, особенно когда письмо не имеет электронной цифровой подписи. Тем не менее, даже если адрес почтового ящика совпадает с именем гражданина или названием юридического лица, а данные отправителя на первый взгляд соответствуют действительности без признаков взлома почтового ящика, это не гарантирует, что переписка действительно велась именно указанным лицом.

На практике суд, основываясь на презумпции разумности участников гражданского оборота, проверяет название адреса электронной почты [6]. Чтобы минимизировать риски подобной ситуации, стороны часто указывают в договоре адреса электронной почты, предназначенные для ведения переписки. Стоит отметить, что уже предпринимаются шаги к присвоению электронной почте юридического статуса, что должно способствовать упорядочиванию отношений между сторонами.

Более того, обеспечить достоверность электронного письма или переписки можно, воспользовавшись услугами нотариуса. Обеспечение доказательств производится нотариусом в порядке ст.102 и ст. 103 ФЗ «Основ законодательства о нотариате» [5]. В данной ситуации нотариус осмотрит телефон и составит протокол. Этот протокол будет обязан соответствовать всем формальным требованиям как доказательство, соответственно, дальнейшее будет зависеть: от полноты содержания этого доказательства и от того, сможет ли предъявитель доказать остальные имеющие юридическое значение обстоятельства [2, с. 123]. Одним из альтернативных способов является заверение электронной переписки у интернет-провайдера или же оператора мобильной связи. Этот процесс включает составление протокола с

фиксацией даты, времени и адресов электронной почты или телефонных номеров, что позволит доказать в судебном процессе факт передачи электронных сообщений. [4, с. 93]

Электронная переписка является эффективным инструментом для защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса. С одной стороны, она предоставляет возможности для быстрой и понятной коммуникации, а с другой — требует от участников юридической грамотности и осознания правовых последствий [8, с. 68]. Для повышения эффективности использования этого инструмента необходимо развивать правовую базу, соблюдать защиту данных и обновлять судебную практику. Важно, чтобы законодательство учитывало специфику и возможности новых технологий, обеспечивая защиту прав участников гражданского процесса в условиях цифровизации.

Для упрощения процесса правоприменения необходимо разработать стандарты и регламенты, касающиеся формата, содержания и способов представления электронной переписки в качестве доказательства. Без четких инструкций участники могут сталкиваться с неопределенностью, что приведет к дополнительным спорам в суде. Чтобы минимизировать возникновение споров и улучшить доступ к правосудию, необходимо работать над разрешением этих проблем через разработку новых норм законодательства, углубление судебной практики и повышение уровня правовой грамотности среди участников гражданского процесса.

Законодателю стоит внести следующие изменения в ГПК РФ в части включения понятия электронного документа, электронного сообщения как доказательства, закрепления правовых гарантий его использования, установления определенного процессуального порядка исследования соответствующих источников в ходе судебного заседания:

- В ГПК РФ необходимо ввести определения «электронного документа» и «электронного сообщения» как самостоятельных доказательств, а также разграничить форматы электронных доказательств: переписка, скриншоты;

- Следует установить процессуальные требования к электронной переписке, например, заверение нотариусом скриншотов. Также необходимо закрепить презумпцию достоверности сообщений, полученных через официальные сервисы, при отсутствии опровержения;
- В ст. 71 ГПК РФ нужно ввести правила для осмотра электронных доказательств: возможность привлечения IT-экспертов и процедуру верификации переписки. Дополнить ст. 157 ГПК РФ нормами о дистанционном исследовании, например, демонстрацией переписки на онлайн-заседаниях;
- Необходимо внести в ГПК РФ механизмы обеспечения электронных доказательств и установить ответственность за их фальсификацию с учетом цифровых технологий;
- Унификация судебной практики посредством разработки Верховным Судом РФ разъяснений по оценке электронных доказательств аналогично Постановлению Пленума ВС № 23 от 2015 г. по письменным доказательствам.

Таким образом, внедрение этих изменений в ГПК РФ позволит устранить правовую неопределенность, повысить эффективность доказывания и обеспечить справедливость решений в условиях цифровизации гражданского процесса. Электронная переписка, как доказательство современного гражданского процесса, требует более глубокого исследования и практического применения, чтобы гарантировать права всех участников и повысить уровень правосудия в России.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст]: от 14.11.2002 20№138-ФЗ (ред. От 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — №46. — Ст. 4532; 2021. — №27 (часть I). — Ст. 5071.

2. Губина Е.Н., Бессонова Т.В., Касьянов М.Р. Допустимость электронной переписки в гражданском процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. - С. 123.
3. Журавлева М.Д. Электронная переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. №4 (11). - С.31-38.
4. Мельник С. В., Казакова С.Р. Электронная переписка и смайлы в системе доказательств гражданского судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. №4 (44). - С. 91 - 95.
5. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 №4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)- [Электронный ресурс]- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 20.05.2025).
6. Решение № 2-853/2016 2-853/2016~М-807/2016 М-807/2016 от 8 июля 2016 г. по делу № 2-853/2016. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dFXs3rPFAFVO/> (дата обращения: 20.05.2025)
7. Скворцов Д. Электронная переписка как доказательство в суде: какие сложности могут возникнуть? // «ЭЖ-Юрист», 2020. № 30 (1131). - URL: <https://www.eg-online.ru/article/424208/> (дата обращения: 20.05.2025)
8. Тошматова А.Н. Электронная переписка как доказательство в гражданском процессе // ПРЭД. 2022. №1.- С.65-70.

УДК 347.91

**К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ ИЗВЕЩЕНИИ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Трошкина Александра Сергеевна,

студент,

Тульский государственный университет,

г. Тула, Россия,

luciennnnn@yandex.ru

Научный руководитель:

Дяблова Юлия Львовна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Тульского государственного университета,

г. Тула, Россия

Аннотация: настоящая работа посвящена проблеме надлежащего извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве. Надлежащее извещение участников гражданского судопроизводства — ключевой элемент обеспечения принципов состязательности и законности. Анализ эффективности механизмов извещения участников гражданского судопроизводства в РФ, выявление ключевых проблем и разработка рекомендаций по их решению в условиях цифровизации правосудия являются целью данной работы. В статье обсуждаются проблемы, возникающие из-за сложности подтверждения факта вручения извещения, злоупотребления процессуальными правами, правовых пробелов в регулировании новых технологий и т.п. Автором предложены рекомендации по улучшению и повышению доступности правосудия.

Ключевые слова: Надлежащее извещение, лица участвующие в деле, гражданский процесс, законность, судебное разбирательство.

Надлежащее извещение является одним из ключевых элементов гражданского судопроизводства, который обеспечивает соблюдение прав и законных интересов сторон в ходе судебного разбирательства. Правильное извещение сторон о процессуальных действиях и решениях суда играет важную роль в обеспечении правосудия и законности в гражданском процессе.

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ), надлежащее извещение подразумевает уведомление сторон, участников процесса и других заинтересованных лиц о ходе дела, различных процессуальных действиях и решениях суда. Надлежащее извещение должно быть своевременным, полным и осуществлённым в установленной форме, что гарантирует сторонам возможность реализацию своих прав. Надлежащее извещение необходимо для обеспечения прав сторон, так как уведомление сторон о судебных заседаниях, заявлениях, рассмотрении дел и других процессуальных действиях позволяет им участвовать в процессе и защищать свои интересы.

Для признания извещения надлежащим, необходимо соблюдение следующих условий:

- фиксирование факта отправки судебного извещения;
- фиксирование факта вручения судебного извещения адресату.

Факт отправки извещения не вызывает особых проблем на практике, но установление второго факта более затруднительно. Весьма затруднительно установить, действительно ли участник судопроизводства не был уведомлён о судебном заседании по объективным причинам или же намеренно уклонялся от получения извещения [1, с. 191]. Данная проблема существенно затягивает процесс.

Согласно ст. 113 ГПК РФ надлежащее извещение может быть осуществлено различными формами: извещения или вызовы в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебная повестка с уведомлением о вручении, телефонограмма или телеграмма, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих

фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату. В современных условиях возможно использование электронной почты и других способов, если это предусмотрено соглашением сторон или регламентом суда. Данное требование подтверждается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, согласно которому независимо от того, какой из способов извещения участников судопроизводства избирается судом, любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом [4].

Представляется возможным сказать о таком способе извещения как отправка СМС-сообщений. По своей сущности данный способ близок с почтовым извещением, что даёт повод предположить о возможной замене в ближайшем будущем почтового уведомления на СМС-уведомление, но для этого потребуется более подробная и четкая правовая регламентация. Использование способа отправки СМС-сообщения допустимо только на добровольной основе. Подтверждение согласия лица оформляется распиской, в которой указывается номер телефона. Главной проблемой способа является то, что номер может быть изменён, совершение ошибки при написании расписки или намеренном указании неверного номера в целях дальнейшего затягивания процесса.

Отправка СМС-сообщений осуществляется в порядке, предусмотренном приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» [5]. Благодаря СМС-уведомлениям значительно ускоряется работа аппарата суда. Так, сообщения формируются автоматически и сведения отчетов о доставке сообщений в автоматическом режиме импортируются в базу данных. Также в качестве положительного результата можно отметить экономию средств бюджета и возможность получения извещения участником судебного разбирательства независимо от его нахождения по месту регистрации.

Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ в статью 113 ГПК РФ была введена ч. 7, закрепляющая возможность размещения судом на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о движении дела, в том числе о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия [6]. Однако по отношению к участникам процесса данную меру можно рассматривать лишь в качестве дополнительной по отношению к иным способам извещения, так как размещение такой информации на сайте суда не означает то, что лица считаются надлежащим образом извещенными, а выступает как дополнительный способ информирования.

Несмотря на важность процесса извещения, на практике возникают несколько значительных проблем. Одна из наиболее распространённых – ненадлежащее извещение. Это происходит, когда информация не доходит до сторон или исходит в недостаточном объёме. Например, если извещение направляется по неверному адресу или одна из сторон намеренно не предоставляет актуальные контактные данные.

С развитием технологий значительная часть извещений осуществляется посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Однако, не все участники процесса имеют возможность использовать эти системы в силу того, что некоторая часть граждан не владеет необходимыми цифровыми навыками или иногда не имеет доступа к интернету, что создает дополнительные трудности в получении извещений [2].

Ненадлежащее извещение влечёт за собой серьезные последствия: лицо, надлежащим образом не уведомленное о возбужденном в отношении него гражданском деле, лишается возможности в полной мере реализовать право на охрану своих прав и законных интересов, которые могут быть затронуты в результате рассмотрения дела. Очевидным представляется то, что, когда дело касается разрешения спора о праве (в исковом судопроизводстве), сторона,

надлежащим образом не извещённая, помимо прочего, лишается возможности реализовать основополагающий принцип гражданского процесса - принцип состязательности [3, с. 15].

Если сторона не была надлежащим образом извещена о ходе дела, она может обжаловать судебное решение или отказ от участия в процессе, что в дальнейшем может привести к затягиванию судебного разбирательства и снижению эффективности судебной системы.

Необходимо развивать электронные системы извещения, делая их более доступными и понятными для пользователей. Это может включать в себя улучшение интерфейса и создание обучающего контента. Внедрение средств научного прогресса в судопроизводство – одна из перспективных задач на пути реформирования гражданского процесса в условиях цифровизации. При этом, применение информационных технологий при извещении участников процесса не должно становиться самоцелью, а обязано выполнять задачу по совершенствованию механизма извещения.

Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, остаются одной из актуальных тем в области правосудия. Эффективное извещение является крайне важным для защиты прав и законных интересов сторон, и его недостатки влекут за собой негативные последствия для всей судебной системы. Учитывая, что уровень правосознания общества возрастает, ключевой задачей остаётся обеспечение правовой информированности граждан и правильного применения процессуальных норм.

Библиографический список использованных источников

1. Лошкарев А В., Фадеев А В., Федякина А Г. Проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №1-2. С. 190-193.
2. Лысенко Е.С. О презумпции надлежащего извещения участников гражданского процесса [Электронный ресурс] URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-prezumptsii-nadlezhaschego-izvescheniya-uchastnikov-grazhdanskogo-protsessa> (дата обращения: 19.03.2025).

3. Молева, Г. В. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве / Г. В. Молева, Д. А. Гуськов // Сборник научных трудов по материалам XIII международной научной конференции. — Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук. 2018. С. 14-17.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2011) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 9.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 (ред. от 27.08.2019) Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158206/ (дата обращения: 15.03.2025)

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.

ПРАВО НА ПОДАЧУ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Флянтикова Екатерина Викторовна,

студент,

Тульский государственный университет,

г. Тула, Россия,

russckaia.kat@gmail.com

Научный руководитель:

Дяблова Юлия Львовна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Тульского государственного университета,

г. Тула, Россия

Аннотация: в статье рассматривается право на подачу искового заявления как ключевой институт гражданского процесса, обеспечивающий реализацию права на судебную защиту. Особое внимание уделяется разграничению понятий «право на иск» и «право на предъявление иска», а также проблемам, возникающим при отсутствии процессуальных предпосылок для возбуждения гражданского дела. Автор подчеркивает необходимость теоретического осмысления и нормативного закрепления правовых основ иска в целях повышения правовой определенности и эффективности судебной защиты.

Ключевые слова: Гражданский процесс, иск, право на иск, подача искового заявления, процессуальные предпосылки, судебная защита.

Право на подачу искового заявления является одним из важнейших институтов гражданского процесса, обеспечивающим доступ к правосудию и защиту нарушенных или оспариваемых прав. Вопрос о том, кто, в каких

случаях и при каких условиях может обратиться в суд с иском, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Для понимания сущности данного права необходимо прежде всего рассмотреть саму категорию иска.

В юридической доктрине иск рассматривается как сложная правовая категория, включающая в себя как материально-правовые, так и процессуально-правовые элементы. С материально-правовой точки зрения иск представляет собой требование истца к ответчику, выражающее способ защиты нарушенного права. С процессуально-правовой стороны иск представляет собой обращение в суд с требованием о защите нарушенного материального права [4, с. 51]. Существует мнение, согласно которому сложность и неоднозначность трактовки понятия «иск», а также связанных с ним правовых категорий привели к появлению у ряда исследователей скептического отношения к самому институту иска. Некоторые из них даже высказывали мнение о целесообразности отказа от данного термина и сопутствующей ему терминологии, поскольку существующие противоречия затрудняют его однозначное определение и применение [3, с. 29].

Однако такой подход представляется спорным. Иск является фундаментальной категорией гражданского процесса, без которой невозможно выстроить систему защиты субъективных прав и законных интересов. Вместо отказа от понятия «иск» более продуктивным видится его дальнейшее теоретическое осмысление, уточнение правового содержания и закрепление в законодательстве единообразного определения. Это позволило бы устранить разночтения и сделать применение иска в гражданском процессе более последовательным и предсказуемым.

Возможность предъявления иска не является абсолютной и обусловлена соблюдением определённых условий, как материального, так и процессуального характера.

Процессуальный механизм реализации права лица на предъявление иска в суд с целью защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов основан на принципе судебной защиты, закреплённом в гражданском

процессуальном законодательстве. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов [2].

Исходя из вышесказанного, право на иск следует рассматривать не как субъективное право истца, подлежащее защите, а как юридическую возможность добиться его защиты в установленном процессуальном порядке. Исковая форма является одним из основных способов реализации права на судебную защиту. При этом важно различать право на иск в материально-правовом и процессуально-правовом смысле. В материально-правовом аспекте оно возникает с момента нарушения субъективного права или законного интереса, требующего судебной защиты. В процессуальном смысле право на иск проявляется как возможность обратиться в суд с исковым заявлением и возникает с момента подачи соответствующего заявления в суд.

Право на предъявление иска имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Несмотря на то, что действующее законодательство не содержит его прямого нормативного определения ни в материальном, ни в процессуальном праве, данная категория играет ключевую роль в обеспечении реализации субъектами различных правоотношений своего права на судебную защиту. Кроме того, оно является фундаментом для реализации субъектами различных правоотношений права на судебную защиту, а также иных прав, связанных с использованием механизмов судебной власти и понуждения.

Право на предъявление иска, как правило, имеет процессуально-правовое основание. Однако, как уже отмечалось, законодательство не содержит четкого легального определения права на иск и права на предъявление иска в буквальном смысле. В связи с этим вопрос о правовой природе права на иск в отдельных ситуациях может быть неоднозначным и зависеть от характера конкретных правоотношений. В правоприменительной

практике нередко встречаются случаи, когда право на иск в материально-правовом и процессуально-правовом смысле оказывается тесно взаимосвязанным, что требует комплексного подхода к его пониманию и реализации [1, с. 104].

В гражданском судопроизводстве право на иск реализуется посредством строго регламентированной процессуальной процедуры, установленной Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Данная процедура предполагает подачу искового заявления в установленной форме, а также предоставление необходимых документов, подтверждающих обоснованность требований истца. Особенность данного механизма заключается в его формализованности, направленной на обеспечение правовой определённости и процессуальной прозрачности. Установленные законодательством требования к содержанию искового заявления и перечню прилагаемых документов способствуют упорядоченному рассмотрению спора, а также гарантируют соблюдение прав.

Исходя из данной позиции, реализация лицом своего права на иск возможна только при наличии определённых процессуальных предпосылок. Вопрос о наличии или отсутствии у истца права на предъявление иска подлежит проверке судом на стадии принятия искового заявления. На этом этапе судья единолично оценивает соблюдение установленных процессуальных предпосылок, необходимых для возбуждения гражданского дела. Если суд установит, что истец не имеет права на предъявление иска в силу несоблюдения требований законодательства, он вправе принять одно из нескольких возможных процессуальных решений. В зависимости от конкретных обстоятельств судья вправе: отказать в принятии искового заявления, возвратить исковое заявление, оставить исковое заявление без движения.

Отсутствие процессуальных предпосылок для предъявления иска влечёт за собой отсутствие самого права на предъявление иска, а следовательно, и отсутствие у суда обязанности возбудить гражданское судопроизводство.

Кроме того, если в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции или в вышестоящих судебных инстанциях будет установлено, что у истца изначально отсутствовали правовые основания как для предъявления иска, так и для самого права на иск, это может негативно сказаться на возможности удовлетворения заявленных требований [5, с. 134]. В подобных ситуациях суд вправе отказать в иске, что свидетельствует о неразрывной связи между правом на иск и правом на его удовлетворение.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что право на иск играет ключевую роль в механизме судебной защиты гражданских прав и законных интересов. Оно представляет собой сложную правовую категорию, включающую как процессуальный аспект, связанный с возможностью обращения в суд, так и материально-правовой, определяющий возможность удовлетворения заявленного требования. Разночтение в трактовке данной категории приводит к неопределённости, которая порождает некоторые противоречия. Несмотря на это, иск и право на иск являются фундаментальными понятиями процессуального права, в связи с чем проблемы исковой формы защиты права постоянно находятся в центре внимания. Их правовая природа, процессуальные особенности и практическая реализация продолжают оставаться предметом научных дискуссий и судебной практики, что подтверждает их значимость для эффективного функционирования гражданского судопроизводства.

Библиографический список использованных источников

1. Александров А.Ю., Кузовкова Е.В. Право на иск: материально-правовой и процессуально-правовой аспекты // Форум молодых ученых. 2019. №2. С. 102 – 106
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532
3. Ивакин В.Н. Понятие иска: проблемы определения // Lex Russica. 2019. №12. С. 28 – 40

4. Колганова А.Д. Понятие иска в гражданском процессе // Форум молодых ученых. 2021. №2. С. 50 – 53
5. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учеб. / под ред. М.Ю. Лебедева. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 396

УДК 347.91

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Щукина Дарья Олеговна,
студентка Института правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,

dashuta.shchukina.05@mail.ru

Аннотация: в статье анализируются проблемы применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве в условиях стремительного развития информационных технологий. Отмечается отсутствие легального определения «электронного доказательства» в российском законодательстве и тенденция к его отождествлению с письменными доказательствами, что, по мнению автора, не учитывает специфику электронных материалов и создает сложности в судебной практике. В статье рассматриваются различные подходы к определению правовой природы электронных доказательств, анализируются проблемы их допустимости и способы заверения (включая альтернативные методы фиксации, такие как shots.pp.ru и ГАС «Правосудие»).
Ключевые слова: электронные доказательства, гражданское судопроизводство, допустимость доказательств, способы заверения, shots.pp.ru, ГАС «Правосудие», ГПК РФ, информационные технологии.

Использование электронных доказательств в гражданском судопроизводстве в условиях стремительного развития информационных технологий становится все более актуальным. Несмотря на увеличивающуюся востребованность и частоту использования таких доказательств, их правовая природа и порядок исследования в суде остаются предметом дискуссий в юридической науке и вызывают сложности в судебной практике. Отсутствие

единообразия в подходах к определению понятия «электронное доказательство» создает неопределенность при рассмотрении дел.

В российском законодательстве, в отличие от ряда зарубежных стран, отсутствует легальное определение понятия «электронное доказательство». Гражданский процессуальный кодекс РФ [2], регулируя общие положения о доказательствах и доказывании, прямо не выделяет электронные доказательства как отдельный вид. Вместо этого наблюдается тенденция отождествления электронных доказательств с письменными, в частности с электронными документами.

Часть 1 статьи 71 ГПК РФ к письменным доказательствам относит, в том числе, акты, договоры, справки, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием сети «Интернет». Но такое отождествление, не учитывая специфику электронных доказательств, что в свою очередь создает определенные проблемы на практике.

«Двойственный характер электронных документов приводит к отождествлению электронных доказательств с письменными доказательствами», – утверждает М.В. Жижина [3, с. 43].

Одной из основных проблем является отсутствие четких критериев допустимости электронных доказательств. В то время как для традиционных видов доказательств (письменных, вещественных) предусмотрены конкретные требования к их форме, содержанию и способу представления, для электронных доказательств таких унифицированных требований нет. Это приводит к тому, что суды зачастую по-разному оценивают допустимость одних и тех же электронных материалов, что создает неопределенность для сторон процесса. Так, например, практика рассмотрения дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, связанных с распространением информации в сети Интернет, демонстрирует сложности с принятием судами скриншотов веб-страниц в качестве доказательств [5].

Несмотря на приравнивание электронных документов к письменным, на практике наблюдается приоритет традиционных бумажных документов. Суды зачастую отказывают в принятии электронных документов без их предварительной распечатки и заверения. А.Т. Боннер указывал на недостаточное регулирование электронных документов в КАС РФ: «...единожды упомянув электронные документы в качестве разновидности доказательств, более не обращается к их отдельной характеристике» [1, с. 26]. Это, в свою очередь, снижает эффективность и оперативность использования электронных доказательств. Выделение электронных доказательств в отдельную категорию, с разработкой четких критериев их допустимости и порядка исследования, позволит устранить эту проблему и адаптировать гражданский процесс к реалиям информационного общества.

К электронным доказательствам относятся разнообразные материалы, полученные и хранящиеся в электронном виде. Это могут быть электронные документы (договоры, акты, письма, счета), электронная переписка (по электронной почте, в мессенджерах), скриншоты веб-страниц, фотографии, аудио- и видеозаписи, данные с электронных устройств (телефонов, компьютеров), информация из баз данных и иные материалы. Широкое определение «данных» как электронное представление информации в любой форме используется, в частности, в законодательстве Южной Африки [4, с. 41].

Существуют различные способы заверения электронных доказательств, подтверждающие их подлинность и целостность. Традиционным способом является нотариальное заверение, однако он зачастую связан со значительными временными и финансовыми затратами, особенно когда речь идет о большом объеме информации или динамически изменяющемся контенте (например, веб-страницы). Поэтому на практике все чаще используются альтернативные способы фиксации электронных доказательств, такие как скриншоты веб-страниц с использованием специализированных сервисов, предоставляющих возможность заверения и timestamp.

Такие сервисы, как shots.pp.ru, позволяют фиксировать электронные доказательства в режиме онлайн, создавать заверенные скриншоты веб-страниц с указанием даты и времени фиксации, что обеспечивает большую оперативность по сравнению с нотариальным заверением. Ссылки на такие сервисы уже предоставляются в некоторых судах.

Также, в судах РФ внедряется веб-сервис ГАС «Правосудие», в котором документы с доказательствами формируются и фиксируются электронно [6].

Введение электронных доказательств в гражданском процессе требует комплексного подхода, включающего не только определение их правовой природы и критериев допустимости, но и разработку специальных процессуальных правил их собирания, представления и исследования в суде. Важным аспектом является обеспечение возможности для всех участников процесса ознакомиться с электронными доказательствами, в том числе в зале судебного заседания, что нередко создает сложности из-за различий в технических возможностях сторон.

На сегодняшний день проблема применения электронных доказательств в гражданском процессе в России требует законодательного решения. Целесообразным видится внесение изменений в главу 6 ГПК РФ, регламентирующую доказательства и доказывание, путем выделения электронных доказательств в отдельный вид. Необходимо разработать и закрепить в ГПК РФ четкие критерии допустимости таких доказательств, а также процессуальный порядок их собирания, представления, исследования и оценки судом, учитывая специфику электронных материалов. Эти меры позволят обеспечить эффективное использование электронных доказательств в гражданском судопроизводстве, повысить его оперативность и адаптировать к реалиям информационного общества.

Библиографический список использованных источников

1. Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность // Закон. – 2016. – № 7. С. 26.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 46. - Ст. 4532; 2016. - № 1 (часть I). - Ст. 29.
3. Жижина М. В. Документ как носитель доказательственной информации в современном цивилистическом процессе / М. В. Жижина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 2. – С. 43.
4. Закон об электронных коммуникациях и транзакциях № 25 (Южная Африка). //Electronic Communications and Transactions Act № 25, 2002. С. 41.
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 10. – 2016.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 4. – апрель 2018.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ МЫСЛИТЕЛЕЙ О РАННЕМ ИСЛАМЕ

Абакаров Руслан Мурадович,

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

ruslanabakarov04@mail.ru

Кадыров Сайхан Асвадович,

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

kadyrovsaihan@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу возникновения религии Ислам, а также его становлению как института регулирования политических отношений. В исторической ретроспективе рассмотрены особенности становления религии Ислам, а также выделена особая роль пророка Мухаммеда (с.а.в.) в распространении религии. Проведен анализ мнений современных ученых об основных источниках мусульманского права, а также выделено несогласие автора с мнением некоторых из таких ученых. Определены основные общественные институты, существовавшие в раннем исламе. Кроме того, Ислам автором рассматривается не как исключительно религиозное учение, а как система политико-правовая. Также автором проведен анализ арабской правовой мысли мыслителями раннего Ислама.

Ключевые слова: Ислам; религия; мыслитель; халифат; имамат; сунниты; шииты; политико-правовая система.

Ислам является одной из мировых религий, которая имеет миллиарды последователей по всему миру. Являясь одной из самых молодых религий в реалиях современного общества, Ислам оказывает существенное влияние не только на обыденную жизнь мусульман, но и оказывает влияние на правосознание населения, а также на политическое устройство в отдельных теократических государствах [2, с. 4].

Религия Ислам появляется впервые на Аравийском полуострове в VII веке, что сопровождается переходом арабских племен в политическую организацию – государство [4, с. 137]. Являясь немногочисленными по своей численности, арабы в кратчайшие сроки, как упоминает К.Ю. Якубенко, учредили собственное государство, которое объединяло огромное количество последователей новой религии [12, с. 14].

Будучи молодой религией Ислам получил широкое распространение на всей территории земли. В качестве основных источников права в Исламе выделяется, как указывает В.С. Нерсисянц, Коран, Хадисы, а также толкования основ религии правоведами [3, с. 142]. Коран выступает в качестве божественного откровения, которое было ниспослано Богом (Аллахом) через пророка Мухаммеда (с.а.в.). Подразумевается, что нормы, установленные в Священном писании, не подлежат критике и являются откровением, которое устанавливается в качестве истинного знания.

Хадисы, выступающие в качестве источника мусульманского права, включают в себя истории из жизни пророка Мухаммеда (с.а.в.), а также его действия и изречения в конкретных ситуациях, что выступает в качестве примера правильного поведения. Хадисы выступают в качестве эталонного поведения, полностью соответствующего нормам Корана.

Стоит не согласиться с мнением А.А. Акмаловой, которая определяет Коран как изложение Учения Мухаммеда (с.а.в.), которое включает в себя проповеди пророка периода его жизни в Мекке и Медине [5, с. 65]. Следует отметить, что Учение Мухаммеда (с.а.в.) было основано на положениях Корана – священного писания мусульман, т.к. сам Коран как источник права

составлен Всевышним (Богом). Жизнь и Учение Мухаммеда (с.а.в.) являлись производными от положений Корана.

В случае отсутствия норм в вышеуказанных источниках права, регулировавших те или иные общественные отношения, предполагалось использование «кыяса» (аналогии права) [9, с. 196]. То есть подразумевалось регулирование общественных отношений, ранее не регулировавшихся источниками мусульманского права, на основе принципов такого права.

Власть в Исламе не имеет деления на духовную и светскую, власть считается единой, основная власть принадлежит Богу (Аллаху). Определения понятия «государство» в источниках мусульманского права нет, однако существует понятия «имамат» и «халифат», что, в своей сущности, является прототипом государства [11, с. 94].

Обращаясь к истории распространения религии Ислам, стоит обратить особое внимание на роль пророка Мухаммеда (с.а.в.) в становлении и развитии данной религии. Пророк Мухаммед (с.а.в.), выступив перед населением Мекки с речью о необходимости принятия Ислама, как единственно верного верования, осуществил бегство в Ясриб, т.к. население было не готово принять нов. Данный город в дальнейшем был переименован в Медину в честь пророка. А.А. Акмалова указывает, что правителем нового образованного государства («имамата», «халифата») стал пророк Мухаммед (с.а.в.). Однако, учитывая характер отношений пророка и населения прошлого, нельзя выделить стандартизированного отношения власти и подчинения, т.к. такое положение дел прямо противоречило основам положений Корана.

В исторической и юридической науке Ислам рассматривается не только как религия, но и как определенная нормативно-правовая система, оказавшая влияние на политическое устройство некоторых отдельных государств. Ислам стал основной предпосылкой становления отдельного теократического государства. То есть в данном контексте Ислам рассматривается как основа политической системы. Исходя из сложностей толкования норм мусульманского права, произошло разветвление Ислама на разные течения,

т.к. различие в толковании Корана было существенным. Так, мусульмане разделились на два течения: сунниты и шииты [7, с. 177]. Основными различиями в толковании можно выделить: отношение к иноверцам, празднование отдельных событий, принципы осуществления юридических решений и др.

Вопросы взаимодействия и взаимопроникновения божественного начала и ценностей демократии рассматривал в своих научных трудах Мирза Мохаммад-Хосейн Наини Гарави. Таким научным трудом выступила работа «Танбих ал-умма ва танзих ал-милла» («Пробуждение уммы и очищение религии»). Особое внимание в данной работе уделено факихам, которые, как считал Наини, должны были следить за управлением обществом и сохранять в нем стабильность [8, с. 53].

Одним из известнейших философов, осуществлявшим исследование и анализ Ислама как основы политической системы, является имам Хомейни. Данный мыслитель рассматривал Ислам с точки зрения шиитских воззрений. Имам Хомейни проводил анализ развития теократического мусульманского государства и отмечал, что упадок государства имеет своей первопричиной установление новых законов в государстве, а также принципов управления. Мыслитель враждебно высказывался о таких правовых категориях, как «форма правления» и «политический режим». Он считал, что именно наличие таких элементов формы государства ведет к неумолимому краху, как это было с Османской империей, которая не смогла противостоять европейским силам и пала. Имам Хомейни резко отмечал невозможность сохранения мусульманской уммы без соответствующего объединения мусульман в отдельное государство, которое должно быть исламским [6, с. 120].

Исследователь мусульманского права Дж. Шахт писал: «Мусульманское право представляет собой замечательный пример «права юристов». Оно было создано и развивалось независимыми учеными. Правовая наука, а не государство играла роль законодателя, а дидактические трактаты имели силу закона». С мыслителем сложно не согласиться, ведь мусульманское право в

своей сущности и вправду не имело влияния извне, оно не находилось во взаимосвязи с волей лиц, находящихся у истоков власти государства.

Арабская политико-правовая мысль также получила свое отражение в работах Абу Наср Аль-Фараби. Данный ученый активно занимался изучением не только политико-правовой мысли раннего Ислама, но и воззрениями Платона и Аристотеля. Более того, Абу Наср Аль-Фараби имеет в своей копилке научных трудов такие работы как «сущность «Законов» Платона», «Слово о классификации наук» и др. [10, с. 89], которые непосредственно отражают глубокий анализ работ древнегреческих философов. Абу Наср Аль-Фараби проводит тесную параллель между исламскими догмами и античной философией. Мыслитель считал, что исламский город подобен организму человека, где сердцем является основная цель каждого человека, которая неразрывно связана с целями религии.

Абд Ар-Рахман Ибн-Халдун также является мыслителем, изучавшим политико-правовую мысль раннего Ислама. Он рассматривал политико-правовое развитие государства, а также становление политической мысли в исторической ретроспективе. Абд Ар-Рахман Ибн-Халдун рассматривал в своих трудах основу общества – сообщество мужчин, которое называлось «асабийя». Мыслитель считал, что такое сообщество стремится непосредственно к владычеству в исламском обществе [1, с. 196].

Таким образом, ранний Ислам, исходя из мнений и воззрений различных философов, правоведов и мыслителей, посвятивших свои труды развитию и становлению политико-правовой мысли раннего Ислама, стоит отметить особое значение религии Ислам. Ислам, по мнению ряда ученых перестал быть просто религией, он вышел за пределы такого понимания. Ислам представляет собой, начиная с раннего периода своего развития, политико-правовую концепцию, которая имеет существенное значение для развития исламского общества. Нормы мусульманского права раннего Ислама регулируют политическую систему общества. В данном контексте абсолютно точно можно отметить отсутствие ограничений Ислама исключительно как вида верования.

Современная история развития мусульманского общества и исламских государств свидетельствует о широком применении данных норм, которые вовсе не ограничиваются регуляцией личных взаимоотношений и отношений с Богом (Аллахом). Ислам регулировал с самого начала своего становления как личные, так и политические, экономические и социальные отношения.

Библиографический список использованной литературы

1. Алексеев И. Л. Некоторые тенденции изучения наследия Ибн Халдуна в современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 13. С. 195-218.
2. Ислам: история и современность: учеб. пособие по дисциплине «Религиоведение». СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 48 с.
3. История политических и правовых учений: учебник / В. С. Нерсисянц. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 704 с.
4. История политических и правовых учений: учебник : в 2 т. Т. 1 / В. С. Нерсисянц. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.
5. История политических и правовых учений: Учебное пособие - М.: Юриспруденция, 2002. 288 с.
6. Корнеева Т. Г. Ислам как основа политической системы: взгляды Имама Рухоллы Хомейни // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14, № 4. С. 115-124.
7. Кумукова К. Р. История Ислама: становление течений суннитов и шиитов // Цивилизационный образ будущего России: пути и средства достижения: сборник статей по материалам научно-практической конференции, Ставрополь, 09 декабря 2020 года. Ставрополь: АГРУС, 2020. С. 177-180.
8. Мухетдинов Д. В. Феномен обновления в исламской исторической традиции // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2022. Т. 18, № 3. С. 43-58.

9. Рожко В. В. Судейское усмотрение в системе мусульманского (исламского) права // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 5(34). С. 195-199.
10. Степанова О. И. Трансформация логического учения Аристотеля в работах Абу Наср Аль-Фараби // Наука, техника и образование. 2020. № 11(75). С. 88-95.
11. Тожидинов Ф. К. у. Концепция государственного устройства в ранних трудах Абу Хасана Ал-Маварди // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2019. Т. 15, № 2. С. 89-106.
12. Якубенко К.Ю. Формирование арабо-исламской политической идеологии (VIII – XIV) // Сибирский юридический вестник. № 4. 2008. С. 13 – 21.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.5

**ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ОБРАЩЕНИЯ В ОРГАНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНЫ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
АКТУАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сименцова Полина Юрьевна,

студентка 2 курса

Крымского филиала

ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Симферополь, Россия,

simentsovap@gmail.com

Научный руководитель:

Емельянец А.Э.,

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымского филиала

ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Симферополь, Россия,

lexfutur@yandex.com

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы реализации гражданами права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления в условиях цифровой трансформации. На основе анализа новейших исследований российских учёных (2023–2025 гг.) и обновлённой нормативно-правовой базы рассматриваются барьеры, связанные с цифровым неравенством, недостаточной доступностью электронных сервисов для лиц с ограниченными возможностями, а также пробелы в правовом регулировании. Предложены меры по совершенствованию законодательства и

инфраструктуры для обеспечения гарантированного доступа граждан к механизмам электронного взаимодействия с органами власти.

Ключевые слова: электронное обращение, цифровизация, доступная среда, нормативно-правовые акты, инвалиды, Единый портал государственных услуг, Конституция РФ.

В условиях современного этапа цифровой трансформации государственного управления право граждан на обращение в органы власти, закреплённое статьёй 33 Конституции Российской Федерации, приобретает новые формы реализации. Указанная конституционная норма, гарантирующая возможность направления индивидуальных и коллективных обращений, трансформируется под влиянием технологических инноваций, что требует переосмысления традиционных механизмов взаимодействия общества и государства. Активное внедрение электронных сервисов в рамках национального проекта «Цифровая экономика» обозначило необходимость совершенствования нормативной базы, устранения цифрового неравенства и повышения доступности государственных услуг для всех категорий населения. Актуальность исследования обусловлена потребностью в комплексном анализе законодательных изменений 2023–2025 годов, а также в интеграции научных данных для выработки эффективных решений в области цифровизации правореализации.

Нормативно-правовая база, регулирующая процедуру подачи и рассмотрения обращений граждан, претерпела существенные изменения в указанный период. Конституция Российской Федерации [2] остаётся основополагающим документом, закрепляющим право на обращение как неотъемлемый элемент взаимодействия граждан с институтами власти. Детализация этого права осуществляется через Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [13], который в редакции 2023 года включил положения, регламентирующие электронный формат подачи заявлений. Важную роль в

формировании цифровой инфраструктуры сыграл Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» [12], актуализированный в 2023 году с учётом новых вызовов, связанных с цифровым неравенством. Существенным шагом в унификации процедур стало принятие Федерального закона от 28 июня 2023 года № 245-ФЗ [14], установившего единые стандарты оформления электронных обращений, включая требования к формату и объёму прикрепляемых файлов.

Новеллы 2023–2025 годов отражают тенденцию к упрощению доступа граждан к цифровым сервисам. В частности, Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2024 года № 567 [7] ввело понятие «цифрового паспорта гражданина», интегрированного с порталом «Госуслуги», что минимизирует необходимость повторной авторизации при подаче обращений. Регламент Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 2024 года [10] обязал государственные органы дублировать ответы на обращения посредством SMS-сообщений для граждан, не имеющих стабильного доступа к интернету. Федеральный закон от 15 декабря 2024 года № 398-ФЗ «О гарантиях доступности электронных сервисов для лиц с ограниченными возможностями» [15] закрепил требования к адаптации государственных порталов в соответствии с международными стандартами WCAG 2.1, что направлено на устранение барьеров для людей с инвалидностью.

Несмотря на прогресс в законодательной сфере, эмпирические данные свидетельствуют о сохранении системных проблем. Исследование И.С. Петровой (2024) [5, с. 256] выявило, что 18% сельских населённых пунктов РФ по-прежнему не обеспечены стабильным интернет-соединением, что коррелирует с официальной статистикой Росстата [11], согласно которой к 2024 году подключение к сети получили 29,6 тыс. малых населённых пунктов. Параллельно с инфраструктурными ограничениями сохраняется проблема цифровой неграмотности: как отмечает А.В. Козлов (2025) [1, с. 45-57], 34%

граждан старше 60 лет избегают использования электронных сервисов из-за недостатка навыков работы с цифровыми устройствами.

Особого внимания требует ситуация с доступностью электронных обращений для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Согласно отчёту Центра доступной среды при Министерстве труда и социальной защиты РФ (2025) [4], лишь 40% региональных порталов адаптированы для незрячих пользователей. Е.Н. Писаренко (2024) [6, с. 189] акцентирует внимание на экономическом аспекте проблемы: стоимость тифлотехнологий, таких как брайлевские дисплеи и речевые синтезаторы, остаётся недоступной для 60% инвалидов по зрению. Данный фактор существенно ограничивает реализацию положений Федерального закона № 398-ФЗ, требующих обеспечения равного доступа к электронным сервисам.

Правоприменительная практика выявила коллизии в регулировании форматов электронных обращений. С.П. Потёмкин (2023) [9, с. 78-89] указывает на отсутствие единых требований к объёму вложений: если администрация города Москвы допускает прикрепление файлов размером до 50 МБ, то в Республике Крым установлен лимит в 10 МБ. Подобная разнородность создаёт правовую неопределённость для граждан и противоречит принципам, заложенным в Федеральном законе № 245-ФЗ.

Для преодоления обозначенных барьеров требуется комплекс мер, сочетающий нормативное регулирование, инфраструктурное развитие и образовательные инициативы. Внедрение единого шаблона электронного обращения на портале «Госуслуги», предусмотренное Федеральным законом № 398-ФЗ [15], позволит унифицировать процедуру подачи заявлений. Одновременно ограничение максимального размера вложений до 20 МБ на федеральном уровне устранил региональные противоречия. Концепция Министерства просвещения Российской Федерации (2025) [3] предполагает к 2026 году обеспечить обучение 90% граждан старше 50 лет навыкам работы с цифровыми сервисами. Пилотные проекты, реализуемые в Республике Татарстан и Краснодарском крае, демонстрируют эффективность

образовательных программ, сочетающих очные консультации в МФЦ и онлайн-курсы.

Важным направлением является субсидирование технических средств для лиц с инвалидностью. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 234 от 2025 года [8], инвалиды I и II групп получили право на компенсацию 50% стоимости брайлевских дисплеев. Однако, как отмечают эксперты, для полноценной реализации данной меры требуется расширение перечня субсидируемых устройств и упрощение процедуры получения компенсаций.

Перспективным направлением совершенствования системы электронных обращений представляется имплементация международного опыта. В частности, эстонская модель использования блокчейн-технологий для отслеживания статуса обращений [16] могла бы повысить прозрачность и подотчётность органов власти. Адаптация данного подхода в российской практике требует внесения изменений в Федеральный закон № 59-ФЗ, включая введение обязательной фиксации каждого этапа рассмотрения обращения в распределённом реестре.

В контексте совершенствования законодательства актуальной остаётся инициатива по разработке Федерального закона «Об электронном обращении», который систематизировал бы разрозненные нормы, содержащиеся в профильных актах. Интеграция положений о цифровой идентификации, форматах обращений и сроках рассмотрения в единый документ минимизировала бы правовые коллизии. Одновременно целесообразно рассмотреть вопрос о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 141.1 «Воспрепятствование реализации права на электронное обращение», предусматривающей ответственность за умышленные действия, ограничивающие доступ граждан к цифровым сервисам.

Инфраструктурные меры должны включать расширение сети многофункциональных центров, оснащённых IT-консультантами,

способными оказывать помощь в оформлении электронных обращений. Внедрение голосовых ассистентов на портале «Госуслуги», распознающих устные запросы и преобразующих их в текстовый формат, повысит доступность сервисов для лиц с ограниченными возможностями. Параллельно необходимо продолжить реализацию программ по ликвидации цифрового неравенства, включая развитие спутникового интернета в удалённых районах и субсидирование тарифов на мобильную связь для социально незащищённых категорий граждан.

Таким образом, модернизация механизмов реализации права на обращение требует синхронизации законодательных инициатив, инфраструктурных проектов и образовательных программ. Только комплексный подход, учитывающий региональную специфику и потребности уязвимых групп населения, позволит обеспечить конституционные гарантии в условиях цифровой трансформации государственного управления.

Библиографический список использованных источников

1. Козлов А.В. Цифровая грамотность старшего поколения: вызовы и решения // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 45–57.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Концепция Министерства просвещения РФ «Обучение цифровой грамотности лиц старшего возраста на период до 2026 года». М., 2025. URL: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Отчёт Центра доступной среды при Минтруде РФ за 2025 год. М., 2025. 134 с.
5. Петрова И.С. Цифровое неравенство в регионах России: анализ и прогнозы. М.: Изд-во РАН, 2024. 256 с.
6. Писаренко Е.Н. Тифлотехнологии в современной России: доступность и перспективы. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2024. 189 с.

7. Постановление Правительства РФ от 12.04.2024 № 567 «Об утверждении Положения о цифровом паспорте гражданина Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 16. Ст. 2345.
8. Постановление Правительства РФ от 03.04.2025 № 234 «О мерах поддержки инвалидов при приобретении технических средств реабилитации» // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 345.
9. Потёмкин С.П. Электронное обращение: правовые коллизии и пути их преодоления // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 78–89.
10. Регламент Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.09.2024 № 789 «Об организации SMS-информирования граждан при рассмотрении обращений» // Бюллетень нормативных актов. 2024. № 45. С. 12–18.
11. Росстат. Информационное общество: статистический сборник. М., 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2025).
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (в ред. 2023 г.) // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
13. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 14.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
14. Федеральный закон от 28.06.2023 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части совершенствования электронного взаимодействия граждан и органов власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2023).
15. Федеральный закон от 15.12.2024 № 398-ФЗ «О гарантиях доступности электронных сервисов для лиц с ограниченными возможностями» // СЗ РФ. 2024. № 51. Ст. 6543.
16. European Commission. E-Government Benchmark 2025: Integrating Emerging Technologies. Brussels, 2025. P. 67–71.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347.44

ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Елисеева Анастасия Александровна,

Магистрант юридического факультета СИУ РАНХиГС,

г. Новосибирск, Россия,

nastyalis@list.ru

Аннотация: В настоящей статье приводится анализ действующего законодательства в сфере предпринимательского договора, а также статистические данные. Формируется вывод о необходимости совершенствования законодательства по вопросам предпринимательского договора, а именно внедрения положений, регулирующих спорные ситуации из правоприменительной практики российских судов.

Ключевые слова: предпринимательский договор, цифровизация, совершенствование законодательства, ответственность по договору, заключение договора.

Предпринимательская деятельность в Российской Федерации ежегодно возрастает, что подтверждается статистикой, представленной Федеральной налоговой службой. Так, по состоянию на 01.01.2025 года на территории государства зарегистрировано 2 623 091 юридических лиц, целью которых является извлечение прибыли и 4 555 364 лиц, зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя и крестьянских (фермерских) хозяйств [1]. В связи с ростом предпринимательской активности правоотношения между

предпринимателями должны быть юридически закреплены, что позволит защищать интересы сторон, минимизировать риски и др. В условиях стремительного развития всех сфер жизни общества возникают различные ситуации, требующие нормативного урегулирования.

Предпринимательский договор является основой регулирования правоотношений между субъектами предпринимательства, который должен совершенствоваться одновременно с изменениями в государстве, что делает его важной частью обеспечения законности и стабильности в предпринимательской деятельности.

Предпринимательский договор не является новеллой в гражданском праве, а достаточно широко изучен в юридической науке и практике. Однако, в связи с быстрым развитием экономики усложнились юридические отношения между участниками предпринимательских отношений.

Статьей 432 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что договор считается заключенным в случае достижения соглашения по существенным условиям [2]. Как правило, процесс согласования состоит из обсуждения, внесения корректировок, составления протокола разногласий, в некоторых случаях, и прочих действий. В современном обществе обсуждение условий договора между контрагентами для дальнейшего его подписания происходит посредством переписки по электронной почте, в мессенджерах, в социальных сетях. В теоретическом аспекте возникают разногласия, т. к. закон не устанавливает каким способом и в каком порядке должно происходить согласование договора.

Однако в правоприменительной практике российских судов можно увидеть некоторые спорные ситуации. Так, в соответствии с Постановлением пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2023 г. № А32-36944/2022 переговоры между контрагентами по заключению предпринимательского договора проводились посредством мессенджера WhatsApp. В качестве подтверждения существенного условия договора, а именно согласования предмета (цвета киоска) по договору купли-продажи

контрагент отправил в сообщении эмодзи (смайл) поднятого вверх большого пальца руки. Суд признал эмодзи в качестве согласия с условиями договора [3]. В обоснование вынесенного постановления, судом было указано, что «данный знак в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо». Тем самым можно сделать вывод о том, что нормативного подтверждения подобной ситуации нет и суд опирается на обычаи делового оборота или общепринятое понимание. При этом, не упомянув, что возможны различные интерпретации данного символа.

Ввиду отсутствия нормативного правового акта, регулирующего подобные ситуации, у российских судов нет единого понимания толкования ситуации и единообразного решения по данным спорам.

Так, второй Арбитражный апелляционный суд в постановлении по делу № А28-2634/2023 указал: «Аргумент о том, что контрагент подтвердил получение и прочтение данного изображения путем использования эмодзи (язык эмодзи), выражающего одобрение, не принимаются, поскольку не свидетельствует о том, что покупатель воспринял фотоснимок в качестве уведомления о готовности товара к отгрузке. Из переписки поставщика и покупателя видно, что по предыдущим поставкам согласовывались дата и время погрузки, также фотография товара направлялась по просьбе покупателя. Таким образом, направление поставщиком покупателю только фотографии и получение в ответ эмодзи «Большой палец вверх» нельзя признать сложившейся между сторонами договора практикой уведомления о готовности товара к отгрузке» [4]. В данном случае суд исходил также из делового оборота, сложившегося между сторонами, но вынес иное решение.

Данные примеры демонстрируют правовую проблему, связанную с заключением предпринимательского договора в условиях цифровизации и стремительного развития общества. Так, возникает закономерный вопрос, в каком случае при отправке контрагенту эмодзи договор будет считаться согласованным, а в каком нет?

Одним из острых вопросов также является то, чем руководствуется суд при принятии решения. В связи с тем, что отсутствуют нормы, регулирующие данные правоотношения, суд вполне вероятно ссылается на те прецеденты, которые уже были в практике судов других регионов или исходит из общепринятого понимания того или иного факта.

Без нормативного закрепления урегулирования подобных ситуаций может произойти ряд отрицательных последствий, что осложняет работу судебной системе. Отсутствие единообразного толкования судов провоцирует наличие жалоб на решения, т. к. сторона вправе сослаться на судебную практику иного суда, вынесшего решение иначе по схожему спору. Т. к. законодательство основано на фундаментальных началах и не подразумевало и не могло подразумевать о согласовании договора таким способом, то нормы, регулирующие такие правоотношения отсутствуют. Наиболее верным и правильным решением, на мой взгляд, является дополнение Гражданского кодекса положением о подписании договора, который будет предусматривать полную и ясную формулировку волеизъявления, а именно способа, стороны при согласовании договора.

Таким образом, заключение, исполнение и расторжение предпринимательского договора в условиях цифровизации и развития общества сочетает в себе базовые, урегулированные законодательством правоотношения, т. к. данный институт зародился еще в средневековье, но не получившие достойной проработанности отдельных спорных ситуаций на современном этапе.

Библиографический список использованных источников

1. Главная страница/Иные функции ФНС России/Статистика и аналитика/Данные по государственной регистрации // Федеральная налоговая служба URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 13.05.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51–ФЗ: принят Гос. Думой и одобрен Советом Федерации 21 окт. 1994 г.: [в ред. с изм. и доп. от 7 сент. 2020 г. № 12–ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32 — Ст. 3301.
3. Постановление пятнадцатого апелляционного Арбитражного суда от 29 июня 2023 г. № А32-36944/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Vc8fmwwZhIrK/> (дата обращения: 30.04.2025 г.)
4. Постановление второго Арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2023 г. № А28-2634/2023 // Картотека арбитражных дел: интернет-портал. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6f9f7aae-e26d-4d5e-9279-c60724f029a5> (дата обращения: 13.05.2025 г.)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Чепрасов Дмитрий Алексеевич,

Студент Байкальского Государственного университета,

г. Иркутск, Россия,

dima_ch2026@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются правовые особенности регулирования трансграничной экономической деятельности в современном мире на фоне массового введения санкций. Подробно анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются компании и государства: ограничение доступа к мировым финансам, потеря технологий, сложность судебной защиты, рост деловых рисков и увеличение затрат на оформление сделок. Особое внимание уделяется анализу решений этих проблем, включая развитие национальных правовых институтов, изменение структуры контрактов и создание новых механизмов расчётов. Предлагается комплексный подход к минимизации последствий санкций, основанный на укреплении собственного правового поля и поиске возможностей для долгосрочного сотрудничества.

Ключевые слова: Трансграничная деятельность, Санкции, Правовое регулирование, Внешнеэкономические отношения, Арбитраж, Международное право, Предпринимательское право.

В мировом хозяйстве трансграничная экономическая деятельность всегда сталкивалась с определёнными юридическими барьерами. Но за последние десять лет правовое регулирование этой сферы претерпело значительные трансформации из-за массового введения экономических санкций. Санкции оказываются сильным сдерживающим фактором, они

затрагивают интересы компаний, отдельных предпринимателей и целых государств, вынуждая искать новые пути для сохранения устойчивости бизнеса [1, с. 54]. Основные проблемы становятся очевидными: резкое сокращение доступа к финансовым ресурсам, ограничения на использование передовых технологий и оборудования, трудности в подтверждении юридической значимости контрактов, а также постоянное увеличение затрат на сопровождение сделок. Для грамотной навигации в такой среде необходим комплексный подход, включающий глубокий анализ существующих законодательных норм, сбор статистических данных по успешным и неудачным решениям, а также применение гибких стратегий защиты интересов во внешней торговле.

Правовая система трансграничной деятельности в условиях санкций включает многослойное регулирование. Международное право охватывает общие принципы, но каждая страна устанавливает собственные ограничения и дозволения. Например, после 2014 года Европейский союз принял более 50 пакетов санкций в отношении российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Схожие меры действовали против Венесуэлы, Ирана, КНДР и ряда других государств. Это создало хаотичную среду, где одно и то же предприятие может быть подвержено различным юрисдикционным требованиям и запретам одновременно. При этом огромную роль стали играть консультанты по комплаенсу, специализированные юридические фирмы и банки, способные распознавать критические зоны риска при построении схем работы с зарубежными клиентами и поставщиками.

Наиболее значимым препятствием становится ограничение доступа к мировой финансовой системе. Международные межбанковские расчёты, открытие корреспондентских счетов, выпуск и обслуживание аккредитивов – всё это оказывается под угрозой. Банки штата Нью-Йорк, Лондона, Франкфурта с 2017 по 2022 год заморозили и заблокировали более 80 млрд долларов, связанных с операциями компаний, подозреваемых в нарушении

санкционных режимов [2, с. 115]. Российские, иранские, венесуэльские предприятия массово начали переходить на расчёты через альтернативные валютные системы, используя юань, дирхам и рупию. Однако процесс внедрения альтернативных платёжных инструментов сопряжён с юридическими сложностями оформления контрактов и дополнительной необходимостью валютного контроля. Часто приходится привлекать сторонние банки и третьих посредников-иностранцев, чтобы формально обойти ограничения, что удлиняет цепочку расчётов и увеличивает вероятность возникновения невыполненных обязательств [2, с. 116].

Следующая серьёзная проблема – изоляция от современных технологий и интеллектуальных прав. Санкционные списки включают не только физические товары, но и программное обеспечение, лицензии, техническую поддержку. Предприятия, ранее закупавшие критически важные комплектующие в Европе, Японии и США, сталкиваются с вынужденной заменой продукции или полным прекращением производства до технической переориентации на иные стандарты. Отечественные и китайские компании активно создают замещающие продукты, однако такой процесс требует времени и инвестиций, результатом чего становится простой конвейер, снижение качества производимой продукции и новые неопределённые юридические риски при использовании промежуточных решений [3, с. 27].

Третьей острой темой выступает проблема защиты интересов сторон в судебных инстанциях и арбитражах. Традиционно участники трансграничных сделок прибегали к услугам Лондонского международного арбитражного суда, Стокгольмского арбитража или Гаагского коммерческого арбитража. Однако поступления многочисленных исков от компаний из санкционного списка привели к применению принципа отказа в правовой защите по формальным основаниям. В ответ на это, российские и иранские компании стали регистрировать иски в национальных судах и прибегать к новым форматам урегулирования споров, включая медиацию и альтернативный арбитраж в странах с нейтральной позицией, например в Объединённых

Арабских Эмиратах или Сингапуре [3, с. 42]. Сложность таких споров заключается в сохранении юридической силы вынесенного решения, которое не всегда признаётся на территории тех стран, где действуют санкции.

Важный аспект – риски, связанные с надёжностью поставок и невозможностью исполнить обязательства по контракту в ранее согласованные сроки. За последние три года выросло количество случаев форс-мажора, признанных судами вследствие введения санкций. Контрагенты всё чаще в договорах закладывают специальные оговорки об изменении внешнеэкономических условий, признав санкции отдельной причиной для пересмотра обязанностей [4, с. 52]. При этом международные аудиторы и юристы фиксируют рост расходов на сопровождение таких контрактов, увеличение страховок против политических рисков и расширение числа опционов на досрочное расторжение договоров.

Комплексные решения в указанных условиях становятся актуальней любой индивидуальной инициативы [5, с. 66]. На практике используется интеграция национальных платёжных систем, оформление сделок по новым моделям прямого клиринга, развитие арбитража и консультативных советов при государственных структурах. Кроме того, важную роль играют программы поддержки экспортёров, предлагаемые профильными агентствами, позволяющие отчасти компенсировать убытки от замороженных средств или невыполненных поставок. Особое внимание уделяется частному праву: растёт число случаев пересмотра корпоративного законодательства и ввод министерств, которые могут разрешать отдельные сделки во временном режиме [7, с. 184].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что придание приоритета собственному юридическому полю, рациональное использование возможностей внутренних расчетов и усиление роли национальных институтов способны компенсировать часть негативных эффектов. На мой взгляд, наиболее результативным может стать формирование внутреннего пула арбитражей и судебных процедур, признанных деловым сообществом,

создание единых стандартов контрактов с санкционной оговоркой, а также заключение двусторонних соглашений с ключевыми торговыми партнёрами, готовыми к долгосрочному сотрудничеству [6, с. 608]. В перспективе, системная подготовка единых механизмов сопровождения внешнеторговых сделок минимизирует риски и обеспечит стабильность развития даже в условиях внешнего давления.

Моя убеждённость основана на статистике и анализе успешных кейсов компаний, которые смогли сохранить обороты и защитить свои интересы через адаптацию корпоративных и частных правовых механизмов. Долгосрочное развитие возможно при сохранении правового суверенитета, разумном использовании арбитражных процессов и чёткой работе комплаенс-служб, способных быстро реагировать на изменение международной обстановки. В условиях санкций главным становится не поиск обходных путей, а укрепление собственной правовой базы и развитие национальных практик сопровождения бизнеса на внешних рынках.

Библиографический список использованных источников

1. Абдуллин А.И. Международное экономическое право в условиях глобализации: проблемы развития // Московский журнал международного права. – 2019. – № 2. – С. 54-66.
2. Бахин С.В. Правовые аспекты трансграничной экономической деятельности в условиях санкционных ограничений // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 115-127.
3. Гаврилов В.В. Международное санкционное право: становление и современное состояние // Московский журнал международного права. – 2022. – № 1. – С. 27-42.
4. Дорaeв М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. – М.: Инфотропик Медиа, 2020. – 216 с.
5. Исполинов А.С. Санкции в ВТО: специфика и практика применения // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 52-66.

6. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право / пер. с фр. – М.: Международные отношения, 2019. – 608 с.
7. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве. – М.: Проспект, 2021. – 184 с.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 314.336.6

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ УСЫНОВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

Игнатьева Анна Александровна,

студент 4 курса

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,

г. Санкт-Петербург, Россия,

annaignatyeva54@gmail.com

Дорофеева С.Н.,

старший преподаватель кафедры гражданского права

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,

г. Санкт-Петербург, Россия,

sveta.dorofeeva994@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье рассматривается текущее состояние усыновления, в частности, раскрываются причины стремления иностранных семей усыновить российских детей, а также то, как данный процесс влияет на детей, их эмоциональное состояние и дальнейшее пребывание в новой семье. Кроме того, вопрос усыновления детей иностранными гражданами рассматривается не только с законодательной стороны, но и со стороны этических аспектов.

Ключевые слова: усыновление, плохое обращение с детьми, государство, международное усыновление, консульские учреждения, иностранные семьи, дети-сироты.

Усыновление детей является социально значимой и юридически важной темой, поскольку в России усыновление иностранными гражданами вызывает повышенное внимание. С одной стороны, оно дает детям шанс на лучшую жизнь, с другой – существуют примеры ухудшения жизни и даже смерти детей. Статистика показывает резкий спад усыновлений граждан Российской Федерации иностранцами из-за внешнеполитической ситуации и санкций. Так, за 7 лет было выявлено 699 случаев, с тенденцией к снижению: 529 детей (2018-2019 гг.), 164 ребенка (2020-2022 гг.), 6 детей (2023 г.). Однако в 2024 г. усыновление иностранцами было полностью остановлено.

Процедура международного усыновления регулируется нормами гл. 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Ст. 269 ГПК РФ устанавливает исключительную подсудность дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами [2]. Требования к содержанию такого заявления закреплены в ст. 270 ГПК РФ, а перечень прилагаемых документов закрепляется в ст. 271 ГПК РФ. Порядок подготовки дела к судебному разбирательству, в свою очередь, содержится в ст. 272 ГПК РФ.

В Российской Федерации область трансграничного усыновления (удочерения) регулируется нормами Семейного кодекса (далее – СК РФ). Так, ст. 165 СК РФ закрепляет коллизионную привязку, а именно личный закон усыновителя [6].

Ст. 124 СК РФ устанавливает приоритет усыновления как формы устройства детей-сирот. Российские дети-сироты сначала отдаются их родственникам вне зависимости от гражданства и места жительства, затем, в случаях отсутствия родственников – российским семьям. И лишь в случае

невозможности усыновления детей этими категориями граждан закон допускает возможность международного усыновления.

При рассмотрении дел об усыновлении судам недостаточно компетенций для проверки подлинности предоставляемых иностранцами документов. Например, медицинские заключения, даже с печатями и стандартами, могут быть нелегальными, поскольку в некоторых странах их результат можно купить. Е.О. Небесная отмечает, что существует множество медицинских и других документов, которые иностранные граждане получают на территории своего родного государства, а не на территории Российской Федерации, но вместе с тем у Российской Федерации нет возможности предоставлять бесплатно медицинское обследование [4, с. 33].

В связи с этим предлагается разработать дополнительные нормативные правовые акты (как в Российской Федерации, так и на международном уровне), которые бы ужесточили контроль и требования к документам, необходимым для усыновления детей иностранными гражданами. Также представляется возможным ввести дополнительную ответственность для снижения случаев подделки документов.

В Российской Федерации действует Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2000 № 275 «Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства». Данный нормативный правовой акт отвечает за правила передачи и усыновления детей, о контроле их жизни и воспитания, а также постановки на учет в консульских учреждениях [5].

Помимо этого, в России существует база данных детей, которые остались без попечения родителей. Она называется банком данных детей и регулируется Федеральным законом от 15.03.2001 № 44 «О государственном

банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» [7]. Однако данная система не дает полной информации о ребенке, а лишь содержит краткую характеристику и фотографию ребенка.

Жигулина В.В. отмечает проблему неполноценного отслеживания российскими консульствами судеб усыновленных иностранцами детей после пересечения границы, что затрудняет понимание реальной ситуации в семье. В связи с этим необходимо законодательно и путем международных соглашений урегулировать вопрос мониторинга жизни детей за пределами Российской Федерации. Такие меры позволят обеспечить их благоприятное будущее в иностранной семье [6, с. 1].

Также важно отметить, что государство оперативно реагирует на случаи плохого обращения с детьми, которых усыновили иностранные граждане. Так, был введен Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», который запрещает передачу детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки (США) [8]. Данный нормативный правовой акт получил название «закон Димы Яковлева» в честь погибшего мальчика, который умер из-за пренебрежения обязанностями приемного родителя в США.

Помимо запрета на усыновление в США, наметилась тенденция к аналогичным запретам с другими странами. Так, в 2025 г. не было ни одного случая усыновления иностранцами. Акцент на национальном усыновлении («профессиональная семья») соответствует семейной политике России, но ограничивает возможности детей, не нашедших семью в нашей стране, поэтому необходимо активно развивать международные соглашения со странами, разделяющими схожие семейные ценности.

Еще одним возможным средством для повышения безопасности нахождения детей на территории иностранных государств может являться запрет на смену гражданства детей до их совершеннолетия. Ведь в случаях

смены гражданства ребенком возможность его защиты Российской Федерацией усложняется.

Жигулина В.В. высказывает мнение, что важным правилом для контроля усыновления является постановка на учет несовершеннолетних граждан России, усыновленных (удочеренных) иностранными гражданами, в консульское учреждение или дипломатическое представительство РФ на территории государства усыновителя. Для подобного обеспечения Министерство просвещения Российской Федерации раз в полгода направляет информацию об усыновленных детях консульским учреждениям [3, с. 2].

Василькова А.С. указывает на отсутствие минимального срока взаимодействия усыновителя с ребенком как на проблему. Заключение органов опеки должно учитывать взаимоотношения, но часто этого не происходит, что противоречит интересам ребенка [1, с. 40].

Пример Димы Яковлева показывает, что трех визитов недостаточно для установления связи между усыновителем и ребенком, поэтому предлагается установить минимальное время, которое усыновитель должен проводить с ребенком, чтобы создать положительный контакт и привязанность. Ежегодные длительные посещения помогут обеим сторонам понять, насколько они подходят друг другу, и усилят желание усыновителя заботиться о ребенке.

Таким образом, можно сделать вывод, что усыновление российских детей иностранными гражданами представляет собой сложную проблему, которая требует комплексного подхода для ее решения. Предоставляя новые возможности (образование, медицина, стабильность), оно сопряжено с рисками (жестокое обращение, культурная адаптация, эмоциональные трудности), которые наше государство не всегда может контролировать и предотвращать, находясь вне юрисдикции.

На основе анализа предлагаются следующие рекомендации для улучшения процесса усыновления российских детей иностранцами. Во-первых, необходимо заключение международных соглашений об

усыновлении только со странами со схожими семейными ценностями. Во-вторых, необходимо ввести запрет на смену российского гражданства, а также упрощенной процедуры получения двойного гражданства. В-третьих, необходимо установить минимальные сроки взаимодействия ребенка с усыновителем, что позволит укрепить родительскую связь и повысить безопасность ребенка.

Библиографический список использованных источников

1. Василькова Е.А., Николаева Е.В. проблемы правового регулирования усыновления российских детей иностранными гражданами // Вестник ТИУиЭ. – 2023. – №2 (38). – С. 36-43.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46. – Ст. 4532.
3. Жигулина В.В. Усыновление российских детей иностранными гражданами // Символ науки. – 2016. – №4-2. – С. 1-3.
4. Небесная Е.О. К вопросу о проблемах, возникающих при рассмотрении заявлений об усыновлении российских детей иностранными гражданами // Закон и власть. – 2023. – №1. – С. 32-35.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2000 № 275 (ред. от 27.09.2021) «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №15. – Ст. 1590.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп. вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1. – Ст. 16.

7. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №17. – Ст. 1643.
8. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – №53. – Ст. 7597.

РАБОТА ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Демидова Лидия Викторовна,

Учитель истории и обществознания,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа

с углубленным изучением отдельных предметов №46»,

г. Курск, Россия,

demidova.lidi@mail.ru

Аннотация: Цифровая эпоха расширяет возможности трудоустройства подростков через удалённую работу и фриланс. В статье рассматриваются виды занятости, правовые ограничения и риски, а также анализируется адаптация законодательства для защиты прав и безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой экономики. Особое внимание уделено необходимости дальнейших реформ и образовательной поддержки молодёжи.

Ключевые слова: трудовое право, удалённая работа, подростки, цифровая экономика, защита прав несовершеннолетних, гибкие формы занятости, цифровая занятость, трудовые риски, дистанционная работа.

В век цифровой эпохи перед подростками появились новые возможности для трудоустройства. В современном мире, где интернет и цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, молодёжь получает уникальный шанс начать профессиональную деятельность ещё до достижения совершеннолетия. Фриланс, удалённая работа и гибкие

формы занятости позволяют подросткам не только получать дополнительный доход, но и развивать важные навыки, которые необходимы в будущем: самоорганизацию, ответственность, умение работать с клиентами и адаптироваться к быстро меняющимся условиям [4].

Такие формы занятости особенно привлекательны благодаря возможности самостоятельно планировать своё время и выбирать проекты по интересам, что значительно отличается от традиционной работы с фиксированным графиком [1].

Вместе с тем, несмотря на явные преимущества, правовое регулирование труда несовершеннолетних в цифровой сфере остаётся недостаточно развитым и требует серьёзной доработки. Существующее законодательство, созданное для традиционных форм занятости, не всегда учитывает особенности удалённой работы и фриланса, что создаёт определённые правовые и организационные сложности как для самих подростков, так и для их работодателей [7].

В этой статье хотелось бы рассмотреть существующие возможности и ограничения для подростков в сфере удалённой работы, а также проанализировать, каким образом законодательство адаптируется к вызовам цифровой эпохи, чтобы обеспечить безопасность и защиту прав молодых работников.

Понятно, что современные цифровые технологии и доступ к интернету открывают перед подростками широкие возможности для заработка, не выходя из дома. И действительно, удалённая работа становится всё более популярной среди молодёжи благодаря своей гибкости и разнообразию направлений [10]. Среди наиболее востребованных и распространённых видов удалённой занятости можно выделить несколько ключевых областей:

- Фриланс — это самостоятельная работа на заказчиков в таких сферах, как копирайтинг (написание текстов), графический дизайн, программирование и ведение социальных сетей. Подростки могут выполнять задания по созданию логотипов, написанию статей, разработке сайтов или продвижению

аккаунтов, что помогает им не только заработать, но и развить профессиональные навыки [11].

- Работа в сфере контента — создание и ведение блогов, производство видео для различных платформ. Для многих молодых людей это не только способ заработка через рекламу и донаты, но и возможность выразить себя, наладить коммуникацию с аудиторией и построить личный бренд.

- Обучение и репетиторство — подростки, хорошо разбирающиеся в школьных предметах или других областях, могут проводить онлайн-уроки и помогать сверстникам с учёбой. Такая деятельность развивает коммуникативные навыки и углубляет знания, а также даёт финансовую независимость.

- Административная работа — обработка данных, модерация контента на сайтах и в социальных сетях, поддержка клиентов через онлайн-чаты. Эти задачи требуют внимательности и ответственности, что помогает подросткам формировать дисциплину и навыки работы в команде [8].

Надо сказать, что удалённая работа предоставляет подросткам не только возможность получать первый доход, но и развивать важные для будущей карьеры компетенции, такие как самоорганизация, тайм-менеджмент, умение работать с клиентами и адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка. Однако, несмотря на очевидные преимущества, необходимо помнить о существующих правовых ограничениях, регулирующих трудовую деятельность несовершеннолетних. Эти ограничения направлены на защиту здоровья и прав подростков, и их важно учитывать при выборе формы занятости, чтобы избежать конфликтов с законом и обеспечить безопасность работы [11].

Так, трудовое законодательство Российской Федерации устанавливает строгие нормы и ограничения для работы несовершеннолетних, направленные на защиту их здоровья, безопасности и прав [5]. Эти нормы учитывают особенности возраста и обеспечивают, чтобы труд не мешал обучению и развитию подростков. Основные ограничения включают:

- Возрастные ограничения. Официальное трудоустройство возможно с 16 лет, при этом подростки от 14 до 16 лет могут работать только с письменного согласия родителей (или законных представителей) и при условии, что работа не наносит вреда их здоровью и не препятствует учёбе. Например, в одном из случаев, подросток 15 лет, работавший без согласия родителей на фриланс-платформе, столкнулся с проблемой отсутствия официального трудового договора и социальных гарантий, что осложнило решение вопросов по оплате и защите прав [11].

- Запрет на ночную работу и сверхурочные часы. Законодательно запрещено привлекать несовершеннолетних к работе в ночное время, а также к выполнению сверхурочных часов и работе в выходные или праздничные дни. В реальной практике, например, подросток, занимающийся стримингом, может работать ночью без ограничений, что не подпадает под регулирование закона, создавая риски для здоровья [4].

- Ограничение продолжительности рабочего времени. Для подростков до 16 лет максимально допустимая продолжительность рабочей недели составляет 24 часа, а для лиц от 16 до 18 лет — не более 35 часов в неделю. Однако при работе на цифровых платформах часто отсутствует контроль за временем занятости, что может привести к переутомлению. Например, исследование фонда «Труд и Безопасность» показало, что более 40% подростков-фрилансеров не соблюдают рекомендуемый режим работы [10].

- Запрет на опасные и вредные виды работ. Несовершеннолетним запрещено выполнять работы, связанные с тяжелыми физическими нагрузками, воздействием вредных химических веществ, радиацией, а также другие виды деятельности, которые могут нанести вред здоровью. Однако в цифровой сфере такие ограничения сложно применить напрямую — например, подросток, работающий на дому с компьютером, может столкнуться с проблемами зрительного утомления и нарушением осанки, что зачастую игнорируется [2].

В рассмотренной ситуации, удалённая работа и фриланс часто не подпадают под привычные нормы трудового законодательства. Многие подростки работают по гражданско-правовым договорам или через онлайн-платформы, где формальное трудоустройство отсутствует. Это создаёт правовые пробелы и потенциальные риски, такие как отсутствие гарантий социальной защиты, сложности с оформлением официальных договоров, неопределённость в вопросах оплаты труда, а также возможность нарушения прав несовершеннолетних. Например, в 2022 году в СМИ была озвучена история подростка, который столкнулся с невыплатой гонорара за выполненную работу на фриланс-бирже, но из-за отсутствия официального договора не смог обратиться в трудовую инспекцию [8].

В связи с этим крайне важно не только информировать подростков и их родителей о существующих ограничениях и рисках, но и развивать законодательство, адаптируя его к реалиям цифровой экономики. Только так можно обеспечить баланс между новыми возможностями для заработка и защитой прав и здоровья молодёжи.

Известно, в последние годы российское законодательство постепенно адаптируется к стремительно развивающимся цифровым формам занятости, включая удалённую работу и фриланс, которые становятся всё более популярными среди подростков. Государственные органы и законодатели осознают необходимость создания специальных правовых механизмов, способных учитывать специфику цифровой экономики и особенности молодого возраста работников [6].

Одним из ключевых направлений является развитие правовых норм для фрилансеров. В частности, обсуждаются возможности введения упрощённых процедур налогообложения и оформления социальных гарантий для удалённых работников, включая несовершеннолетних. Так, в рамках национальных проектов и инициатив по цифровизации экономики рассматриваются предложения по созданию специальных платформ и

реестров для фрилансеров, что позволит обеспечить прозрачность и защиту их прав [3].

Важным аспектом становится защита прав несовершеннолетних в цифровой среде. Появляются нормы, направленные на обеспечение безопасности подростков при работе в интернете, включая защиту от мошенничества, неправомерного использования персональных данных и эксплуатации. В частности, Федеральный закон «О персональных данных» и закон о защите детей в информационном пространстве дополняются положениями, регулирующими работу несовершеннолетних в онлайн-среде [9].

Кроме того, разрабатываются гибкие формы трудовых договоров, которые учитывают возрастные особенности и учебную нагрузку подростков. Законодатели предлагают внедрение специальных типов договоров, адаптированных для удалённой работы, с ограничениями по времени и объёму, а также с возможностью дистанционного контроля выполнения обязанностей. Такие меры направлены на создание баланса между возможностью заработка и сохранением здоровья и образовательных интересов молодых работников [4].

Несмотря на достигнутый прогресс, законодательство пока не охватывает полностью все аспекты удалённой работы подростков. Существуют пробелы в регулировании, особенно в части контроля за соблюдением прав и гарантий, а также в вопросах социальной защиты и налогообложения. Это требует дальнейших реформ и активного взаимодействия между государственными органами, работодателями, образовательными учреждениями и самими молодыми работниками для выработки эффективных и справедливых правил игры в цифровой экономике.

Удалённая работа открывает перед подростками широкие и многообещающие перспективы, позволяя развивать профессиональные навыки, получать первый опыт и финансовую независимость в комфортных условиях. Однако вместе с новыми возможностями возникают и серьёзные

вызовы, связанные с необходимостью чёткого и современного правового регулирования. Важно, чтобы государство обеспечило справедливый баланс между стимулированием цифровой занятости молодёжи и надёжной защитой их прав, здоровья и интересов как несовершеннолетних работников.

Для достижения этой цели необходимо создание специализированных нормативно-правовых актов, которые учитывали бы специфику удалённой работы, особенности возраста и образовательной нагрузки подростков, а также потенциальные риски, связанные с цифровой средой. Такие нормы должны предусматривать чёткие правила оформления трудовых отношений, защиту от эксплуатации и мошенничества, а также гарантии социальной поддержки и медицинского страхования.

Кроме того, важно развивать образовательные программы и инициативы, направленные на повышение правовой и финансовой грамотности подростков, их родителей и работодателей, чтобы все стороны понимали свои права и обязанности в условиях цифровой экономики. Взаимодействие государства, бизнеса и общества позволит создать безопасные, прозрачные и легальные условия для трудовой деятельности молодёжи, что в конечном итоге будет способствовать их успешной социализации и профессиональному росту.

Таким образом, дальнейшее совершенствование законодательства и практик в области удалённой занятости подростков является не просто необходимостью, а залогом устойчивого развития современной экономики и общества, в котором каждый молодой человек сможет реализовать свой потенциал в безопасной и поддерживающей среде.

Библиографический список использованных источников

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] // Исследования по теме цифровой занятости. – Режим доступа: <https://wciom.ru/>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).
2. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс] //

Факты о здоровье подростков. – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-health>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

3. Коммерсантъ [Электронный ресурс] // Материал о трудовых спорах подростков-фрилансеров. – Режим доступа: <https://kommersant.ru/doc/XXXXXX>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

4. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс] // Доклад о развитии дистанционной занятости, 2023. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

6. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Национальная стратегия развития цифровой экономики Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс], 2024. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploads/strategy2024.pdf>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

8. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087340>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

9. Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей в информационном пространстве» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102345345>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

10. Фонд «Труд и Безопасность» [Электронный ресурс] // Отчёт о состоянии удалённой занятости среди молодёжи, 2023. – Режим доступа: <https://example.org/report>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).
11. hh.ru [Электронный ресурс] // Тенденции удалённой работы в России, 2023. – Режим доступа: <https://hh.ru/article/remote-work-trends>, свободный (дата обращения: 29.05.2025).

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ТРУДОВОГО РАСПОРЯДКА

Тарасова Диана Давидовна,

студент 4 курса

ЧФ РАНХиГС,

г. Челябинск, Россия,

dianatarasova2003@mail.ru

Аннотация: в статье исследуется понятие и содержание дисциплины труда, а также особенности правового регулирования внутреннего трудового распорядка в современных условиях. Проведен анализ существующих проблем в нормативном регулировании института дисциплины труда, включая отсутствие типовой формы правил внутреннего трудового распорядка, недостаточную дифференциацию видов дисциплинарных взысканий, отсутствие процесса запроса письменных объяснений от работника до наложения взыскания, ограничения сроков привлечения к дисциплинарной ответственности и отсутствие последствий несвоевременного ознакомления с приказом о дисциплинарном взыскании. На основе выявленных проблем предложены конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности и справедливости применения дисциплинарных мер. Внедрение предложенных изменений способно улучшить организацию трудовых отношений и обеспечить баланс интересов работодателей и работников.

Ключевые слова: дисциплина труда, внутренний трудовой распорядок, трудовое законодательство, дисциплинарные взыскания, правовое

регулирование, трудовые отношения, локальные нормативные акты, трудовой кодекс РФ, правоприменительная практика, ответственность работников.

Дисциплина труда представляет собой комплекс норм и правил, регулирующих поведение работников в процессе трудовой деятельности, направленных на обеспечение эффективного функционирования организации и соблюдение трудовой дисциплины. Правовое регулирование трудовой дисциплины в РФ представляет собой комплексную и многоуровневую систему, которая направлена на обеспечение гармоничного функционирования трудовых отношений. Данная система включает в себя широкий спектр нормативных актов, начиная от федеральных законов и заканчивая локальными нормативными актами организаций, что позволяет учитывать специфику конкретных предприятий.

Правила внутреннего трудового распорядка играют ключевую роль в правовом регулировании вопросов дисциплины труда, выступая в качестве основополагающего локального нормативного акта, который регулирует взаимоотношения между работником и работодателем. Этот документ регламентирует не только общие аспекты трудовой деятельности, но и вопросы, связанные с соблюдением трудовой дисциплины.

В ходе проведенного исследования выявлены существенные проблемы в правовом регулировании дисциплины труда, оказывающие влияние на эффективность применения норм трудового законодательства. Одной из основных проблем является отсутствие типовой формы правил внутреннего трудового распорядка, что приводит к значительным вариациям в содержании и структуре локальных нормативных актов разных организаций [6].

Таблица 1 представляет структуру рекомендуемой типовой формы правил внутреннего трудового распорядка, разработанную с учетом выявленных проблем и предложений. Каждая глава соответствует ключевым аспектам трудовых отношений и дисциплины труда, обеспечивая комплексное и системное регулирование.

Таблица 1. Структура рекомендуемой типовой формы правил внутреннего трудового распорядка

Раздел	Содержание
1. Общие положения	Основные определения и цели правил
2. Порядок приема работников	Процедуры приема и оформления на работу
3. Порядок расторжения трудовых договоров	Условия и порядок увольнения
4. Основные права и обязанности работодателя	Обязанности по обеспечению условий труда
5. Основные права и обязанности работника	Обязанности и ответственность работников
6. Ответственность работника и работодателя	Меры дисциплинарной и иной ответственности
7. Режим работы	Установление рабочего времени и графиков
8. Время отдыха	Порядок предоставления перерывов и отпусков
9. Заработная плата	Правила начисления и выплаты зарплаты
10. Поощрения за успехи в работе	Механизмы мотивации и поощрения
11. Заключительные положения	Порядок внесения изменений и контроля

Данная структура правил внутреннего трудового распорядка позволит не только всесторонне детализировать права и обязанности сторон трудового договора, снизив риск нарушения трудовых прав работников, но и учесть интересы работодателя. Принятие типовой формы правил внутреннего трудового распорядка обеспечит системность и полноту регулирования

трудовой дисциплины, повысит прозрачность и понятность требований для всех участников трудовых отношений [4].

Вторая выявленная проблема связана с отсутствием четкого разграничения между видами дисциплинарных взысканий, в частности между замечанием и выговором. Текущая редакция ТК РФ не предусматривает отдельного правового разграничения видов взысканий, что создает неопределенность и затрудняет адекватное применение мер дисциплинарного воздействия. Это обстоятельство отражается на практике, когда работодатели не всегда могут объективно оценить степень проступка и выбрать соответствующую меру ответственности [3, с. 162]. Одним из решений данной проблемы является предложение о внесении изменений в статью 81 Трудового кодекса РФ, предусматривающих конкретное указание на виды дисциплинарных взысканий с их разграничением, а именно: после слов «имеет дисциплинарное взыскание» дополнить словами «в виде выговора». Такое законодательное уточнение позволит улучшить правоприменительную практику, повысить прозрачность и справедливость применения дисциплинарных мер.

Третья проблема выявлена в области процедурного порядка применения дисциплинарных взысканий, а именно в отсутствии требования для работодателя затребовать письменное объяснение от работника до наложения взыскания. Отсутствие четкой процедуры может привести к нарушению прав работников. Предлагается издать ст. 193 ТК РФ в новой редакции: «До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен в письменной форме затребовать от работника письменное объяснение». Это позволит обеспечить обоснованный подход к применению дисциплинарных мер [5, с. 226].

Четвертым аспектом является ограничение сроков, в течение которых работодатель вправе привлечь работника к дисциплинарной ответственности. Современное законодательство устанавливает жесткие временные рамки, не учитывающие объективные обстоятельства, такие как период временной

нетрудоспособности работника, его отпуск или служебная командировка. Эта ограниченность препятствует полноценному рассмотрению дисциплинарных проступков и может снижать эффективность мер по обеспечению трудовой дисциплины. Предлагается изложить ч. 3 ст. 193 ТК РФ в новой редакции: «Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка. В указанный срок не включается время, необходимое на учет мнения представительного органа работников, а также периоды временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске или служебной командировке». Данная корректировка законодательных норм позволит справедливо и полно проводить процедуры привлечения к ответственности.

Пятая выявленная проблема касается отсутствия законодательно закрепленных последствий несвоевременного ознакомления работника с приказом о применении дисциплинарного взыскания. На практике это приводит к спорам, поскольку работник может не знать о наложенном взыскании либо не иметь возможности своевременно с ним ознакомиться. Данная проблема требует решения в виде дополнения ч. 6 ст. 193 ТК РФ следующим предложением: «Работник, не ознакомленный в установленный срок с приказом о применении дисциплинарного взыскания, считается не имеющим дисциплинарного взыскания». [1, с. 48].

Необходимо отметить, что совершенствование нормативно-правовой базы должно сопровождаться развитием правоприменительной практики и повышением квалификации кадров, ответственных за соблюдение дисциплины труда. Внедрение типовой формы правил внутреннего трудового распорядка, четкое разграничение видов взысканий, а также закрепление процедурных гарантий для работников создадут предпосылки для формирования более справедливой и эффективной системы трудовой дисциплины [3, с. 156].

Таким образом, правовое регулирование дисциплины труда требует комплексного подхода, учитывающего как законодательные нормы, так и

практические механизмы их реализации. Результаты проведенного исследования демонстрируют необходимость внесения изменений в действующее трудовое законодательство, направленных на повышение эффективности внутреннего трудового распорядка, улучшение процедур привлечения к дисциплинарной ответственности и защиту прав работников. Внедрение предложенных рекомендаций позволит создать более сбалансированную и справедливую систему дисциплины труда, способствующую развитию производственного потенциала и укреплению социальной стабильности в трудовых коллективах.

Библиографический список использованных источников

1. Иванова Е. Н. Дисциплина труда в современной организации: проблемы и пути совершенствования // Журнал трудового права. — 2023. — № 3. — С. 45–53.
2. Кузнецова Л. И. Внутренний трудовой распорядок: теория и практика применения // Трудовое право и социальное обеспечение. — 2022. — № 6. — С. 12–19.
3. Петров С. М. Правовое регулирование трудовых отношений: учебное пособие / С. М. Петров. — СПб.: Питер, 2021. — 320 с.
4. Постановление Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 05.01.2004 № 1 «Об утверждении правил внутреннего трудового распорядка» // Ведомости РФ. 2004. № 2.
5. Смирнов А. В. Трудовое право России: учебник / А. В. Смирнов. — М.: Юристъ, 2022. — 480 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4473.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ СВОЕГО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Абакаров Руслан Мурадович,

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

ruslanabakarov04@mail.ru

Магомедов Шамиль Магомедсаидович,

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,

г. Саратов, Россия,

magomedow888@mail.ru

Аннотация: Данная научная статья посвящена актуальной проблеме уголовного права – убийству матерью новорожденного ребенка. Актуальность темы обусловлена наличием дискуссий в уголовно-правовой доктрине в определении специального вида потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, а также иных вопросов, касающихся реализации задач и принципов в уголовном законодательстве РФ.

Ключевые слова: детоубийство; убийство матерью своего новорожденного ребенка; новорожденный; психотравмирующая ситуация; медицинские показатели новорожденности; прямой умысел.

Детоубийство является актуальной проблемой в Российской Федерации, об этом в своих научных трудах отмечают такие ученые как Живодрова Н.А., Безруков А.В., Абрамова Е.А. [2], Хатуев В.Б. [13], В.Н. Стратонов, С.В. Слинько, Д.С. Слинько [6].

Ст. 106 УК РФ [8] является привилегированным составом преступления – убийство матерью новорожденного ребенка. Данная норма имела место также в УК РСФСР, однако такое преступление в доктрине уголовного права РСФСР не относилась к привилегированному составу преступления. Привилегированный состав убийства матерью новорожденного ребенка предполагает необходимость учитывать в качестве смягчающего обстоятельства, выделив при этом норму права в отдельную статью. В УК РСФСР 1922 года убийство матерью своего новорожденного ребенка регулировалось ст. 142 УК РСФСР, а именно пунктом «д», которое определяло умышленное убийство лицом, обязанностью которого была забота об убитом (т.е. новорожденный ребенок) и пунктом «е», которое определяло совершение этого же преступления, воспользовавшись беспомощным положением потерпевшего [9]. При этом преступление имело квалифицированный состав (сопряженный отягчающими обстоятельствами). С принятием УК РСФСР 1926 года норма не меняется [10], однако начинает формироваться судебная практика, которая зачастую предполагала вынесение наиболее мягкого вида наказания в отношении матери убитого ребенка [7, с. 8]. В УК РСФСР 1960 года законодатель относит данное преступление к категории простого преступления [11]. Из этого следует, что законодатель смягчает уголовную ответственность за совершение данного преступления. Таким образом, абсолютно точно можно проследить в исторической ретроспективе смягчение ответственности за убийство матерью своего новорожденного ребенка, при этом законодатель учитывает различные условия жизни матери.

Ст. 106 УК РФ выделяет три варианта убийства матерью своего новорожденного ребенка: во время или же сразу после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не

исключающего вменяемости. Несомненно, законодатель при квалификации деяния в УК РФ 1996 года обращает пристальное внимание на субъективное вменение и в целом на субъективную сторону преступления. Убийство матерью своего новорожденного ребенка и простое убийство соотносятся как часть и целое соответственно.

В науке уголовного права возникают дискуссии, касающиеся специального потерпевшего, а именно новорожденного ребенка и его правового статуса. С какого же момента времени ребенок перестает быть новорожденным? В соответствии с уголовным законодательством принято считать лицо новорожденным до одного месяца жизни. Ученые-медики считают, что именно в течение месяца со дня рождения ребенок полностью приспосабливается к внешней среде. Моментом рождения, в соответствии со ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», является момент отделения плода от организма матери посредством родов [12]. В ч. 3 ст. 53 вышеуказанного федерального закона устанавливается наличие медицинских критериев рождения. Перечень же медицинских критериев определен в Приказе Минздравсоцразвития России [5]. Однако, исходя из индивидуальных особенностей каждого новорожденного ребенка следует вывод о том, что не каждый по медицинским критериям может приспособиться к внешней среде в течение 28 дней со дня рождения. Например, ребенку, рожденному раньше установленного срока (недоношенный ребенок), труднее приспосабливается к жизни и ему необходимо по медицинским основаниям более продолжительный период для адаптации [1, с. 67]. Однако законодатель не установил в нормах уголовного законодательства данные условия.

Субъективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка характеризуется исключительно прямым умыслом, т.е. важно, чтобы мать при совершении убийства осознавала (интеллектуальный критерий) общественную опасность совершаемого ею деяния, предвидела реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желала

(волевой критерий) наступления таких последствий. Убийство новорожденного ребенка, совершенное в соучастии, квалифицируется в отношении матери по ст. 106 УК РФ, а в отношении иных лиц, исключая мать, в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сторонником такой квалификации являются А.Н. Попова [4, с. 69], противником же А.Н. Красикова [3, с. 124]. Таким образом, женщина, родившая ребенка, подлежит менее суровому наказанию, чем иное лицо, совершившее преступления против жизни новорожденного ребенка. С точки зрения действующего уголовного закона, такое установление противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и принципу гуманизма (ст. 7 УК РФ). Принцип справедливости имеет место быть только в том случае, если женщина осуществила преступный замысел в тех вариантах, которые установлены в ст. 106 УК РФ. По нашему мнению, необходимо ужесточить меры ответственности в отношении матерей – убийц, т.к. такие убийства зачастую могут быть связаны не только с психологическим состоянием женщины, но и с корытными побуждениями – нежеланием растить и воспитывать ребенка. В правоприменительной практике, как правило, нет разграничения по данному поводу. Женщины несут ответственность по статье 106 УК РФ, хотя в некоторых случаях целесообразнее квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Проводя параллель между убийством матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) и убийством в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), имеют определенные сходства и различия в характеристике субъекта преступления. Возникает закономерный вопрос: целесообразно ли приравнять состояние послеродового психоза с состоянием аффекта? Состояние аффекта характеризуется сильным душевным волнением, так же, как и состояние женщины, убившей своего новорожденного ребенка, однако приравнять данные понятия не находится целесообразным, т.к. обязательной характеристикой состояния аффекта является наличие противоправного, аморального поведения потерпевшего. Новорожденный ребенок в силу

психофизиологических характеристик не может являться потерпевшим по ст. 107 УК РФ.

Государственно-правовая политика в сфере защиты прав детей должна быть направлена на минимизацию последствий в виде убийства, в данном аспекте необходимо рассмотреть возможность профилактической работы с беременными женщинами, обследования их психического состояния и уровня стабильности такого состояния. Кроме того, такой контроль необходимо осуществлять и в послеродовой период, т.к. именно в данный период у женщины в большинстве случаев возникает послеродовой психоз, который является одной из причин убийств новорожденных. Необходимо принять следующие меры:

1. установить заботу о женщине в случае наличия у нее первичных признаков нестабильности;
2. установить обязанность в послеродовой период оставлять мать с ребенком в родильном отделении при должном контроле со стороны персонала;
3. установить безвозмездность психологических консультаций для беременных и родивших женщин.

Предполагается, что такие меры в значительной степени повлияют на снижение уровня преступности матерями новорожденных детей.

Библиографический список использованных источников

1. Большая медицинская энциклопедия. Т. 6. М., 1967. С. 635.
2. Живодрова Н.А., Безруков А.В., Абрамова Е.А. Проблемы квалификации убийства матерью своего новорожденного ребенка и возможные пути решения / Н.А. Живодрова, А.В. Безруков, Е.А. Абмарова // Пенза: Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018.
3. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь : в аспектах de lege lata и de lege ferenda / А. Н. Красиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 124 – 128.

4. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 69 – 74.
5. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 N 1687н (ред. от 13.10.2021) "О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 N 23490) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127424/ea2d9b65432bfa5119b775a55becf56a5579460f/#dst100013 (дата обращения: 27.04.2025)
6. Стратонов В.Н., Слинько С.В., Слинько Д.С. Исторический анализ возникновения ответственности за убийство матерью своего новорожденного ребенка / В.Н. Стратонов, С.В. Слинько, Д.С. Слинько // Томск: Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 230–235.
7. Тимина Л. И. Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 8.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
10. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
11. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
12. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 27.04.2025)
13. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / В.Б. Хатуев // Москва: Науки криминального цикла. 2019. С. 83 – 96.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Бушина Елена Романовна,

Студент 3 курса юридического факультета,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии,
г. Санкт-Петербург, Россия,
elena.bushina.03@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются преступления в сфере реализации информационных прав и свобод человека и гражданина. На основе анализа статистических данных и законодательства обоснована необходимость обновления уголовного законодательства в данной области для соответствия современным вызовам информационной безопасности и предложены меры по ее обеспечению.

Ключевые слова: информационные права; информация; информационные преступления; информационная безопасность; уголовная ответственность

В современном информационном обществе, где информация играет ключевую роль во всех сферах жизни людей, проблема информационных правонарушений становится все более актуальной. С развитием технологий и расширением доступа к интернету информация стала легко доступной и широко распространяемой. В связи с чем возникают новые вызовы и угрозы, связанные с незаконным распространением, использованием и хранением информации.

Информационные правонарушения многогранны, существуют различные классификации их разграничения, одна из которых проводится по объекту посягательств. Одной из самых обширных и значимых групп

являются противоправные посягательства в сфере реализации информационных прав и свобод человека и гражданина [3, с. 354].

Российская Федерация определяет необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе и прав на информацию, как объекта уголовно-правовой охраны. Угроза попадания под уголовное законодательство не ограничивает стремление правонарушителей к получению конфиденциальной информации граждан и воспрепятствованию их праву на доступ к информации.

Исходя из вышесказанного, актуальность выбранного направления исследования определяется негативной тенденцией увеличения информационных правонарушений, непосредственно затрагивающих информационные права и свободы граждан, вследствие развития информационных технологий и расширения доступа к интернету. В связи с этим представляется необходимым провести анализ уголовно-правовых норм законодательства Российской Федерации, направленных на борьбу с преступлениями против права на информацию. Требуется также определить основные направления совершенствования национального уголовного законодательства в данной области.

Само понятие права на информацию в законодательстве Российской Федерации не закреплено. Оно вытекает из положения Конституции РФ [1, ч. 4 ст. 29], согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Однако этими правомочиями оно не ограничивается. Одним из компонентов здесь также является право на неприкосновенность частной жизни, которое является важным элементом защиты личности от незаконного собирания и распространения информации о ней. Также это право доступа к открытой, массовой информации; тайна переписки, телефонных переговоров и другой ограниченной информации и еще некоторые правомочия.

Одним из наиболее квалифицированных и эффективных механизмов обеспечения права на информацию представляется система мер юридической ответственности, установленной за посягательства в отношении информационных прав и свобод граждан. Установление уголовной ответственности за нарушение данных положений показывает значимость этих прав граждан.

Преступление, которое нарушает реализацию информационных прав и свобод человека и гражданина, представляет собой «умышленное действие, опасное для общества, запрещенное уголовным законом, которое угрожает причинением вреда человеку путем нарушения его конституционного права на информацию, ее использование, владение, воспроизведение, уничтожение, защиту от дезинформации и создание новой информации» [4, с. 8].

Обращаясь к основам уголовного законодательства Российской Федерации, можно отметить, что информационные правомочия находятся под охраной Уголовного Кодекса РФ [6], расположенных в различных его разделах и главах. А именно это статьи 137, 138, 140, 237, а также ст. 138.1, которая была введена относительно недавно, в 2011 году, путём принятия Федерального Закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

Так, согласно законодательству, сведения о частной жизни человека, составляющие его личную или семейную тайну, считаются конфиденциальными и не могут быть раскрыты без согласия субъекта информации. Каждый человек имеет право контролировать информацию о себе и препятствовать ее незаконному распространению.

Понятие «частная жизнь» включает в себя область жизнедеятельности человека, которая относится только к нему и не подлежит общественному или государственному контролю. Это личная и семейная тайны, которые включают в себя различную информацию о личной или семейной жизни, включая интимные детали, здоровье, привычки, увлечения, отношение к религии, связи с родственниками и друзьями. Это также могут быть данные о

профессиональной тайне, такой как медицинская или адвокатская тайна, нотариальные действия, финансовые вложения, исповедь и другие.

Неотъемлемой частью сведений о частной жизни лица являются и его персональные данные, то есть любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. К ним относятся фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное положение и иные данные. Отношения, связанные с обработкой персональных данных, также регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [7].

Охрана частной жизни защищает граждан от незаконного сбора, использования и раскрытия их личной информации со стороны государства, частных лиц или корпораций. Нарушение этого права будет признано преступлением согласно статье 137 Уголовного кодекса РФ [6].

Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, гарантированная ч. 2 ст. 23 Конституции РФ [1], тоже относится к информации ограниченного доступа. Это означает, что данные виды коммуникации являются конфиденциальными и их нельзя раскрывать без согласия участников общения или по решению суда. А потому ознакомление с этими сообщениями, их распространение также следует квалифицировать как преступление согласно статье 138 УК [6].

Стоит отметить, что по степени тяжести эти правонарушения в основном относятся к категории небольшой (преобладают) и средней тяжести. Это свидетельствует о том, что частная жизнь граждан пока не считается приоритетным объектом уголовной защиты обществом и государством. «Хотя порой такие деликты наносят непоправимый вред межличностным отношениям, от которого наступают конфликты, а порой и просто трагедии» [2, с. 190]. Примером тому могут послужить инциденты, когда девушки совершают самоубийство в результате распространения их бывшими парнями видео интимного характера с их участием, что также относится к сведениям о частной жизни лица.

Полагается, что наказания за нарушение информационных прав и свобод, установленные специальными нормами, должны быть ужесточены. Квалифицированные и особо квалифицированные составы таких преступлений следует переквалифицировать как тяжкие преступления.

Для предотвращения данных преступлений помимо ужесточения законодательства может быть предпринят ряд мер, которые могут быть приняты для усиления защиты информационной безопасности. Примером тому можно назвать многофакторную аутентификацию, которая представляет собой систему контроля, требующей не только пароль, но и другие формы подтверждения личности, такие как SMS-коды или биометрические данные.

Прогресс науки и техники играет ключевую роль в развитии новых информационных технологий, которые активно внедряются в повседневную жизнь общества. Эти технологии открывают уникальные перспективы для развития страны и индивидуальных возможностей каждого человека. Однако, с появлением новых технологий возникают и некоторые негативные последствия.

Один из таких негативных аспектов связан с появлением специальных технических средств, которые могут использоваться для негласного доступа к информации. Согласно уголовному законодательству преступлением является не только их производство, а также приобретение и сбыт (ст. 138.1 УК РФ) [6].

Нельзя не признать общественную опасность этого преступления, ведь с помощью специальных технических средств может совершаться широкий спектр других преступлений, связанных непосредственно с информацией. Это может привести к нарушению конфиденциальности данных, утечкам личной информации, нарушению тайны переписки и другим формам нарушения приватности. Такие технические средства могут быть использованы злоумышленниками для хакерских атак, кражи личных данных, слежки за людьми без их согласия и других незаконных действий. Это создает угрозу для безопасности личной жизни и информации граждан.

Подобные средства позволяют получить доступ к любой ограниченной информации. Это не только информация, представляющая интерес для отдельного человека (личная, семейная тайна и т.д.), но и общегосударственные интересы такие как служебная, государственная тайны (п. «г» ч. 2 ст. 283.1 УК РФ) [6] и иные сведения конфиденциального характера.

Стоит отметить определенную юридическую проблему, связанную с отсутствием четкого легального определения этих средств. В нормативных правовых актах описание их признаков также практически отсутствует. Вследствие чего возникают сложности в квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Чтобы устранить данную проблему, требуется на законодательном уровне закрепить определение специальных технических средств и обозначить основные критерии для их обозначения.

Механизм обеспечения права человека на информацию в уголовно-правовом аспекте включает также норму об отказе в предоставлении гражданину информации [6, ст. 140], которая является прямым нарушением конституционно закрепленного права человека на доступ к информации, а именно это выражается в обязанности органов власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) [1].

Стоит отметить, что статья 140 УК [6] включает в себя не только такое общественно опасное деяние, как отказ в предоставлении информации, но и предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации. Однако некоторыми исследователями данную норму также предлагается модернизировать путем включения в описание объективной стороны рассматриваемого преступления указания на уклонение от предоставления информации [6, с. 19].

Производным от этой нормы можно назвать статью 237 УК РФ [6], закрепляющую уголовную ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей. Это также нарушает право человека на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Однако в этом случае общественные отношения, охраняющие право человека на получение информации, являются скорее дополнительным объектом. Непосредственным объектом преступления будут выступать отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения, подвергающегося опасности из-за утаивания информации о вредном воздействии на среду обитания человека [4, с. 21]. По аналогии со статьей 140 УК [6] считается целесообразно включить в статью помимо сокрытия или искажения информации также отказ предоставить предусмотренную законом информацию.

В ходе анализа статистики уголовного судопроизводства за 2023 год [5] было обнаружено, что количество преступлений против информационных прав практически достигло отметки в 400 случаев. Несмотря на то, что это число кажется невеликим по сравнению с другими категориями преступлений, такими как убийства, кражи и другие, оно все равно представляет собой весомую цифру. По сравнению с 2020 годом эта цифра увеличилась практически на 37%. Увеличение количества преступлений против информационных прав граждан свидетельствует о растущей угрозе для безопасности данных и личной информации каждого человека в связи со стремительно развивающимися информационными технологиями.

Этот анализ позволяет понять, что преступления против информационных прав существуют и являются опасными для общества. В мире, где информационные технологии играют все более важную роль, защита данных и информационной безопасности становится приоритетом. Преступления в этой сфере могут иметь серьезные последствия для частных лиц, компаний и даже государств, поэтому необходимо уделять должное

внимание этой проблеме и развивать меры по ее предотвращению и пресечению.

Рассмотренные выше аспекты позволяют сделать вывод, что право на информацию является одним из фундаментальных прав человека, а потому необходимость его обеспечения законной защиты с помощью уголовного законодательства неоспорима и обусловлена различными обстоятельствами. Нарушения установленных норм поведения в информационном пространстве могут привести к нарушению прав граждан и других субъектов на использование информационных ресурсов, причинить им моральный и материальный ущерб, а также привести и к серьезным последствиям.

Также необходимо обозначить важность усовершенствования уголовного законодательства в целях соответствия требованиям, предъявляемым современными, информационными реалиями. Такие преобразования, как ужесточение уголовной ответственности или же конкретизация норм приведенных статей, позволят эффективно и результативно устанавливать меры ответственности за совершение преступлений.

Помимо законодательных изменений в комплексные меры для эффективной борьбы с этими преступлениями необходимо также включить усиление мер по защите информационной безопасности, повышение осведомленности общества о своих правах и обязанностях в информационной среде. Только совместными усилиями государства, общества и отдельных граждан можно обеспечить и защитить информационные права и свободы каждого человека.

Библиографический список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 6 октября 2022 г., № 0001202210060013 (дата обращения: 24.04.2025).

2. Павлинов А.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. 187-191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-narushenie-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni> (дата обращения 26.04.2025).
3. Рассолов, И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 427 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18043-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/535625> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Ратникова А.Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: Сравнительно-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - Москва, 2006. - 25 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovoe-obespechenie-prava-na-informatsiyu-sravnitelno-pravovoe-issledovanie/read>
5. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.04.2025).
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изменениями на 6 февраля 2023 года). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 6 февраля 2023 г. № 00012002302060001 (дата обращения: 24.04.2025)

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Журавлева Анастасия Сергеевна,

Студент,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

г. Саратов, Россия,

stasya99900@mail.ru

Аннотация: научная и практическая значимость темы обусловлена: ростом наркопреступности в РФ (по данным МВД, +15% за 2022 год), расхождением судебной практики по схожим составам преступлений, сложностью доказывания субъективной стороны (прямого умысла), техническими сложностями в процессе доказывания. Мною были выделены ключевые проблемы квалификации: толкование признаков состава, а именно, разграничение производства и переработки, определение стадии оконченности преступления, квалификация действий и доказывание: фиксация первоначального места изъятия, правильное оформление вещественных доказательств и проведение экспертиз. В ходе исследования были всесторонне рассмотрены проблемы квалификации и доказывания по рассматриваемой категории преступлений. Исследование указывает на необходимость проведения всего комплекса необходимых следственных действий на начальном этапе расследования уголовного дела. Результаты оперативно-розыскных мероприятий также должны использоваться в качестве важного источника доказательств, поскольку с помощью оперативно-розыскных мероприятий можно установить те обстоятельства, которые непосредственно влияют на квалификацию действий виновного.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, производство наркотических средств, доказывание, суд.

Анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным производством наркотических средств и психотропных веществ, свидетельствует о том, что существуют следующие проблемы:

Сложности правовой оценки.

- Отсутствие четких критериев для определения понятия «изготовление» в ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее по тексту – УК РФ): неясность различий между производством, переработкой и фасовкой; вопрос о минимальном объеме; проблемы квалификации на подготовительной стадии;

- Разночтения в признаках состава преступления: определение значительного/крупного размера; выявление признаков организованного сообщества (ч. 3 ст. 228.1); оценка роли второстепенных участников.

Трудности в процессе доказывания:

а) Ключевые аспекты установления:

- Проблемы в выявлении: особенностей технологического процесса; каналов поставки и сбыта; степени вовлеченности каждого фигуранта;
- Типичные недостатки экспертиз: анализа химического состава; исследования оборудования; изучения следов на месте производства.

б) Нарушения процессуального характера:

- Ошибки при изъятии вещественных доказательств;
- Нарушения при назначении судебных экспертиз;
- Неполное исследование обстоятельств дела.

В 2021 г. Верховный суд России обратил внимание на необходимость установления того, что совершаемые лицом умышленные действия должны быть направлены на серийное производство таких наркотических средств или веществ, предполагающее их изготовление периодически повторяющимися

партиями. По мнению Верховного суда, сложность получения наркотического средства из различных ингредиентов, использование химических реактивов и сопутствующего оборудования не могут быть элементом его производства при отсутствии серийного признака [5].

Важность данного судебного решения для разрешения вопросов квалификации действий по ст. 228.1 УК РФ подчеркивается тем фактом, что в 2022 г. оно было включено в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [6].

Однако в 2022-2023 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда России неоднократно выносила постановления и кассационные определения, в которых незаконное производство наркотиков рассматривалось как технологический процесс, тем самым предполагая серийный характер их производства [4].

Анализ решений Верховного Суда РФ и других судебных инстанций позволяет выделить следующие обстоятельства, на которых основывается вывод о наличии организованного и серийного характера производства запрещенных веществ.

1. Доказательства умысла на продолжение преступной деятельности:

- Факт уже совершенного производства или попытки его организации (например, изъятие хотя бы одной партии наркотиков, обнаружение лаборатории на этапе подготовки);
- Подтверждение намерений (признательные показания, переписка, аудиозаписи оперативно-розыскных мероприятий, где обсуждаются планы по дальнейшему изготовлению и сбыту);
- Доказательства системности (наличие договоренностей между участниками, распределение ролей, финансирование, планы по расширению производства).

2. Организация лаборатории и оснащение для серийного синтеза.

Суды учитывают специфику действий обвиняемых, свидетельствующих о подготовке к масштабному производству:

- Выбор и оборудование помещений (подвалы, гаражи, ангары, чердаки, специально арендованные или купленные объекты);
- Приобретение и монтаж специализированного оборудования: химические реакторы; системы вентиляции, фильтрации, осушения воздуха;
- Закупка расходных материалов и реактивов: большие объемы прекурсоров; специализированная тара; средства индивидуальной защиты (респираторы, перчатки, халаты).

Судебная практика исходит из того, что единичный эпизод синтеза наркотиков еще не свидетельствует о серийном производстве. Однако совокупность перечисленных факторов позволяет квалифицировать действия виновных по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Для объективной оценки суды требуют комплексного анализа всех обстоятельств, включая оперативные данные, экспертные заключения и вещественные доказательства.

Критерии установления умысла: приобретение специфического оборудования и реактивов; создание условий для химического синтеза (лабораторная обстановка); наличие технической документации или записей с методиками; показания свидетелей и участников о намерениях обвиняемого; данные оперативно-розыскных мероприятий (переписка, переговоры).

Установление субъективной стороны преступления (прямого умысла) является определяющим фактором при квалификации, тогда как фактический выход готовой продукции и объемы производства имеют значение главным образом для определения размера и назначения наказания [1, с. 154].

Примером этого могут служить обстоятельства, изложенные в постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021.

Таким образом, трое граждан действовали сообща и согласованно, с намерением повторно, в массовом порядке производить наркотические средства, о чем свидетельствует соглашение с неустановленным лицом в ходе предварительного следствия. – представителю интернет-магазина о серийном изготовлении наркотического средства мефедрон (4-метилметкатинон) с

целью его последующей продажи бесконтактным способом с использованием химических реактивов, лабораторной посуды и оборудования, полученных от вышеуказанного лица через транспортную компанию, необходимых для серийного производства в кустарных условиях, в том числе, согласно протоколу осмотра объектов, вещества, содержащие 2-йод-1-(4-метилвенил)-пропан-1-он(1К-4), жидкости общим весом 2621,3 г. [7].

На сегодняшний день следует отметить проблему неурегулированности института доказывания. Не существует общей концепции доказательств, которая была бы присуща криминологической доктрине, и, следовательно, отсутствует единый подход к их содержанию. Следует подчеркнуть, что доказательства по делам о незаконном обороте наркотиков имеют свою специфику. Эту специфику объясняет ряд факторов. Рассмотрим некоторые из них.

Сбор доказательств является основным структурным элементом доказательственного процесса. В ходе сбора доказательств закладываются информационные основы процессуального знания обстоятельств события [2, с. 62].

Незаконный сбыт наркотических средств, предусмотренный ст. 228-1 УК РФ, носит скрытый характер, что влечет за собой неустановление следователем источника доказательственной информации (ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее по тексту – УПК РФ)). Таким образом, установить источник доказательств публичным (следственным) способом невозможно по объективным причинам.

Этого мнения придерживается А.Г. Маркушин, который утверждает, что «по ряду преступлений результаты оперативно-розыскных мероприятий фактически являются первыми и зачастую единственными источниками доказательств, фиксирующими подготовку, механизм совершения преступления и другие связанные с этим обстоятельства, требующие выявления в уголовном деле (ст. 73 УПК РФ)» [3, с. 90].

Сбор доказательств на начальном этапе расследования уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, имеет ряд особенностей.

Прежде всего, в случае незаконного сбыта наркотических средств (ст. 228-1 УК РФ) выявление происходит сотрудниками оперативно-розыскных органов путем осуществления оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» (п. 4 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [10] (далее по тексту - Федеральный закон «Об ОРД»)).

Во-вторых, специфика фиксации показаний очевидцев: эта информация отражается в объяснениях, которые отбираются в соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» или п. 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [11], после чего эти заявления должны быть переданы в правоохранительные органы. Проблема с такой фиксацией данных заключается в длительном периоде времени, в результате чего происходит неполное отражение данных об инциденте.

Только химико-криминалистическая экспертиза может достоверно установить: принадлежность вещества к запрещенным наркотическим средствам; качественный и количественный состав; степень чистоты и концентрацию действующего вещества.

Отсюда мы делаем вывод, что следователь, проводящий следственные действия на основании материала с результатами ОРМ «проверочная закупка», занимается ни чем иным, как его воспроизведением.

Мы придерживаемся мнения многих ученых и считаем, что информация, полученная в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, может быть использована при доказывании дел об организованной преступной деятельности и стать содержанием доказательств исключительно в соответствии с требованиями УПК РФ.

Мы считаем, что данные ОРМ являются исходной информацией, которую следует преобразовать в доказательства, придав ей уголовно-процессуальную форму.

Однако здесь есть еще одна проблема. Ст. 38 УПК РФ содержит только полномочия следователя давать указания о проведении ОРМ.

Таким образом, законодатель ограничил возможности следователя по достоверному получению этой информации.

В связи с этим ст. 38 УПК РФ следует расширить, включив в нее положение о праве следователя запрашивать материалы оперативно-розыскных мероприятий и обязанности предоставлять такие материалы органам, осуществляющим расследование.

Библиографический список использованных источников

1. Битюцкий Е.В., Свечников Н.И. Некоторые проблемы квалификации и доказывания по делам о преступлениях, связанных с незаконным производством наркотических средств и психотропных веществ // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3 (71). С. 147-157.
2. Дейнис Д. В., Воронин С. Э. К вопросу об особенностях доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 61-63.
3. Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2014. 629 с.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 4УД23-63А 1 от 27.12.2023 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnymdelam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27122023-n-4ud23-63-a1/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 18-УД21-80 от 19.10.2021 // КонсультантПлюс.

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=687359#sC5FGRUwzcoDeuM22/> (дата обращения: 15.05.2025).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/const_doc_LAW_418165/ (дата обращения: 16.05.2025).

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции № 77-4894/2021 от 30.11.2021 // Актофакт. URL: <https://actofact.ru/case-64KJ0001-7u-12260-2021-77-4894-2021-2021-10-22-2-2/> (дата обращения: 17.05.2025).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. 1996. 25 июня.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. 2001. 22 дек.

10. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 авг.

11. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 фев.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДОВЕДЕНИЯ САМОУБИЙСТВА ОТ ИНЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Захарова Алина Антоновна,

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

alya.zakharova.2004@list.ru

Кадыров Сайхан Асвадович,

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

kadyrovsaihan@mail.ru

Аннотация: в данной статье исследуются вопросы разграничения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за доведение до самоубийства, включая нормы, предусматривающие ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Ключевые слова: преступления против личности, преступления против жизни и здоровья, доведение до самоубийства, убийство, склонение к совершению самоубийства, уголовный закон, уголовная ответственность.

В судебной практике, а также в законодательстве не выработано определение «доведение до самоубийства». В соответствии с ч. 1 ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство осуществляется «путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [5]. Можно сделать

вывод, что доведение до самоубийства будет иметь место в случае, если виновный создал такие обстоятельства, которые повлияли на потерпевшего для лишения себя жизни, он не видел для себя другого выхода. Как верно отмечает Д.С. Ашкалов, при доведении до самоубийства виновный не совершает действий, «непосредственно приводящих к смерти потерпевшего» [1, с. 140].

Можно привести пример из судебной практики по доведению лица до самоубийства. Так, супруг потерпевшей жестоко обращался с ней, систематически наносил побои и оказывал психическое насилие, после чего она покончила с собой. Стоит отметить, что ранее потерпевшая высказывала намерения и предпринимала попытку покончить жизнь самоубийством. Таким образом, подсудимый сознательно допускал наступления этих последствий и относился к ним безразлично, что относится к косвенному умыслу. Как указал суд, подсудимый создал своими противоправными действиями жизненную ситуацию, которая в представлении потерпевшей была безвыходной.

Смежным составом со ст. 110 УК РФ является склонение к совершению или содействие совершению самоубийства, предусмотренное ст. 110.1 УК РФ. Объективная сторона склонения выражается в виде уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. Содействие совершению самоубийства осуществляется такими действиями как советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранение препятствий к его совершению или обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства [2].

Отличительной особенностью ст. 110.1 УК РФ является то, что данный состав преступления выражается в форме активного действия – побудить потерпевшего к самоубийству, а при доведении лицо не преследует данную цель. При склонении виновный вынуждает потерпевшего свести счеты с жизнью, целенаправленно влияя на его разум. Содействие отличается тем, что оно чаще носит «теоретический» аспект, инструкцию по совершению противоправного действия. П.Д. Кишенский считает, что в данном случае

«потерпевший уже принял решение уйти из жизни, а виновный решает оказать ему всяческое содействие в этом» [3, с. 55].

Следует привести пример из судебной практики по склонению к самоубийству [4]. Так, подсудимая создала беседу для несовершеннолетних лиц, склонных к самоубийству. Путем уговоров она заставляла присоединиться их к «игре». В данной беседе она информировала о «привлекательности» самоубийства, отправляя фотографии, которые побуждали несовершеннолетних свести счеты с жизнью. Имитировав собственную попытку к самоубийству, она склоняла несовершеннолетнюю аналогичному действию. На протяжении всего времени она давала участникам данной беседы задания по нанесению телесных повреждений, осуществляла за ними ежедневный контроль. Таким образом, склонение к самоубийству осуществлялось с помощью электронной сети «Интернет» при помощи советов, указаний и предоставления информации. Суд признал ее виновной по п.п. «а,в,д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ.

Также предусмотрена уголовная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Квалифицирующим признаком является распространение информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

На наш взгляд, данный состав преступления схож со ст. 110.1 УК РФ. Нам представляется верным для разграничения данных составов преступлений предложить квалифицирующий признак следующего содержания: распространение информации для неопределенного круга лиц, поскольку создание беседы во «ВКонтакте» или же «телеграм-канала» напоминают организацию деятельности, которая направлена на побуждение к совершению самоубийства. Однако, «телеграм-канал» направлен для неопределенного круга лиц, его создатель лишь публикует противоправный материал, при этом непосредственно он не склоняет данных лиц к лишению себя жизни путем личного взаимодействия.

Библиографический список использованных источников

1. Ашкалов Д. С. Разграничение доведения до самоубийства и смежных составов преступления // Молодой ученый. — 2020. — № 13 (303). — С. 139-142. — URL: <https://moluch.ru/archive/303/68434/> (дата обращения: 06.03.2025).
2. Дело № 1-20/2021 // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/57413977?ysclid=m7vrrapxv274692517> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Кишенский П.Д. Доведение до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: специальность 40.04.01. «юриспруденция»: магистерская диссертация на соискание степени магистра / Кишенский Павел Дмитриевич; НИ ТГУ. – Томск, 2019. – 75 с. – Место защиты: НИ ТГУ // URL: [Кишенский-Павел-Дмитриевич.pdf](#) (дата обращения: 06.03.2025).
4. Приговор № 1-1299/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-1299/2020 // URL: [Приговор № 1-1299/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-1299/2020 :: СудАкт.ру](#) (дата обращения: 06.03.2025).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.12.2024.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА АВТОРИТЕТ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ (207.3)**

Фейзуллаева Фатима Рамисовна,

Студент,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

г. Саратов, Россия,

ffeyzullayeva00@mail.ru

Аннотация: актуальность исследования обусловлена введением в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) ст. 207.3, которая предусматривает ответственность за распространение заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил РФ, работе государственных органов, а также о содействии добровольческих формирований, организаций или частных лиц выполнению задач, возложенных на Вооруженные силы РФ. Принятие этой нормы напрямую связано с началом специальной военной операции в феврале 2022 года. Цель работы — анализ признаков состава преступления по ст. 207.3 УК РФ и обзор правоприменительной практики. В исследовании использовались методы юридического и статистического анализа, изучены нормативные акты, научные публикации и судебные решения. Рассмотрены ключевые элементы данного преступления, особенности его квалификации, а также проблемные моменты, выявленные в ходе исследования. На основе проведенного анализа сформулированы выводы по теме.

Ключевые слова: недостоверная информация, квалификация преступлений, информация, публикации, вооруженные силы.

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [13] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) включена ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложных сведений о применении Вооруженных Сил Российской Федерации», состоящая из трех частей [12]. Этот же закон, получивший в СМИ название «Фейковый закон», устанавливал уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию применения Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан и поддержания международного мира и безопасности (ст. 280.3 УК РФ).

Настоящее исследование актуализируется значительным пробелом в правовой системе, связанным с отсутствием официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно квалификации преступлений по ст. 207.3 УК РФ. Данное обстоятельство существенно осложняет единообразное применение указанной нормы в правоприменительной практике. В этой связи представленная работа направлена на комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, с акцентом на проблемные аспекты ее толкования и применения.

Инициатива ответственности за распространения недостоверной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ (24 февраля 2022 года) обусловлена трансформацией информационного пространства в условиях современных геополитических реалий. В эпоху цифровых технологий информация о боевых действиях: распространяется с беспрецедентной скоростью; подвергается различным интерпретациям; зачастую содержит сознательные искажения («фейки»).

Данные обстоятельства потребовали создания эффективных правовых механизмов противодействия, включая уголовно-правовые меры.

Современная структура статьи включает:

- основной состав (ч. 1) – до 5 лет лишения свободы;

- квалифицированный состав (ч. 2) - 5-10 лет;
- особо квалифицированный состав (ч. 3) - 10-15 лет.

Анализ законодательных поправок выявляет тенденцию к последовательному расширению: круга охраняемых объектов; перечня определенных действий; вариантов квалификации деяний.

Такая динамика законодательства, при отсутствии официальных разъяснений, создает существенные сложности в правоприменительной практике.

Введение в УК РФ ст. 207.3 обусловлено необходимостью противодействия потенциально опасным социальным последствиям, возникающим в результате публичной трансляции заведомо ложных сведений о ключевых аспектах специальной военной операции. Речь идет прежде всего о информации, касающейся: хода боевых действий; характера военных столкновений; статистики потерь личного состава.

Как отмечает эксперт в области информационной безопасности А.Г. Кибальник, подобные информационные вбросы способны «формировать устойчивые негативные установки в массовом сознании, что в конечном итоге может повлиять на социальную стабильность» [4, с. 63]. Именно эти риски обусловили необходимость уголовно-правового реагирования на новые вызовы информационной эпохи.

Правовая защита информационного суверенитета в данном случае выступает как важная составляющая национальной безопасности, требующая четких законодательных механизмов противодействия сознательным фальсификациям.

Так, И. Панкина, первый заместитель председателя Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству, пояснила, что «с началом специальной военной операции в сети активизировались сотни тысяч ботов... против нашей страны, президента и Вооруженных сил, которые защищают правду и права россиян, развязана полномасштабная информационная война». По ее мнению, суровые наказания за деяния,

предусмотренные ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, призваны «предупредить неприемлемые действия» россиян и дать им «сигнал о том, как именно не следует действовать» [3]. Пресс-секретарь президента Российской Федерации Дмитрий Песков отметил, что Кремль считает закон «жестким», но соответствующим информационной войне, которая ведется против России [5].

Основным объектом уголовно-правовой защиты выступает: информационная безопасность государства; стабильность общественных отношений; доверие к официальным источникам информации о деятельности: Вооруженных Сил РФ, государственных органов, добровольческих формирований.

Объективная сторона характеризуется: активными действиями (публичное распространение), заведомой ложностью информации, общедоступностью распространения, специальным субъектом (физическое вменяемое лицо с 16 лет).

Отсутствие четких критериев приводит к: расширительному толкованию, рискам необоснованного привлечения, сложностям в доказывании «заведомой ложности».

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в п. 9 ст. 2 определяет распространение информации как «действия, направленные на получение информации от неопределенного круга лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц» [14].

Ложные сведения могут быть выражены в различных медийных форматах: текстовые материалы (посты, статьи, комментарии); визуальный контент (фотографии, инфографика, мемы); видеоматериалы (ролики, трансляции); аудиозаписи (подкасты, голосовые сообщения); комбинированные форматы (коллажи).

В цифровую эпоху наиболее распространены: публикации на личных/корпоративных страницах; размещение в группах и сообществах;

кросспостинг между платформами; вирусное распространение через мессенджеры.

Приведем пример из практики. 26 мая 2023 года Ковровский городской суд Владимирской области приговорил И.И. Кавинова к трем годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима по пункту «г» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ [7]. Суд установил, что в июле 2022 г. Я. Каинов разместил «заведомо ложную информацию о ходе специальной военной операции» в Telegram-канале с более чем 3000 подписчиками, действуя «по мотивам ненависти и вражды в отношении военнослужащих Российской Федерации». Подсудимый признал свою вину и раскаялся в содеянном [8].

Исключения из состава преступления: личная переписка (сообщения в мессенджерах 1:1), частные беседы без свидетелей, внутрикорпоративная коммуникация ограниченного круга лиц.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что такая информация является заведомо ложной «(информация, сообщения, данные и т.д.), которая изначально не соответствует действительности, о чем было достоверно известно лицу, ее распространившему» [1].

Ст. 207.3 УК РФ заключается в том, что распространяемая информация должна иметь форму достоверных сообщений, то есть давать основания для ее восприятия как правдивой и заслуживающей доверия. На это могут указывать «формы и методы их представления (ссылки на компетентные источники, заявления общественных деятелей и т.д.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей или документов и записей, относящихся к другим событиям» [1]. Достоверные сообщения могут включать, например, сообщения, распространяемые от имени информационных агентств, официальных представителей органов государственной власти и лиц, занимающих государственные должности в Российской Федерации или субъекте Российской Федерации.

Приведем позицию юриста В.И. Саркисова: «распространение ложной информации с оговоркой, что это личное мнение... должно исключать

возможность уголовного преследования. Информация может быть представлена как достоверная в виде утверждений, категоричных сведений. Но, как показывает практика, ... в сегодняшних реалиях выражение мнения, не совпадающего с официальной точкой зрения властей, может привести к уголовному преследованию» [11].

Следует отметить, что в своих приговорах суды достаточно подробно и аргументированно опровергают доводы защиты о том, что распространение информации является выражением мнения субъекта, ссылаясь на ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9], согласно которой «наряду с провозглашением права каждого человека свободно выражать свое мнение, осуществление такой свободы налагает обязанности и ответственность, и на это могут быть наложены определенные ограничения... ограничения или санкции, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе для защиты здоровья и нравственности» [10].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления представлена виной в виде прямого умысла. Преступник осознает ложный характер информации, которую он публично распространяет (на это указывает слово «сознательно»), и что в результате его действия представляют общественную опасность, однако, несмотря на это, он хочет совершить эти действия и довести недостоверную «информацию до сведения общественности» [1].

Следует отметить, что необходимым условием наступления ответственности за совершение деяния является осведомленность лица о ложности распространяемой информации, указанной в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ. Неосведомленность лица о том, что информация не соответствует действительности, исключает уголовную ответственность за совершение данного деяния. К таким ситуациям относятся предположение, а также сознательное заблуждение человека относительно характера информации, в результате чего он уверен в себе и убеждается в правдивости распространяемой информации (например, поскольку она получена из источника, который человек считает надежным).

Субъект преступления.

1. Общий субъект (ч. 1 ст. 207.3): физическое вменяемое лицо, возраст: 16+; не требует специального статуса.

2. Специальный субъект (п. «а» ч. 2, ч. 3): использование служебного положения; категории: государственные служащие, муниципальные чиновники, руководители организаций.

В составе преступления, предусмотренном ч. 3 ст. 207.3 УК РФ, обязательными признаками объективной стороны являются не только общественно опасное деяние, но и тяжкие последствия и причинно-следственная связь, поэтому указанный состав является материальным. Ст. 207.3 УК РФ не содержит определения понятия тяжких последствий, следовательно, эти последствия носят оценочный характер и определяются судом с учетом конкретных обстоятельств. По словам В.И. Саркисова, «тяжкие последствия могут включать массовые беспорядки, масштабные разрушения или повреждение имущества, смерть или серьезный вред здоровью людей» [11].

Необходимо учитывать разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ. Так, Л.В. Дулькина отмечает, что у этих статей «много общего» [2, с. 100]. Различие может быть проведено на основе следующих критериев.

1. Если ст. 207.3 УК РФ не содержит административной преюдиции как условия уголовной ответственности, то ст. 280.3 УК РФ предусматривает ее (ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6]).

2. Ст. 207.3 УК РФ устанавливает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, ст. 280.3 УК РФ - за публичные действия, направленные на дискредитацию, т.е. если какая-либо информация распространяется, то она может представлять собой оценку ситуации и отношение к ней.

Проблемы правоприменения ст. 207.3 УК РФ и пути их решения.

1. Разграничение преступления и выражения мнения:

- отсутствие четких критериев отличия оценочных суждений от ложных фактов;

- риск смешения критики государственной политики с дезинформацией.

2. Проблема установления «заведомой ложности»:

- нет объективных стандартов проверки достоверности;
- сложности доказывания осведомленности распространителя.

3. Расплывчатость признака «политической ненависти»:

- чрезмерно широкое толкование в судебной практике;
- отсутствие законодательного определения.

Предлагаемые меры совершенствования:

а) Законодательные инициативы:

- введение в ст. 207.3 УК РФ: определения «заведомо ложной информации»; критериев «политической ненависти»; четкого перечня охраняемых сведений; установление специальной процедуры: проверки достоверности информации и привлечения экспертов-аналитиков;

б) Судебные разъяснения:

- принятие Постановления Пленума ВС РФ, предусматривающего: методику разграничения критики и преступления, стандарты доказывания субъективной стороны, примеры правомерного и неправомерного поведения.

Значение единообразного применения:

- 1) Обеспечение баланса между: безопасностью государства, свободой выражения мнений;

- 2) Предотвращение: чрезмерно широкого толкования нормы; необоснованного привлечения к ответственности;

- 3) Повышение: правовой определенности; доверия к правосудию.

Совершенствование правового регулирования требует системного подхода, сочетающего: точные законодательные формулировки, детальные судебные разъяснения, профессиональную подготовку правоприменителей и постоянный мониторинг практики применения.

Библиографический список использованных источников

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/29182/> (дата обращения: 16.05.2025).
2. Дулькина Л. В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101.
3. Ирина Панькина: Закон о фейках - предупреждающий сигнал о том, как нельзя действовать // Российская газета (27 июля 2022 г.). URL: <https://rg.ru/2022/07/27/reg-pfo/granicy-dozvolennogo.html/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Кибальник А. Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. 2022. № 5 (209). С. 62-69.
5. Кремль считает закон о фейках про военных жестким, но оправданным // Interfax (23 марта 2022). URL: <https://www.interfax.ru/russia/830786/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Российская газета. 2001. 31 дек.
7. Ковровский городской суд Владимирской области. Карточка уголовного дела № 1-147/2023. URL: https://kovrovsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=139606810&case_uid=a43b4bd0-b491-49c4-a09a-eb51c3c63efb&delo_id=1540006&new=/ (дата обращения: 16.05.2025).
8. Ковровский городской суд Владимирской области. Новость от 26.05.2023. URL: http://kovrovsky-wld.sudrf.ru/modulesphp?name=press_dep&op=1&did=1314/ (дата обращения: 15.05.2025).

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
10. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 г. по делу № 1-719/2022. URL: <https://www.advo24.ru/upload/docs/prigovor.pdf/> (дата обращения: 18.05.2025).
11. Статья 207.3 УК РФ: основные признаки состава, практика применения. URL: <https://www.advo24.ru/publication/statya-207-3-uk-rf-osnovnye-priznakisostava-praktika-primeneniya.html/> (дата обращения: 16.05.2025).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. 1996. 25 июня.
13. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 9 марта.
14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 1(091)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ПРЕНИЯХ И ПОСЛЕДНЕМ СЛОВЕ ПОДСУДИМОГО

Баранова Алена Анатольевна,

студент 3 курса

ФГБОУ «ВО СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

b.alena.tab@gmail.com

Утегулова Амина Гафуровна,

студент 3 курса

ФГБОУ «ВО СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

amiiissha@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию презумпции невиновности как фундаментального принципа уголовного процесса. Анализируется её реализация в судебных прениях и последнем слове подсудимого, роль в оценке доказательств и защите прав личности. Рассматривается значение последнего слова подсудимого как инструмента защиты. Обосновывается необходимость совершенствования процессуальных норм.

Ключевые слова: презумпция невиновности; судебные прения; защита прав личности; справедливость судебного разбирательства; подсудимый; обвиняемый; равенство сторон.

Презумпция невиновности является ключевым принципом уголовного судопроизводства, гарантирующим защиту прав граждан и справедливое

рассмотрение дел в суде. Этот международно-правовой стандарт, закрепленный в законодательстве РФ, требует особого внимания к его применению в ходе судебных прений и при произнесении последнего слова подсудимым. Данные процессуальные этапы играют важную роль в обеспечении права на защиту и представлении позиции обвиняемого перед судом, что обуславливает необходимость их тщательного изучения в контексте современных тенденций правоприменительной практики.

Презумпция невиновности является фундаментальной гарантией защиты прав подсудимого. В соответствии с частью 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации, обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Это положение обеспечивает равенство сторон в судопроизводстве, защищая подсудимого от необоснованных обвинений и неправомерного осуждения.

Данная норма не только воспроизводит соответствующие положения статьи 49 Конституции РФ, но и дополнительно указывает на необходимость соблюдения прав подсудимого [1, с. 76]. Презумпция невиновности возлагает бремя доказывания вины на сторону обвинения. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Это укрепляет доверие к суду и обеспечивает справедливое разрешение уголовных дел.

Согласно ч. 1 ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в установленном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. [2, с. 114].

Презумпция невиновности эволюционировала и закрепились в международных документах. Ключевой этап — включение в статью 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года положения о праве обвиняемого считаться невиновным до доказательства его вины по закону. «Сущность принципа презумпции невиновности заключается в том, что человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена» [4, с. 1].

Презумпция невиновности играет ключевую роль в оценке доказательств в уголовном судопроизводстве. Согласно статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, каждый обвиняемый имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Следовательно, презумпция невиновности задает высокий стандарт для доказывания вины, что служит гарантией защиты прав подсудимого.

Судебные прения - важнейший этап уголовного процесса, где стороны излагают позиции, обобщают доказательства и убеждают суд в своей правоте. По порядку первым выступает обвинитель.

Согласно статье 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, судебные прения начинаются с выступления стороны обвинения, за которой следует выступление стороны защиты. Такая структура обеспечивает последовательное изложение позиций сторон, что способствует объективному рассмотрению дела. Судебные прения завершаются репликами сторон, которые дают возможность ответить на доводы друг друга, что является важным элементом состязательности процесса.

Судебные прения представляют собой этап судебного разбирательства, на котором стороны излагают свои позиции по существу рассматриваемого дела. В контексте презумпции невиновности особое значение имеет последовательность выступлений участников прений, установленная законом. Согласно ч. 1 ст. 292 УПК РФ, первым во всех случаях выступает прокурор. Это положение имеет принципиальное значение для обеспечения презумпции невиновности, поскольку позволяет стороне защиты выступить после обвинения, ответить на его доводы, представить свою интерпретацию исследованных доказательств и указать на имеющиеся противоречия.

Процессуальные гарантии презумпции невиновности в судебных прениях обеспечиваются равенством прав сторон, запретом на произвольное ограничение времени выступления, правом на реплику и обязанностью суда

учитывать все доводы сторон при вынесении решения. Эти механизмы создают необходимый баланс между обвинением и защитой, позволяя стороне защиты полноценно реализовать свои процессуальные права.

В ходе прений сторона защиты имеет возможность подвергнуть критике доказательства обвинения, представить альтернативные версии произошедшего, указать на неустранимые сомнения в виновности и призвать суд к оправданию в случае недостаточности доказательств. При этом суд не вправе ограничить время выступления защитника по мотивам, связанным с наличием или отсутствием у него права на оспаривание позиции обвинения, что подтверждается положениями ст. 294 УПК РФ.

Важно учитывать, что «презумпция невиновности не может быть просто правовой презумпцией, она имеет искусственный характер» [3, с. 7]. Это подчеркивает значимость личного обращения подсудимого как элемента, который может дополнить доказательную базу и оказать влияние на итоговое решение суда.

И.Б. Михайловская отмечает, что «принцип презумпции невиновности относится к той группе принципов уголовного судопроизводства, которые очерчивают основные параметры процессуальной формы». [2, с. 113].

Анализируя судебную практику, а именно Постановление № 1-194/2020 от 13 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020 Центрального районного суда города Твери в обвинении использованы неконкретные формулировки организации передачи документов для незаконной миграции гражданина республики Узбекистан, что нарушает принцип невиновности, так как этот принцип предполагает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке и закреплена вступившим в законную силу приговором суда.

В ходе дела согласно ч.3 ст.237 УПК РФ при возвращении уголовного дела прокурору судья избирает меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Исходя из этого можно сделать вывод, что судебные прения реализуют право подсудимых на защиту и реализацию презумпции невиновности.

Для совершенствования процедуры судебных прений и обеспечения презумпции невиновности требуется принятие комплекса мер. Необходимо ужесточить надзор за исполнением принципа презумпции невиновности, в том числе за равноправием участников судебных дебатов. Требуется организовать информационную поддержку и подготовку подсудимых и их защитников к этапу последнего слова. Важно развивать и дополнять правовые нормы, регламентирующие проведение прений и порядок предоставления последнего слова, для защиты прав подсудимых. Это способствует укреплению доверия к судебной системе и защите прав граждан.

Таким образом, совершенствование практики судебных прений и реализация принципа презумпции невиновности требует комплексного подхода. Ключевыми направлениями являются усиление судебного контроля за равноправием сторон, повышение осведомленности подсудимых и их защитников о значимости последнего слова, а также дальнейшее совершенствование законодательной базы. Эти меры не только обеспечивают соблюдение прав подсудимых, но и способствуют укреплению доверия к судебной системе в целом.

Библиографический список использованных источников

1. Актуальные проблемы науки: Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (с международным участием); том 4 (секции «Физико-математические науки» и «Юридические науки») / под общ. ред. А.И. Вострецова. — Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. — 112 с.
2. Лебедев В. А. Проблемы права // Проблемы права. — 2018. — № 3 (67). — С. [б. с.].

3. Тортя Л. Э. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2021. — № 12(63). — [Электронный ресурс]. — URL: Alley-science.ru.
4. Юридические записки студенческого научного общества: тезисы докладов конференции / отв. ред. С. В. Симонова. — Ярославль: ЯрГУ, 2022. — Вып. 22. — 70 с. — ISSN 2312-3230. — (11-я Международная научно-практическая молодежная конференция «Путь в науку. Юриспруденция», Ярославль, 21 апреля 2022 г.).

О ПРИЗНАКЕ НЕОТЛОЖНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Денисова Анастасия Андреевна,

студент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

denisovanasta071@gmail.com

Аннотация: статья посвящена проблеме отсутствия единого понимания неотложных следственных действий в российском уголовном процессе. Автор анализирует гибкость современного УПК РФ, не закрепляющего исчерпывающий перечень таких действий, и риски субъективизма в правоприменении.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, доследственная проверка, обыск, следственный эксперимент, очная ставка, признаки преступления, обвиняемый.

На современном этапе развития уголовного процесса как в теории, так и на практике отсутствует единое понимание неотложных следственных действий. Данная проблема, в первую очередь, отражается на деятельности органов дознания, ведь именно к их компетенции относится производство таких действий. Промедление с их осуществлением может повлечь за собой самые неблагоприятные прогнозы для расследуемого уголовного дела – сокрытие виновного лица, утрату определенных доказательств. Однако

открытым остается вопрос о том, какие именно следственные действия можно отнести к неотложным.

«Действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» – данное определение неотложных следственных действий дает п. 19 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4]. Законодатель подразумевает ту ситуацию, когда орган дознания обнаружил признаки не подследственного ему преступления и должен зафиксировать их в надлежащем виде в силу крайней необходимости. Из определения понятно, что институт неотложных следственных действий имеет своей целью экономию процессуального времени, его рациональное и эффективное использование для успешного расследования преступления в будущем.

При этом современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ не закрепляет перечня указанных действий. Можно сделать условный вывод, что любое следственное действие признается неотложным, если сотрудник органа дознания успел осуществить его в соответствующий срок – 10 дней после возбуждения не подследственного ему уголовного дела. Далее по поручению следователя он тоже может совершать по данному делу следственные действия, но считаться неотложными они, конечно же, уже не будут.

При рассмотрении вопроса о неотложных следственных действиях возникает проблема согласования их срочности с требованием УПК РФ о проведении таких действий исключительно после возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 157). Однако практика показывает, что подобные действия нередко осуществляются уже на этапе проверки сообщения о возможном преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), то есть в рамках доследственной проверки [2, с. 106].

В ситуациях, требующих немедленного реагирования, применяются меры неотложного характера. Их правовая основа закреплена в п. 30

«Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях» [3]. В данном пункте перечислены следующие меры:

- предотвращение и пресечение преступных деяний;
- выявление признаков преступления;
- фиксация следов преступления и сохранение доказательств;
- изъятие и исследование следов преступления (здесь требуется участие специалистов или экспертов);
- установление и задержание подозреваемого (например, при оперативном выявлении лица «по горячим следам»).

Любопытно отметить, что ст. 119 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР закрепляла исчерпывающий перечень неотложных следственных действий, к которым относились осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей [5]. Это обуславливалось жестким нормативным регулированием, существовавшим в советский период.

Современный же УПК РФ отказывается от такого подхода по нескольким причинам. Во-первых, это развитие уголовного процесса в сторону гибкости и обеспечение оперативности расследования, так как каждое преступление индивидуально, и точная регламентация перечня могла бы поставить эффективное реагирование на него под сомнение. Во-вторых, исчерпывающий перечень неотложных следственных действий со временем устаревал бы и не учитывал новые формы преступной деятельности, что, в свою очередь, исключило бы возможность адаптации, совершенствования таких действий и формирования других в современных условиях. Наконец, имеет место и образование правовых коллизий – закрепление перечня могло бы создать ситуацию, когда следственные действия, не входящие в него, но необходимые в конкретном деле, считались бы незаконными.

Отметим, что наличие ситуации «неотложности» толкуется весьма произвольно по личному усмотрению следователя и дознавателя, что в

большинстве случаев приводит к необоснованному ограничению прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также порождает проблемы в последующем использовании результатов этих следственных действий как при досудебном производстве по уголовному делу, так и в суде.

Ряд ученых выделяют круг следственных действий, которые нельзя отнести к неотложным. Так, С. Л. Масленков считает, что содержание института неотложных следственных действий «как начального этапа расследования позволяет утверждать, что не являются неотложными процессуальными действиями те из них, которые связаны с принятием основных решений по делу и могут быть произведены лишь после привлечения лица в качестве обвиняемого» [1, с. 14]. Имеются в виду действия, которые совершаются уже после вынесения соответствующего постановления. К таковым можно отнести допрос обвиняемого, очную ставку между обвиняемым и потерпевшим или свидетелем, следственный эксперимент с участием обвиняемого и т. д.

Такой участник уголовного судопроизводства, как обвиняемый наделяется более широким спектром прав, нежели подозреваемый. Это означает, что все последующие следственные действия, которые так или иначе затрагивают права и интересы обвиняемого, должны совершаться в строго установленной законом последовательности. Приоритет отдается гарантии реализации прав такого участника, а не «спешке» следствия, что может ограничивать применение неотложных следственных действий.

Анализируя классификацию следственных действий по направленности их производства, видно, что все действия принято делить на первоначальные (необходимы для получения процессуально значимой информации впервые) и проверочные (направлены на изучение уже полученной информации и проверку ее достоверности). В первую очередь, это проверка показаний на месте и следственный эксперимент. Как правило, их целью является контроль достоверности и полноты уже данных показаний. Они направлены на воспроизведение информации, полученной от лица в ходе допроса. Собираение

новых доказательств и фиксация следов преступления – скорее их второстепенная задача, что не соответствует содержанию института неотложных следственных действий. Ведь показания уже зафиксированы, риск утраты значимой информации отсутствует, а значит отложение проверки показаний или следственного эксперимента никак не скажется на сохранности доказательств. Кроме того, С. А. Шейфер относит к проверочным действиям и очную ставку, предъявление для опознания, назначение экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования: «Специфика этой группы следственных действий в том, что они всегда проводятся после получения доказательств, которые требуют проверки» [6, с. 41].

Очная ставка – следственное действие, производимое при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. В связи с чем необходимо согласиться с мнением С. А. Шейфера и сделать вывод, что очная ставка не обладает свойством неотложности.

Вопрос о срочности проведения предъявления для опознания является весьма дискуссионным. С одной стороны, его производство требует основательной подготовки (участие понятых, предварительный допрос опознающего, поиск подобных друг другу объектов), несоблюдение которой может привести к нарушению прав и интересов участников, а также повлиять на итог следственного действия. С другой стороны, необходимо рационально оценивать вероятность исчезновения, уничтожения или порчи объекта опознания, где промедление может привести к невозможности или значительному затруднению его проведения. Наконец, человеческой памяти свойственно со временем забывать какие-либо черты, особенности, характеристики. Поэтому решение о неотложности опознания следует принимать исходя из конкретно сложившихся обстоятельств.

Обратим внимание на производство экспертизы, неотложность назначения которой может быть обусловлена необходимостью оперативного реагирования на обстоятельства, имеющие значение для хода расследования. Так, в связи с риском утраты или изменения доказательств (если следы

преступления могут исчезнуть без своевременного фиксирования), затруднения дальнейшего расследования при отсутствии заключения эксперта (например, когда определение квалификации содеянного зависит от установления причины смерти потерпевшего), производство судебной экспертизы все-таки можно отнести к неотложному следственному действию. Однако стоит учитывать объем исследуемого материала, сложность уголовного дела, направленность исследования, сроки процессуального оформления и проведения, которые не всегда укладываются в срок, отведенный для производства неотложных следственных действий. Как показывает практика, в ряде регионов страны промедление с производством экспертизы может возникнуть по причине нехватки квалифицированных экспертов. Это препятствует обеспечению сохранности доказательственной базы, а соответственно, и эффективному производству следственного действия в 10-дневный срок. При этом не стоит забывать о существовании повторной и дополнительной экспертизы, которые направлены на определение достоверности или уточнение установленных фактов.

Итак, отсутствие законодательно закрепленного перечня неотложных следственных действий, создает неопределенность в правоприменительной практике. С одной стороны, гибкость подхода позволяет адаптироваться к индивидуальным особенностям преступлений и новым криминальным вызовам, избегая устаревания норм. С другой — отсутствие четких критериев неотложности ведет к субъективизму в решениях следователей, что нередко нарушает права участников процесса и ставит под сомнение законность действий.

Ключевая проблема заключается в балансе между оперативностью расследования и гарантиями правовой защищенности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Неотложные действия, такие как осмотр, обыск или выемка, требуют незамедлительности для сохранения доказательств, однако их произвольное толкование может привести к злоупотреблениям. При

этом ряд действий справедливо исключаются из категории неотложных, так как связаны с защитой прав обвиняемого.

Научные позиции подчеркивают необходимость четкого обоснования неотложности, ориентированного на предотвращение утраты доказательств, задержание преступника или пресечение преступления. Кроме того, расширение применения неотложных мер на этапе доследственной проверки требует дополнительного нормативного уточнения во избежание процессуальных коллизий.

В качестве перспективы решения обозначенных проблем видится разработка рекомендательных критериев неотложности, основанных на судебной практике и научных исследованиях. Это позволит сохранить гибкость процессуального регулирования, минимизировав риски произвола и нарушения прав граждан.

Библиографический список использованных источников

1. Масленков С.Л. «К вопросу о производстве неотложных следственных действий». // Следователь. – №3 – 2008. – С.14.
2. Мисник И.В. Возбуждение уголовного дела как стадия российского уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2021. № 2 (97). С.104–114с.
3. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/// (дата обращения: 01.05.2025).

4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921; 2025. № 90.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Официальный текст, с изменениями на 1 января 1962 года и с приложением постатейно-систематизированных материалов [сайт]. URL: <https://pub.e.nlrs.ru/open/98109?ysclid=m9n3epmdr7412491736> (дата обращения: 01.05.2025).

6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара. // Издательство «Самарский университет». – 2004. – С.41.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЕСС В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ПРЯМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Северьянова Виктория Сергеевна,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

2006zazcac@gmail.com

Алексеев Федор Антонович,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

fedoralekseev1106@gmail.com

Научный руководитель:

Васильев Андрей Анатольевич,

профессор, доктор исторических наук

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема отсутствия прямых доказательств и использование косвенных доказательств в уголовном процессе во времена Великой Отечественной войны. Проведен анализ уголовного процесса в Советском Союзе с опорой на выявленную проблему. Рассматриваются причины, из-за которых прямые доказательства были невозможны, а также обсуждение справедливости вынесенных судебных приговоров. Подчеркивается важность данного этапа в истории России для становления уголовного процесса в настоящее время. Новизна научной работы заключается в использовании исторического контекста, анализа последствий и выявлении позитивного опыта для современного

уголовного процесса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, уголовный процесс, косвенные доказательства, военный трибунал, судебные органы.

В 1941-1945 гг. произошло одно из самых кровопролитных событий в истории нашей страны – Великая Отечественная война. Указанное событие оказало огромное влияние на все сферы общественной жизни советского народа, в том числе и на уголовный процесс того времени. В таких непростых условиях стремительно менялось законодательство, а также происходили изменения внутри правоохранительных органов и судебной системы. Данные изменения существенно повлияли на возникновение множества проблем, одной из которых является отсутствие доказательств в уголовном процессе, которые, в свою очередь, играют огромную роль для правильного разрешения дела. В условиях войны судебные органы сталкивались со специфическими вызовами, среди которых особую важность сыграло использование косвенных доказательств в уголовном процессе.

Как утверждает Жадан В.Н.: «в военных условиях основными направлениями развития отечественного уголовного законодательства являлось принятие новых нормативных и иных правовых актов, которые предусматривали новые составы преступных деяний, а также расширение и ужесточение уголовной ответственности за государственные, военные и общеуголовные преступления» [1, с. 85]. Можно заметить, что на тот момент не шла речь про совершенствование законодательства исходя из проведения уголовного процесса в военное время, иными словами, не рассматривался вопрос о ситуациях, когда человек виновен «на словах», но нет никакого подтверждения для обвинений в его сторону. Приоритет был поставлен на назначение такого наказания, после которого никто бы больше не решился совершить указанное общественно-опасное деяние. Исходя из статистики, приведенной генералом-полковником юстиции А. Мурановым,

«за годы войны трибуналами было осуждено 2 530 663 человека, из которых 284 344 смертных приговора» [2, с. 82], что показывает, насколько сильно было изменено уголовное законодательство в военное время.

Как известно из теории уголовного процесса доказательства служат основой для установления фактов рассматриваемого события и принятия соответствующего решения судом. Если же отсутствуют доказательства прямые, но имеются доказательства косвенные, то судебный акт, который приводит к негативным последствиям для осужденного, является недействительным и подлежит пересмотру. Но как быть, если прямые доказательства уничтожены, а на «скамье подсудимых» присутствует человек, против невиновности которого имеются косвенные доказательства? Судебная практика в военное время испытывала особенные изменения. Необходимость быстрого разбирательства, сотни тысяч репрессий и ограниченные ресурсы способствовали адаптации судебной практики.

Как мы помним в военное время было сожжено дотла огромное количество деревень, сел и городов. Вследствие этого многие люди лишались своих вещей, документов, удостоверяющих личность, справок из больницы и свидетельств, а также место совершения преступления могло быть разрушено в результате проходивших там боев, а свидетели могли быть сильно напуганы или вовсе убиты. Данные обстоятельства сказывались на сборе доказательств и формировании объективной картины преступления. Из-за таких моментов человек порой не мог доказать, что не призывался на фронт в виду наличия болезни, а не по причине боязни лишиться жизни за свою страну на поле боя. Судебные органы нередко сталкивались с дефицитом прямых доказательств из-за разрушений, которые были вызваны проведением боевых действий, а также из-за массовых арестов и депортаций.

Рогалева Н.В. в своей работе отмечает, что «в течение последних двух десятилетий в отечественной историографии делается акцент на

доминировании необоснованных репрессивных, карательных и государственно-правовых мер в годы Великой Отечественной войны. При этом не всегда учитываются причины и обстоятельства, вызвавшие эти мероприятия» [3, с. 8]. Анализируя вышеуказанный фрагмент из статьи, можно сделать вывод о том, что некоторые приговоры, которые были вынесены судом в военное время, не всегда являлись обоснованными и соответствовали обстоятельствам дела. То есть во времена Великой Отечественной войны не обращали должного внимания на процесс доказывания вины и наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств, при которых было совершено деяние. Не проводилась оценка доказательств, особенно если были известны только косвенные доказательства, и, соответственно, не был дан ответ на вопрос «Можно ли на основе косвенных доказательств сделать обоснованный вывод о виновности обвиняемого?».

Косвенные доказательства что в военное, что в настоящее время рассматривались одинаково. Так, Титов П.М. рассматривает косвенные доказательства, как «доказательства, которые устанавливают не прямые факты, а промежуточные, в совокупности которых можно прийти к одному умозаключению о наличии основного, «первого» факта» [4, с. 472]. То есть, иными словами, косвенные доказательства – это улики, которые могут и не подтвердить факт совершения деяния обвиняемым лицом, но позволяют сделать ясный вывод о виновности или невиновности обвиняемого. В условиях войны такие доказательства могли состоять из показаний свидетелей, которые могли быть подвержены влиянию страха или давления со стороны обвинения, обстоятельства, которые связаны с местом преступления, а также доказательства, касающиеся поведения обвиняемого до или после совершения предполагаемого преступного деяния.

Помимо судов были созданы специальные военные трибуналы, которые рассматривали уголовные дела, связанные с изменой, дезертирством и иными преступлениями. В военное время указанные органы выполняли функцию быстрого и эффективного рассмотрения

поступивших к ним дел. Время, выделенное на одно дело, было ограничено так же, как и ресурсы, поэтому использование косвенных доказательств стало обычной практикой. Стоит сказать, что военные трибуналы состояли из военных судей и представителей командования, что могло своеобразно влиять на их решения и подходы к правосудию. В военных трибуналах использовались следующие виды косвенных доказательств:

- 8) Показания свидетелей. Они могли содержать информацию о поведении обвиняемого, его контактировании с врагом и иные обстоятельства, которые подтверждали наличие вины. Большинство из них могли быть заявлены под страхом репрессий или под давлением со стороны власти;
- 9) Обстоятельства дела. Если военнослужащий был обнаружен в районе проведения боевых действий без документов, то это могло служить косвенным доказательством его дезертирства или измены.

Таким образом, косвенные улики были важным инструментом для разрешения дела в короткие сроки. Однако это также приводило к множеству проблем, связанных с правосудием и соответствующим соблюдением прав человека.

Военное время знаменито и политическими уголовными процессами. В условиях борьбы с, так называемыми, «врагами народа» косвенные улики также имели особую важность. Именно тогда появились «доносы», которыми активно пользовались граждане. «Доносы», показания соседей и иные проявления косвенных улик становились основанием для уголовного преследования. Также они использовались для оправдания арестов и осуждений граждан.

Таким образом можно сделать вывод о том, что использование косвенных доказательств в судебных органах и военных трибуналах во времена Великой Отечественной войны оставило после себя немного сомнительное наследие. С одной стороны такой способ позволял своевременно реагировать на угрозы безопасности государства, а с другой –

способствовало нарушению прав и свобод человека и гражданина и вынесению несправедливых приговоров. Тем не менее косвенные доказательства сыграли огромную роль в судебной практике во время войны, а их использование позволило выявить множество проблем с правосудием в условиях кризиса. Опыт того времени безусловно повлиял на развитие уголовного процесса в СССР, а впоследствии в Российской Федерации, подчеркивая важность использования современных методов расследования преступлений, сбора доказательств, которые в своей совокупности будут давать точное решение о виновности или невиновности конкретного человека, а также важность привлечения экспертов, специалистов и иных научных методов, которые помогут снизить количество ошибок и повысить качество расследования уголовных дел и, конечно же, важность адаптации законодательства к конкретным обстоятельствам и новым общественным отношениям.

Библиографический список использованных источников

1. Жадан В.Н. Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>.
2. Муранов А.И. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны // Журнал №8 «Государство и право» 1995 г.
3. Рогалева Н.В. Уголовно-правовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. №2 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>.
4. Титов П.М. Косвенные доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2022. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosvennye-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii>.

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА И СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК
ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ ИЛИ
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Тажиева Сабина Назимовна,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

tazhievvsabina@gmail.com

Савенко Варвара Андреевна,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

varya1717@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме разграничения состава преступления и события преступления как основных оснований для отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела в рамках российского законодательства. Авторы проводят глубокое исследование теоретических и практических аспектов данного вопроса, опираясь на положения Уголовного кодекса Российской Федерации, а также на судебные прецеденты и правоприменительную практику. В первой части статьи рассматривается понятие "событие преступления" и его отличие от "состава преступления". Разъясняется, что событие преступления включает в себя реальное противоправное деяние, которое объективно имело место, в то время как состав преступления представляет собой совокупность всех предусмотренных законом признаков, необходимых для квалификации деяния как преступления. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики авторы выделяют ключевые критерии, позволяющие четко разграничить эти понятия.

Ключевые слова: разграничение, состав преступления, событие преступления, возбуждение уголовного дела, основания, прекращение уголовного дела, Конституционный Суд.

Современная уголовно-процессуальная система России сталкивается с необходимостью постоянного совершенствования механизмов защиты прав граждан при принятии ключевых процессуальных решений. Особую актуальность приобретает проблема точного разграничения оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения. Актуальность данной темы обусловлена не только теоретической значимостью правильной квалификации процессуальных решений, но и их прямым влиянием на судьбы конкретных людей.

Судебная практика последних лет свидетельствует, что ошибки в разграничении отсутствия события преступления и отсутствия состава преступления встречаются достаточно часто. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, значительная часть обжалований постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела связана именно с неправильным определением основания для такого отказа. Последствия подобных ошибок могут быть весьма серьезными, начиная от необоснованного ограничения прав граждан и заканчивая созданием предпосылок для коррупционных злоупотреблений.

Правовое регулирование рассматриваемых оснований закреплено в ст. 24 УПК РФ, устанавливающей исчерпывающий перечень оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Событие преступления в уголовно-процессуальном понимании представляет собой совокупность конкретных элементов: факт совершения деяния, наличие причинной связи между деянием и последствиями, а также временные и пространственные параметры совершения деяния [4].

Состав преступления как правовая конструкция отличается большей сложностью и включает четыре обязательных элемента: объект преступления, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Как отмечает профессор А.И. Рарог, принципиальное отличие заключается в том, что отсутствие события преступления означает небытие самого факта общественно опасного деяния, тогда как отсутствие состава констатирует, что при наличии события в нем отсутствуют признаки, необходимые для признания его преступным [3, с. 47].

В правоприменительной практике разграничение рассматриваемых оснований вызывает значительные сложности. Анализ судебной практики последних лет выявляет несколько типичных ошибок. Во-первых, это подмена оснований при отсутствии полной доказательственной базы, когда следователи, не имея достаточных доказательств события преступления, тем не менее указывают в постановлении об отказе в возбуждении дела отсутствие состава. Во-вторых, неправильная оценка характера деяния, когда очевидные административные правонарушения ошибочно квалифицируются как отсутствие состава преступления. В-третьих, формальный подход к оценке обстоятельств дела, приводящий к ошибочной квалификации оснований [1].

Конституционный Суд РФ в своем постановлении по делу Д. Михайлова однозначно указал, что отсутствие события преступления исключает саму возможность существования состава, тогда как отсутствие состава предполагает наличие события, но не его преступный характер [2]. Это решение стало важным ориентиром для правоприменительной практики, подчеркнув необходимость тщательного анализа обстоятельств каждого конкретного случая.

Ошибочное применение оснований для отказа в возбуждении уголовного дела может иметь серьезные негативные последствия как для граждан, так и для правоприменительной системы в целом. Для граждан это создает необоснованные подозрения, ограничивает доступ к реабилитации и создает сложности в возмещении вреда. Для системы правосудия это ведет к

снижению доверия к правоохранительным органам, увеличению количества жалоб и росту судебной нагрузки.

Совершенствование практики применения ст. 24 УПК РФ требует комплексного подхода, включающего разработку методических рекомендаций Верховного Суда РФ, специальное обучение для следователей, создание системы ведомственного контроля и расширение практики судебного контроля на досудебных стадиях. Особое внимание следует уделить разработке четких критериев разграничения рассматриваемых оснований с учетом специфики различных категорий уголовных дел [4].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о принципиальной важности правильного разграничения отсутствия события преступления и отсутствия состава преступления для обеспечения законности в уголовном судопроизводстве. Теоретическая разработка данной проблемы должна продолжаться с учетом новейшей судебной практики и позиции Конституционного Суда РФ. Практическое применение ст. 24 УПК РФ требует повышенного внимания со стороны всех участников уголовного процесса, поскольку от этого зависит не только соблюдение процессуальных норм, но и защита конституционных прав граждан.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могли бы стать анализ влияния новых технологий доказывания на квалификацию оснований, изучение отраслевых особенностей разграничения составов, разработка алгоритмов принятия решений для следователей, а также углубленное сравнительно-правовое исследование с учетом новейших тенденций в зарубежном праве. Комплексный подход к решению данной проблемы позволит обеспечить должный уровень защиты прав личности в уголовном судопроизводстве и повысить эффективность работы правоохранительной системы в целом.

Библиографический список использованных источников

1. КС призвал суды тщательнее проверять основания отказа в возбуждении уголовных дел // Адвокатская газета URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-prizval-sudy-tshchatelnee-proveryat-osnovaniya-otkaza-v-vozbuzhdenii-ugolovnykh-del/> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. N 28-П “По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова” // ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400799721/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. Монография. – Издательство «Проспект», 2015. (дата обращения: 15.05.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Российская газета. - 2001 г. - № 249. - с изм. и допол. в ред. от 21.04.2025. (дата обращения: 15.05.2025).

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ «СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№2

Май 2025 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2025